

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
*Всесоюзный научно-исследовательский институт
криминалистики*

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

ВЫПУСК

30

Государственное Издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1957

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
*Всесоюзный научно-исследовательский институт
криминалистики*

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

ВЫПУСК

30

*Государственное издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1957*

В подготовке настоящего выпуска «Следственной практики» приняли участие научные сотрудники ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР кандидаты юридических наук Е. В. Болдырев и М. С. Брайнин; А. А. Выборнова; кандидат юридических наук Л. М. Карнеева; Н. П. Косоплечев; кандидаты юридических наук В. М. Николайчик и Н. А. Селиванов; В. Г. Танасевич, Э. А. Финн и кандидат юридических наук А. А. Эйсман

Ответственный редактор
30-го выпуска «Следственной практики»
кандидат юридических наук
Г. Б. КАРНОВИЧ

---

*Старший следователь прокуратуры
Ленинграда*

юрист 2-го класса

В. В. Желтов

ВАЖНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРИСУЩАЯ НЕСКОЛЬКИМ УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Днем 29 октября 1954 г. в доме № 25 по Рябовскому шоссе в Калининском районе Ленинграда выстрелом в голову из пистолета «ТТ» был убит Бутырев. Преступник или преступники похитили облигации госзаймов, принадлежавшие Бутыреву, и носильные вещи, принадлежавшие проживавшей в той же квартире семье Босенко. С места преступления при осмотре были изъяты пуля от пистолета «ТТ», список облигаций Бутырева и след пальца руки человека, не принадлежавший никому из членов семей Босенко и Бутырева.

Примерно через год, 28 сентября 1955 г., на улице Герцена Босенко на одном из молодых людей, стоявших с ним у автобусной остановки, опознал похищенное у него пальто. Последнее имело отличительные признаки, хорошо известные его владельцу: своеобразный покрой, цвет и качество материала. Поэтому Босенко сразу же принял меры к задержанию обладателя пальто, который, пытаясь скрыться, оказал Босенко сопротивление, но при помощи милиционера и граждан был задержан и препровожден в 35 отделение милиции Ленинграда¹. Задержанный молодой человек оказался рабочим ликеро-водочного завода Щербаковым.

---

¹ Суд, рассматривавший настоящее дело, вынес частное определение с ходатайством о поощрении Босенко Министерством внутренних дел СССР за мужество, проявленное им при задержании Щербакова.

Немедленно после задержания у Щербакова на квартире произвели обыск, где обнаружили хранившийся под матрасом пистолет «ТТ» № БЗ-1296 с патронами, а также большое количество носильных вещей, по приметам схожих с вещами, похищенными у некоторых потерпевших по другим аналогичным делам. В кармане спецовки было найдено письмо, адресованное Щербакову и подписанное «Толик».

Как по поводу обнаруженных у него вещей и пистолета, так и по поводу письма Щербаков дал путанные показания, а автора письма отказался назвать.

Жена Щербакова на допросе показала, что автором письма является приятель Щербакова — Анатолий Орлов, работающий грузчиком в Ленинградском порту.

На квартире у матери Орлова, где он был прописан, и на квартире у его сожительницы Висковой, у которой он фактически проживал, были произведены обыски.

У Висковой в комодке среди белья Орлова был обнаружен пистолет «ТТ» № БК-199. В комнате Висковой, кроме того, обнаружили финский нож, большое количество различных вещей, облигации госзаймов примерно на 30 тыс. руб. У матери Орлова изъяли написанные им письма и различные записи. Орлов был арестован.

Как в милиции, так и в прокуратуре задержание Щербакова и Орлова привлекло к себе особое внимание. Дело в том, что на протяжении последних нескольких лет в Калининском районе Ленинграда и граничащим с ним Всеволожском районе Ленинградской области имели место несколько убийств и ограблений, сходных одно с другим по обстоятельствам и способам их совершения.

Так, 11 июня 1955 г. днем выстрелом в голову была убита Кухянидзе, мывшая пол на кухне своей квартиры в доме № 15 по Митрофановской улице. В это время в соседней с кухней комнате находилась четырехлетняя соседская девочка Бойкова. После убийства Кухянидзе преступник проник в эту комнату, нанес Бойковой несколько ударов цветочным горшком по голове, причинив ей множественные повреждения, а затем, запихнув ей в рот конец пикейного одеяла, удушил. Из квартиры Кухянидзе преступник похитил носильные вещи, облигации госзаймов, некоторые вещи домашнего обихода. При осмотре места происшествия была обнаружена пуля, которая согласно заключению баллистической экспертизы выстрелена из пистолета «ТТ».

В связи с убийством Кухянидзе и Бойковой было возбуждено уголовное дело, расследование по которому велось сначала в прокуратуре Калининского района Ленинграда, а затем в прокуратуре го-

рода. Однако преступление это долгое время оставалось нераскрытым...

Через несколько дней после этого преступления во Всеволожском районе были убиты Петрова и Ефимова, а также ранена четырехлетняя Надя Глебова. Это преступление произошло при следующих обстоятельствах.

Проживавшая на даче в деревне Заневка Ефимова стала жертвой нападения в то время, когда она прогуливалась 17 июня 1955 г. в лесу близ деревни. Из дела, которое возбудила прокуратура района, было видно, что преступник нанес Ефимовой удар тупым предметом (предположительно рукояткой пистолета) по голове, после чего ударами ножа в грудь убил ее. Сняв с Ефимовой плащ, часы и забрав ее сумочку, преступник забросал труп ветками, которые срезал здесь же около места убийства с деревьев. Затем направился в деревню и зашел в крайний дом — Петровых. В доме находились Петрова, ее дочь Нина 12 лет, девочки Глебовы — Галя 11 лет и Надя 4 лет. Преступник спросил у Петровой, где живет Ефимова (фамилию Ефимовой он узнал из паспорта, находившегося в сумочке). Получив ответ, он, однако, не вышел из дома, а внезапно достав пистолет, выстрелил в Петрову, ранив ее в руку. Затем преступник произвел выстрел в Нину Петрову, но не попал в нее, после чего еще двумя выстрелами убил Петрову-мать (пуля попала в голову) и ранил в грудь навывлет четырехлетнюю Надю Глебову.

Сбежавшиеся на выстрелы жители деревни организовали преследование преступника, однако он скрылся в лесу. Убегая, преступник успел забросить в сарай Петровых похищенные у Ефимовой вещи и противогазовую сумку с обрезками провода и тетрадь, в которой имелась запись карандашом о разного рода ремонтных работах.

При осмотре места, где была убита Петрова и ранена Надя Глебова, были обнаружены три гильзы и пуля.

Хорошо видевшие преступника Галя Глебова и дочь Петровой запомнили, что он был среднего роста, светловолосый и имел в верхней челюсти два или три вставных зуба белого металла.

Прокуратура Всеволожского района возбудила уголовное дело, однако и в этом случае преступник не был обнаружен.

Проведенная по делу баллистическая экспертиза установила, что пуля и гильза выстрелены из пистолета «ТТ».

Совместно с работниками уголовного розыска нами была произведена проверка в районных прокуратурах нераскрытых дел об убийствах, схожих или по способу совершения преступления, или по месту, или по другим обстоятельствам, во многих случаях совершенных из пистолета «ТТ».

Вот что мы установили:

9 мая 1951 г. днем в доме № 7 по Андреевской улице в Калининском районе была убита Колпакова ударами в голову тупым предметом (предположительно утюгом).

Труп убитой был обнаружен в подполье кухни. По заключению медицинской экспертизы, смерть Колпаковой наступила спустя некоторое время после нанесения ей ударов по голове. По имевшимся в деле данным, преступников было двое, приметы их были описаны несколькими свидетелями. Из дома преступники похитили носильные вещи и другие предметы. На месте преступления оказа-

лись следы пальцев рук, не принадлежавшие никому из членов семьи Колпаковой (рис. 1).

Днем 13 декабря 1954 г. в буфет, расположенный на Уткином проезде во Всеволожском районе¹, вошел молодой человек, дважды выстрелил из пистолета в находившихся там буфетчицу Воробьеву и официантку Золотову. Золотова была убита, а Воробьева ранена. Похитив выручку, сумку, личные деньги и часы Воробьевой, преступник скрылся. На месте происшествия были обнаружены две пули и две гильзы от пистолета «ТТ». Воробьева описала приметы преступника и показала, что может опознать его. При этом сделанное ею описание совпало с описаниями Петровой и Глебовой.

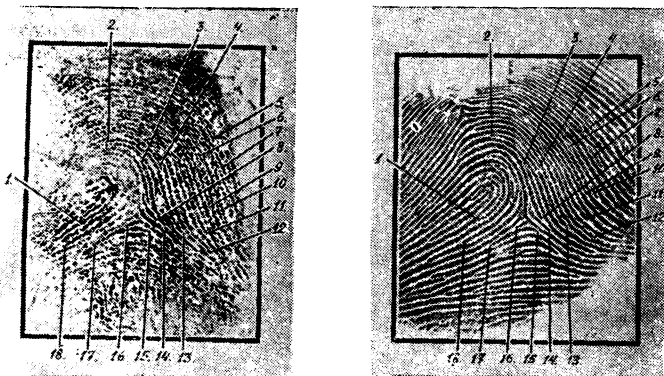

Рис. 1. Слева — след пальца руки, обнаруженный в комнате Колпаковой; справа — отпечаток пальца руки обвиняемого Орлова (цифрами обозначено совпадение)

Вечером 3 января 1955 г. в буфет бани № 29 Калининского района, расположенной на Капсьюльном шоссе, проник неизвестный, который выстрелом из пистолета в голову убил буфетчика Петухова, похитил из буфета кондитерские изделия, небольшую сумму денег (выручку) и скрылся. На месте происшествия при осмотре была обнаружена гильза пистолета «ТТ».

Днем 11 мая 1955 г. в квартире 206 дома № 9/5 по Б. Посадской улице (Петроградский район) неизвестные убили Куканову, нанеся ей удары тупым предметом по голове, похитили из квартиры носильные вещи и скрылись.

Из приведенных данных по этим делам видно, что все они объединяются по обстоятельствам и способу совершения преступления многими общими чертами. В первых, все они, за исключением убийства Кукановой, со-

¹ Напоминаю, что этот район граничит с Калининским районом; улицы одного района как бы составляют продолжение улиц другого (В. Ж.).

вершены в двух смежных районах, в тех же, где были убиты Кухянидзе, Бойкова, Ефимова, Петрова и ранена Глебова. Во-вторых, преступник или преступники во всех случаях действовали днем (кроме одного случая), дерзко, открыто, внезапно, с ничем не оправданной жестокостью и безо всяких поводов убивали или стремились убить всех лиц, находившихся в помещениях, на которые они совершали нападения. В-третьих, во всех случаях целью убийства было ограбление. В-четвертых, преступники не гнушались ничем, похищая в отдельных случаях конфеты, малоценные вещи, незначительные суммы денег. В-пятых, в четырех из пяти случаев преступник или преступники для убийства использовали пистолет «ТТ», а убийство Кукановой совершено тем же способом, что и убийство Колпаковой. Наконец, характерным было, что все убийства, за исключением Кукановой, были совершены преступниками в отдельно стоящих домах, вследствие чего выстрелы из пистолета не были слышны в соседних домах.

По делам об убийствах Бутырева, Золотовой, Петухова, Кухянидзе и Петровой, совершенных из пистолета «ТТ», по обнаруженным на местах преступлений пулям и гильзам научно-техническим отделом управления милиции Ленинграда было проведено баллистическое исследование, установившее, что все они выстрелены из одного пистолета «ТТ». По пуле, обнаруженной на месте убийства Бутырева, это было высказано предположительно (рис. 2 и 3).

Проверка по дактилоскопической регистрации обнаруженных на месте убийства Колпаковой и Бутырева следов пальцев рук положительного результата не дала.

Таким образом, следствие располагало данными о том, что убийства Золотовой, Петухова, Кухянидзе, Бойковой, Ефимовой, Петровой и ранение Глебовой совершены одним лицом или одной группой лиц. Что касается убийств Колпаковой, Бутырева и Кукановой, то такой же вывод относительно их был предположительным...

Пистолет, обнаруженный у Висковой и принадлежавший Орлову, был исследован экспертами. Они установили, что все имеющиеся по настоящему делу пули и гильзы, в том числе и пуля, изъятая с места убийства Бутырева, выстрелены из пистолета «ТТ» № БК-199, изъятых при обыске у Орлова.

Кроме того, еще до предъявления Орлова свидетелям

для опознания было видно полное совпадение примет преступника, описанных свидетелями, с личностью Орлова

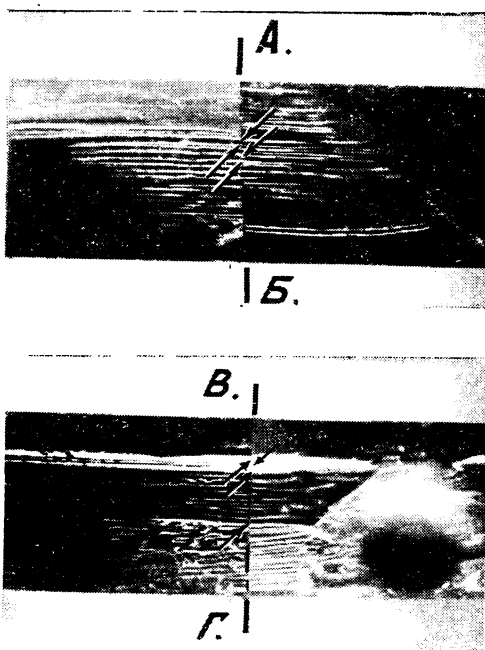

Рис. 2. Сравнительные фотоснимки поверхности оболочки двух пуль. Одна изъята с места убийства Кухянидзе, вторая выстрелена из пистолета, изъятого у Орлова. На снимках видны совпадающие признаки — следы, оставленные на поверхности оболочки пуль от прохождения по каналу ствола. Совпадение установлено при сравнении двух участков на поверхности оболочки каждой пули

(вставные зубы из белого металла, цвет волос, рост, фигура, черты лица и т. п.).

Под тяжестью столь неопровержимых улик Орлов признался в убийствах и ограблениях Бутырева, Золотовой, Петухова, Кухянидзе, Бойковой, Ефимовой, Петровой и ранении Воробьевой и Глебовой. Причастность к убийствам Колпаковой и Кукановой Орлов первоначально отрицал.

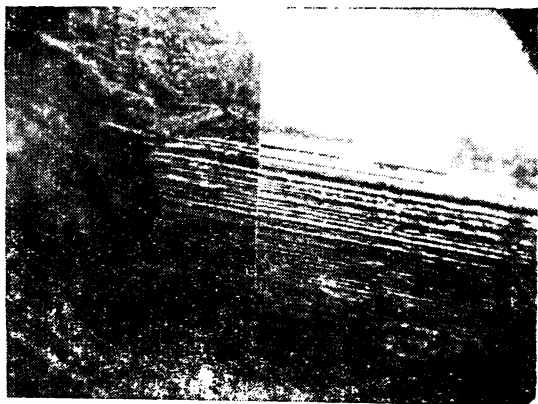
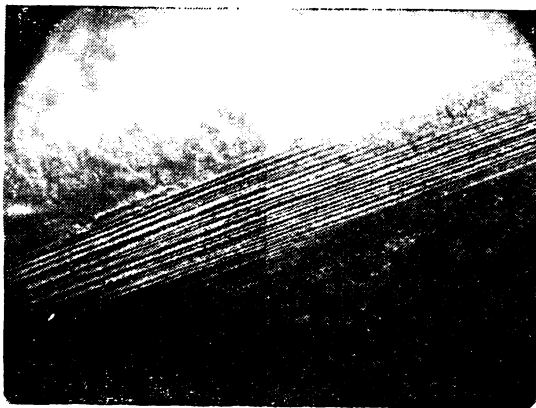

Рис. 3. Сравнительные фотоснимки развернутых оболочек пуль, изъятых с места убийства Кухяндзе и места убийства Петровой.

На снимках видны совпадающие признаки — следы, оставленные на поверхности оболочек пуль от прохождения по каналу ствола.

Совпадение установлено при сравнении двух участков на поверхности оболочек каждой пули

Орлов показал также, что все перечисленные преступления он совершил один, а Щербакову как товарищу подарил часть похищенного имущества. Пистолеты он и Щербаков во время службы в армии в 1953 году нашли в лесу, недалеко от расположения части, и привезли их после демобилизации с собой в Ленинград.

Щербаков некоторое время продолжал также отрицать свою преступную связь с Орловым, давая об обнаруженных у него вещах и пистолете те же показания, что и Орлов.

В результате нескольких допросов Орлова и Щербакова и использования иногда совсем незначительных противоречий в их показаниях¹ Орлов признал, что он в 1951 году совместно со своим знакомым Лебедевым совершил убийство и ограбление Колпаковой, а также, что убийство Кукановой совершено им вместе с Щербаковым, который был его соучастником и в ряде других преступлений.

Щербаков, видя бесцельность дальнейшего заpiresательства, подтвердил показания Орлова, отрицая, однако, свое прямое участие в убийстве Кукановой и отводя себе роль лица, ставшего соучастником Орлова по принуждению со стороны последнего.

Лебедев вскоре был обнаружен в Мурманске и доставлен в Ленинград. Он признался в участии вместе с Орловым в ограблении Колпаковой в 1951 году, но категорически отрицал свое участие в убийстве Колпаковой и говорил даже, что не знал о нем. Однако в этом он изобличался показаниями Орлова.

Были приняты меры к проверке показаний Орлова и Щербакова относительно обстоятельств, при которых к ним попали пистолеты. Кроме того, через уголовный розыск была произведена проверка нераскрытых дел, аналогичных ленинградским, совершенных в 1952—1954 гг. в тех местах, где проходили военную службу Орлов и Щербаков.

В начале октября 1955 года было получено сообщение о краже в 1953 году со склада одной из воинских частей двух пистолетов «ТТ» № БК-199 и № БЗ-1296 и об убий-

---

¹ Очных ставок Орлову и Щербакову я на первом этапе следствия не делал, имея в виду, что следствию было еще не все известно о их преступной деятельности, и опасаясь сговора между ними во время очной ставки (В. Ж.).

стве 3 апреля 1954 г. недалеко от этой части гр-на Вяли. Преступники, убив Вяли, сожгли дом вместе с находившимся в нем трупом убитого. Следствие по этому делу не располагало данными о хищении из дома каких-либо вещей, так как дом полностью сгорел. Но из показаний жены Вяли и его дочери было видно, какие вещи находились в доме и могли быть похищены преступниками. Кроме прочих вещей, ими были названы два отреза: шерстяной — коричневого цвета и хлопчатобумажный костюмный — серого цвета своеобразного рисунка.

Учитывая то обстоятельство, что Щербаков знает о показаниях против него Орлова, он был первый допрошен об убийстве Вяли. Он показал, что это преступление совершено им и Орловым по предложению последнего и что исполнителем был Орлов, а он, Щербаков, находясь под его влиянием, выполнял вспомогательную роль. Щербаков показал также, что Вяли был убит выстрелом в голову из пистолета и что из дома Вяли они похитили деньги, облигации госзаймов, носильные вещи и два отреза — коричневый и серый. Из Коричневого Орлов сшил себе костюм, а из серого Щербаков сшил себе брюки, а сыну пальто.

Получив эти показания, я немедленно произвел повторный обыск на квартире Щербакова и изъял там брюки и детское пальто, сшитые из однородного серого материала. Также при обыске было обнаружено письмо Щербакова жене, в котором он писал ей о посылке отреза и других вещей.

Кроме того, я обратил внимание на то, что Орлов был задержан и находился в тюрьме в костюме из шерстяного материала коричневого цвета. Я также изъял у него этот костюм.

Располагая показаниями Щербакова и изъятыми вещами, я допросил Орлова, который также признался в убийстве Вяли, показав, что организатором этого преступления был Щербаков, а не он, но что, однако, Вяли убил он, Орлов, после чего Щербаков поджег дом.

Дактилоскопическая экспертиза установила, что следы пальцев, обнаруженные в доме Бутырева и в доме Колпаковой, оставлены Орловым.

Графическая экспертиза установила принадлежность записей в тетради, обнаруженной на месте убийства Петровой, Орлову.

Орлов был опознан свидетелями Воробьевой, Петровой и Глебовой. Потерпевшие или их родственники опознали все изъятые у Орлова и Щербакова вещи и предъявили списки с номерами облигаций, которые совпали с номерами облигаций, изъятых у Орлова.

В расследовании этого дела, и особенно в техническом оформлении его, значительную помощь мне оказал кабинет криминалистики прокуратуры Ленинграда, и в частности следователь-криминалист кабинета Л. В. Гаврилов.

Ленинградским городским судом Орлов и Щербаков были приговорены к высшей мере наказания. Лебедев осужден к 20 годам лишения свободы.

Приговор вступил в законную силу и приведен в исполнение.

* *
*

Настоящее дело было успешно раскрыто благодаря случайному обстоятельству — неожиданной встрече у автобусной остановки самоотверженного советского гражданина Босенко с бандитом Щербаковым. Но тем не менее это дело показывает, как важно устанавливать особенности способов совершения преступления, присущие нескольким уголовным делам, по которым производится розыск преступников. В данном случае мы сумели доказать виновность Орлова и Щербакова в совершении нескольких преступлений.

---

*Следователь прокуратуры
г. Горловки Сталинской области
младший юрист*

К. М. Самохвалова

УБИЙЦА ИЗОБЛИЧЕН ПО ПАЛЬЦЕВОМУ ОТПЕЧАТКУ¹

Около 4 часов утра 23 марта 1955 г. в 6 отделение милиции г. Горловки сообщили по телефону, что в доме № 3 по Рудничной улице совершено разбойное нападение, при котором были зверски убиты сестры Кубышкины — Александра, 17 лет, и Антонина, 14 лет.

Дежурный по милиции сообщил об этом прокурору Центрального-городского района г. Горловки т. Янковскому, вместе с которым я и оперативные работники милиции немедленно выехали на место происшествия. До нашего прибытия оно охранялось милицией.

Прибыв туда, мы установили, что убийство произошло в доме Бережной, в 25 м от которого на том же земельном участке расположен дом Кубышкиных. Со слов присутствующих на месте происшествия граждан, мы узнали, что ночью в доме Кубышкиных умерла бабушка. В связи с нахождением покойной в квартире сестры Кубышкины остались почевать в доме Бережной, которая сама в эту ночь была в квартире Кубышкиных. В доме Бережной, кроме сестер Кубышкиных, никого не было.

Возвратившись домой под утро, Бережная обнаружила дверь открытой. В первой комнате горел свет, а на полу (рис. 1) лежала мертвая Антонина с обширными ранами на голове и на груди. В неосвещенной спальне

---

¹ За умелое использование научно-технических средств по настоящему делу приказом Генерального Прокурора СССР т. Самохваловой объявлена благодарность и она премирована месячным окладом.

около кровати, на полу, лежала окровавленная Александра, подававшая признаки жизни. На крик Бережновой прибежали родные потерпевших и соседи, вызвавшие карету скорой помощи, на которой Александру увезли в

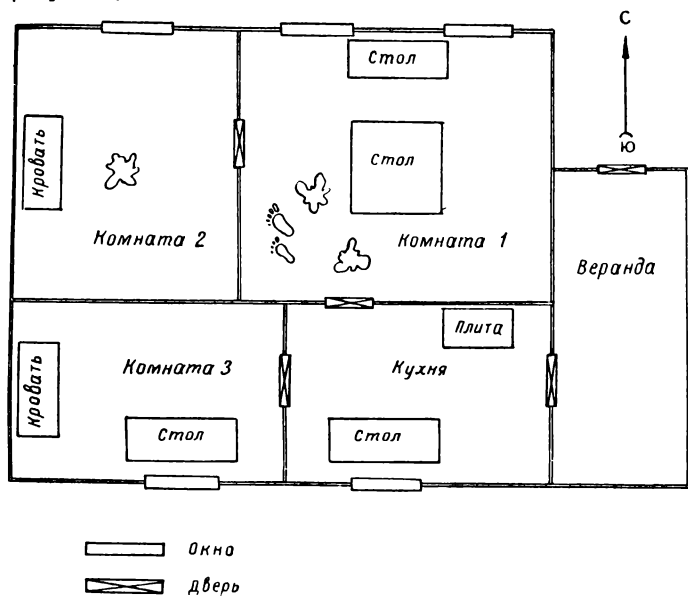

Рис. 1. Схематический план квартиры Бережновой: а) Комната 1, где был обнаружен труп Антонины. б) Комната 2, где была обнаружена раненая Александра

больницу, где она вскоре скончалась. Труп Антонины был отправлен в морг¹.

По заключению судебно-медицинской экспертизы, смерть Антонины и Александры наступила от колото-резаных ран. У Антонины одна из ран доходила до позвоночника, основные внутренние органы шеи были перерезаны. На шее у Александры имелись четыре большие резаные раны, колото-резаные раны находились на лице, груди, височной области, на руках. У нее были перерезаны пищевод и трахея. Защищаясь от наносимых ей ударов,

¹ Необходимо указать на недопустимость отправления трупа в морг до осмотра места происшествия. — *Ред.*

Александра закрывалась руками, на которых имелись большие — длиной 8 см лоскутные резаные раны.

При осмотре места происшествия было установлено, что одно из окон южной стены дома Бережновой повреждено (рис. 2), внешнее стекло, размером 45×60 см, вы-

Рис. 2. Вид дома Бережновой. Окно с выставленным стеклом указано стрелкой

нуто и стоит прислоненным к стене под окном, а внутреннее — разбито. К окну снаружи приставлены деревянные носилки, с помощью которых преступник, по-видимому, проник в дом. На веранде, расположенной у восточной стены дома, оказались вынутыми два стекла размером 15×10 см. Стекла стояли прислоненными к стене веранды.

При тщательном осмотре на поверхности стекла, стоявшего у стены под окном, удалось обнаружить ясные пальцевые отпечатки. Кусок оконного стекла с пальцевыми отпечатками был изъят и упакован так, чтобы не повредить следов на его поверхности.

В квартире Бережновой во всех комнатах вещи находились в хаотическом беспорядке. На полу имелись обиль-

ные лужи крови, а на стенах видны брызги крови. На некрашеном полу в первой комнате, где находился труп Антонины, были четкие кровавые следы босой ноги небольшого размера. В комнате, где спали пострадавшие, также имелись большие лужи крови; на полу лежало окровавленное стеганое одеяло, в некоторых местах проколотое каким-то орудием, по-видимому, ножом. В первой комнате под столом стоял деревянный сундук, находившиеся в нем вещи были в беспорядке.

По заявлению Бережной, до ее ухода из квартиры сундук стоял во второй комнате (спальне), и в нем были аккуратно сложены вещи, часть из которых исчезла после случившегося.

Место происшествия я сфотографировала, а также составила план расположения комнат, предметов и вещей в квартире Бережной.

Внимательно осматривая открытую местность вокруг дома Бережной в поисках следов преступника, в 300 м от дома № 3, в овраге, находящемся между улицами имени Фрунзе и Пугачевской, мы обнаружили закопанными на небольшую глубину в рыхлую землю носильные вещи — пиджак, брюки, женское пальто, юбку и другие, принадлежащие Бережной и Трофимовой, проживающей в квартире Бережной.

На противоположной стороне оврага, к северу, на грунтовой проезжей дороге стоял деревянный пустой чемодан, принадлежащий Трофимовой. В 125 м от дома Бережной, на юго-запад, в небольшом углублении склона этого же оврага были обнаружены присыпанные землей два женских пальто, мужские хромовые сапоги и шерстяная рукавичка.

Применение на месте служебно-розыскной собаки положительных результатов не дало, так как собака, дойдя до ручья, протекавшего в овраге, потеряла след.

На основании данных, собранных на месте происшествия, и допроса свидетелей возник ряд версий и в том числе, что убийство совершено с целью грабежа.

При проверке этих версий перед следствием возникла необходимость:

1. Изучить круг лиц, проживающих в поселке поблизости от домов Кубышкиных и Бережной.
2. Выяснить образ жизни Бережной и семьи Кубышкиных.

3. Установить, кто посещал дом Кубышкиных в день, предшествовавший убийству.

4. Выяснить, кто оставался в доме у Кубышкиных в ночь разбойного нападения на квартиру Бережной. Кто и как часто посещал их дома, их взаимоотношения между собой и другими жителями поселка.

С помощью работников уголовного розыска, в тесном контакте с которыми производилось расследование, удалось установить, что часть вещей, похищенных у Бережной, были обнаружены зарытыми в огороде родственников Кубышкиных — Гаевых. Дядя погибших — Гаевой Иван Павлович, 27 лет, нигде не работал, в 1950 году приговоривался за кражу к 8 годам лишения свободы, но был освобожден по амнистии, а в 1953 году — за хулиганство к 2 годам лишения свободы. Отбыв наказание и приехав к родным, Гаевой на работу не устраивался.

Показаниями свидетелей устанавливалось, что в ночь с 22 на 23 марта мать Гаевого ушла к Кубышкиным, где находилась до утра. Гаевой оставался дома с глухонемым отцом. 23 марта примерно в четвертом часу утра его разбудила мать, и он пошел в дом к Бережной, где принял активное участие в отправке пострадавших в больницу. Гаевой показал, что он вскоре после происшествия заходил в дом к Бережной, но к окнам не подходил и стекло не трогал. Однако дактилоскопическая экспертиза установила, что на осколке стекла из рамы, через которую проник в дом преступник, имелись четыре следа, оставленные большим пальцем правой руки И. П. Гаевого.

Получив это заключение, к допросу Гаевого я, однако, приступила не сразу. Прежде я подробно допросила его мать, сестру и Бережную, которые показали, что до настоящего происшествия, Иван никогда в доме у Бережной не был. Глухонемой отец Гаевого показал с помощью переводчика, что у них в доме были два больших ножа, один из которых исчез накануне убийства Кубышкиных.

Мать Гаевого рассказала, что она после 12 часов ночи подходила к своему дому посмотреть, дома ли Иван, и в окно видела, что Иван плел сетку для ловли рыбы. Иван пояснил, что он плел сетку с вечера, а затем, выпив водки, принесенной отцом, ушел на вокзал. Отец отрицал,

что 23 марта он принес водку. Обыском в квартире Гаевого никакой сетки обнаружено не было.

Эти обстоятельства давали основание предполагать, что убийство могло быть совершено Гаевым с целью ограбления. На всех допросах Гаевой утверждал, что до обнаружения убитыми сестер Кубышкиных он в доме у Бережной никогда не был. 23 марта рано утром он находился там непродолжительное время и только в первой комнате, перед тем как он с каретой скорой помощи уехал в больницу, сопровождая пострадавших. После этого к дому Бережной он больше не подходил, так как двор охранялся работниками милиции.

Все собранные доказательства свидетельствовали о том, что Гаевой не мог случайно оставить следы своих пальцев на стекле.

Ознакомившись с собранными доказательствами, и особенно с заключением дактилоскопической экспертизы, Гаевой признал себя виновным полностью и рассказал, как он совершил преступление.

Зная об отсутствии Бережной, он выбрал момент, когда у Кубышкиных собрались соседи для прощания с покойной, и, вооружившись ножом, пришел к дому Бережной. Во дворе снял с себя телогрейку, резиновые сапоги и пытался выставить в веранде стекла. Потом он подошел к другому окну, откуда мог наблюдать за домом Кубышкиных, на случай если кто-нибудь выйдет от Кубышкиных. Стекло, освобожденное им от замазки, лопнуло, и часть его осталась в раме. Этот осколок он взял обеими руками, вытащил и поставил на землю под окном.

Выставив стекло в окне, Гаевой проник в дом. В это время проснулась находившаяся там Александра и спросила: «Кто там в доме?» Боясь разоблачения, Гаевой стал наносить Александре удары ножом, от которых она защищалась стеганым одеялом. От шума проснулась Антонина. В страхе она закричала, тогда Гаевой бросился на нее. Спасаясь от него, Антонина убежала в первую комнату, где бегала вокруг стола, а затем под ударами Гаевого упала на пол.

Собрав вещи и сложив их в чемодан, который стоял в комнате, где проживала Трофимова, Гаевой с вещами вышел из дому через двери. Вещи он спрятал в овраге.

Так как нож, которым было совершено убийство, не был найден и Гаевой забыл место, куда он его забросил, ему предложили описать внешний вид ножа.

Гаевой собственноручно нарисовал нож, которым он совершил убийство. Его отец подтвердил, что нож, изображенный сыном, действительно у него имелся и что именно этого ножа в доме не стало после 23 марта.

6 апреля поздно вечером в присутствии понятых Гаевой указал еще два места, где он спрятал похищенные вещи, которые были отрыты, а затем опознаны Трофимовой.

По делу была проведена судебно-медицинская экспертиза для установления причины смерти девушек и для решения вопроса о том, каким орудием им были нанесены повреждения¹. Учитывая особую жестокость совершенного преступления, была проведена психиатрическая экспертиза, признавшая Гаевого вполне вменяемым.

Несмотря на то, что Гаевой при допросе признал себя виновным в убийстве и дал подробные показания, которые подтверждались другими доказательствами, позже он изменил свои показания и заявил, что убийства не совершал, а лишь подобрал кем-то награбленные вещи, когда бежал утром к дому Бережной, и спрятал их сначала у себя в сарае, а затем закопал в овраге.

Объяснения Гаевого о находке вещей опровергались, в частности, показаниями его матери. Она рассказала, что, узнав о разбойном нападении на квартиру Бережной, побежала домой и разбудила сына Ивана и мужа. Все трое они бежали по одной дороге — напрямик от своего дома к дому Бережной. По дороге Иван нигде не останавливался и не возвращался.

Заявление Гаевого о том, что он по возвращении из больницы подходил к окнам квартиры Бережной, брал в руки осколки стекла, рассматривал их и, следовательно, тогда мог оставить следы, также было опровергнуто свидетельскими показаниями. Было установлено, что к моменту его возвращения из больницы место происшествия

---

¹ По показаниям Гаевого, свою верхнюю одежду, которая была испачкана в крови, он сжег в печке, а кровь на рубашке замыл. Исследовать остатки крови на рубашке не было смысла, вследствие того, что Гаевой после обнаружения преступления помогал переносить пострадавших в карету скорой помощи и в этот момент мог испачкать кровью свою одежду.

уже осматривалось следователем и охранялось работниками милиции, а стекла с пальцевыми отпечатками были изъяты.

Во время судебного разбирательства материалы предварительного следствия получили свое полное подтверждение.

Выездной сессией областного суда Гаевой был признан виновным по ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» и ст. 138 пп. «в» и «г» УК УССР.

---

*Старший следователь прокуратуры
Московской области
младший советник юстиции*
А. Б. Саксонов

ДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ В СОЧЕТАНИИ С ОПЕРАТИВНОЙ РАБОТОЙ МИЛИЦИИ

13 мая 1955 г. в прокуратуру Московской области из милиции поступило сообщение о том, что 12 мая 1955 г. в 9 час. 30 мин. вечера в поселке имени Сталина около г. Серпухова совершено убийство Павлова, а в 10 часов вечера того же числа в доме № 6/1 фабрики «Красный текстильщик» в Серпухове убит Букин. На места происшествий выехали начальник следственного отдела прокуратуры области Н. А. Выборнов и я. К нашему приезду места происшествий были уже осмотрены работниками милиции.

Труп Павлова был обнаружен во дворе дома № 39/14. Лицо трупа было обильно залито кровью. Много крови было на земле около трупа и на его одежде. На расстоянии 1,5 м от трупа была найдена гильза от патрона для пистолета иностранной марки калибра 9 мм. При осмотре трупа в морге эксперт обнаружил два сквозных огнестрельных ранения: одно в области грудной клетки, другое в области живота. Под нательной рубашкой была обнаружена пуля калибра 7,62 мм.

Труп Букина находился у входа в коридор дома № 6/1 фабрики «Красный текстильщик». На левом виске трупа имелась рана, залитая кровью. Судебно-медицинский эксперт, произведя вскрытие трупа, констатировал смерть от огнестрельного ранения головы, причиненного с близкого расстояния из короткоствольного оружия.

Особое внимание было уделено обнаружению пули и гильзы в том месте, где был убит Букин. Однако несмотря на тщательный осмотр коридора дома № 6/1 и опроса

жителей этого дома, пуля и гильза не были обнаружены.

На допросе свидетель Сахарова показала, что около 9 час. 30 мин. вечера 12 мая она находилась около подъезда дома № 39/14 и видела, как не известные ей лица в количестве 6—8 человек окружили Павлова и о чем-то с ним говорили, а спустя 2—3 минуты раздались два выстрела. После этого неизвестные разбежались.

Аналогичные показания дала свидетель Кутузова. Из разговора неизвестных с Павловым она уловила слова Павлова: «Ребята это — не я».

Родственники Павлова показали, что через несколько минут после того, как Павлов вышел из дома, раздались два выстрела. Выбегав во двор, они обнаружили его уже мертвым. С кем встретился Павлов и кто в него стрелял, они не знали. Неприязненных отношений у него ни с кем не было, убийством ему никто не угрожал.

Таким образом, на первой стадии расследования не были установлены ни убийцы Павлова, ни мотивы его убийства.

В связи с убийством Букина его родственники показали, что за несколько минут до убийства в дверь их комнаты постучалась девочка и вызвала Букина в коридор, где его ожидал один молодой человек. Брат Букина — Александр, который выходил в коридор и видел молодого человека, на допросе показал, что это был Юрий Сорокин.

Следует отметить, что при расследовании этих преступлений с самого начала я установил тесный контакт с милицией. Моим очень активным помощником был капитан милиции т. Шерстнев. Оперативные работники милиции получили задание установить связи Сорокина и попытаться оперативным путем выявить новых свидетелей по делу. Вскоре было установлено, что Букина вызвала в коридор ученица 4-го класса Валя Пушкина. Она рассказала, что сделала это по просьбе незнакомого парня, который о цели вызова Букина ей ничего не сказал.

Задержанный Юрий Сорокин на допросе отрицал, что он вызывал Букина в коридор. Он заявил, что весь вечер 12 мая он провел в обществе одной знакомой девушки, что в Серпухов (для свидания с девушкой) он шел один и, кроме нее, никого из знакомых не встречал. Однако было установлено, что Сорокин вечером 12 мая шел из поселка

в Серпухов вместе с неким Ханиным. На допросе Ханин подтвердил это обстоятельство. Он показал, что 12 мая около 9 часов вечера он встретил Сорокина и пошел с ним в Серпухов. На горе Серпейке их остановила группа парней в количестве 5—6 человек. Среди них находились знакомые Ханина и Сорокина Шакуров, Бабкин и Чулков. Сорокину парни предложили следовать с ними, а Ханину — идти своей дорогой. После этого Сорокин вместе с группой молодых людей направился обратно в поселок, а Ханин пошел в город.

В ночь с 13 на 14 мая в милицию поступило сообщение о том, что 13 мая в 11 часов вечера в поселке имени Сталина группа неизвестных совершила покушение на убийство одного гражданина. Стрелявший промахнулся и попал в спутницу этого гражданина, ранив ее. Потерпевшей оказалась Юрова, а ее спутником — Аристов. Допросом этих лиц было установлено, что вечером 13 мая в поселке имени Сталина Аристов и Юрову встретили трое неизвестных и, отозвав в сторону Аристова, потребовали показать, где проживает Мышляев. Аристов сказал, что не знает такого. После этого один из неизвестных вынул пистолет и направил его на Аристова. Когда Аристов побежал, неизвестный вслед ему выстрелил, но попал в Юрову.

Возникло предположение, что это преступление совершено теми же лицами, которые убили Павлова и Букина. Милиции было дано задание задержать Шакурова, Бабукина и Чулкова, на которых указал на допросе Ханин. Вызванный вновь на допрос Сорокин, ознакомившись с показаниями Ханина, подтвердил их. Он рассказал следующее.

По дороге в Серпухов на горе Серпейке его и Ханина остановила группа парней, фамилий и имен которых он не знает, но хорошо помнит их внешность. Они предложили Сорокину вернуться с ними в поселок и показать, где живут Мышляев и ребята по прозвищам «Карапуз» и «Гусь». Сорокин выполнил их требование. Мышляева дома не оказалось, и его стали разыскивать во дворе. В это время из подъезда дома № 39/14 вышел человек. На вопрос Сорокина: «Ты — «Карапуз»?», вышедший ответил отрицательно. Но несмотря на это, они дважды в него выстрелили. Пострадавший оказался Павловым. После этого вся группа побежала к домам фабрики

«Красный текстильщик». По приказанию одного из убийц Павлова Сорокин попросил названную выше Валю Пушкину вызвать из квартиры Букина, который выстрелом в голову был убит одним из преступников. После убийства Букина все разбежались, а Сорокин ушел к знакомой девушке.

Вскоре работники милиции задержали Бабкина, Шакурова и Чулкова. На допросе Чулков подтвердил показания Сорокина. Он рассказал о том, что Шакуров, освободившись из места заключения, организовал преступную группу. На одном из совещаний членов этой группы решили убить Мышляева и еще двоих ребят по прозвищам «Карапуз» и «Гусь» за то, что они побили одного из приятелей Шакурова. Разработав план убийства, они решили выполнить его 12 мая. Кроме Шакурова, Бабкина, Сорокина и Чулкова, в осуществлении преступного замысла принимали участие Толмачев, Кадлубовский и Трубицын.

В Павлова стреляли Бабкин и Толмачев, а в Букина — Толмачев. Как показал Чулков, Павлова застрелили по ошибке, приняв его за парня по прозвищу «Карапуз», а Букина за то, что он дружил с Мышляевым.

Допрошенные по обстоятельствам дела Шакуров, Бабкин и Трубицын вначале отрицали свою причастность к убийству Павлова и Букина и давали очень сбивчивые показания относительно своего местопребывания вечером 12 мая. Лишь впоследствии указанные лица подтвердили показания Сорокина и Чулкова.

Для изобличения преступников исключительно важное значение приобретал вопрос об обнаружении оружия. При допросе Чулкова было установлено, что преступная группа имеет два револьвера «Наган» и один пистолет «Парабеллум». Револьвер и пистолет принадлежали Шакурову; кто был владельцем второго револьвера, Чулков не знал.

На квартирах Сорокина, Чулкова, Шакурова, Бабкина, и Трубицына произвели обыски, которые положительных результатов не дали. После получения показаний Чулкова был задержан Трубицын. Толмачев и Кадлубовский из Серпухова скрылись, а потому срочно были приняты меры к их розыску. На одном из последующих допросов Чулков заявил, что, по его мнению, оружие спрятано на чердаке дома, в котором проживали Бабкин, Толмачев и Кадлубовский.

В связи с этим заявлением встал вопрос о производстве повторных обысков в квартирах задержанных и тщательного обыска на чердаке указанного дома. При обыске на чердаке под стропилами удалось обнаружить пистолет «Парабеллум» и револьвер «Наган». Это оружие вместе с пулей и гильзой, обнаруженными ранее при осмотре места происшествия у трупа Павлова, были направлены на судебнобаллистическую экспертизу.

17 мая в 9 часов вечера поступило сообщение о том, что на берегу реки Нара обнаружен труп неизвестного гражданина. На место обнаружения трупа я выехал вместе с работниками милиции.

При осмотре места происшествия около трупа был обнаружен «Наган» и четыре патрона к нему. Труп отправили в морг для судебномедицинского вскрытия. Одновременно допросом ряда местных жителей удалось установить очевидцев происшествия, которые и опознали труп. Оказалось, что это был труп Толмачева Николая — участника убийства Павлова и Букина, скрывшегося от ареста. По заключению судебномедицинского эксперта, смерть Толмачева наступила от сквозного огнестрельного ранения головы с повреждением мозга. Выстрел был произведен в упор. На допросах свидетели-очевидцы, которые в момент происшествия ловили рыбу на реке Нара, показали, что они видели, как застрелился Толмачев. Таким образом, самоубийство Толмачева устанавливалось с бесспорностью. Возникло предположение, что причиной самоубийства Толмачева явилась боязнь уголовного наказания за совершенные преступления.

Револьвер, обнаруженный около трупа Толмачева, был немедленно направлен на экспертизу.

Вскоре я получил заключение эксперта, который пришел к категорическому выводу о том, что гильза, обнаруженная на месте убийства Павлова, выстрелена из пистолета «Парабеллум», изъятого при обыске, а пуля, обнаруженная на трупе Павлова, — из револьвера «Наган», найденного около трупа Толмачева.

Заключение эксперта явилось важнейшим доказательством по делу, находившемуся в полном соответствии со всеми другими доказательствами.

Как уже упоминалось, сначала Бабкин, Шакуров и Трубицын упорно отрицали свою причастность к убийству

Павлова и Букина. Однако в конце-концов они полностью подтвердили показания Сорокина и Чулкова. Выяснению истины по делу в немалой степени способствовали судебнобаллистическая экспертиза и очные ставки между обвиняемыми Сорокиным и Бабкиным, Сорокиным и Трубицыным, Сорокиным и Шакуровым, Трубицыным и Чулковым.

19 мая в Москве был задержан Кадлубовский, который на допросе сознался в совершении преступлений.

Сорокин, Бабкин, Чулков и Трубицын в присутствии понятых по отдельности показали место встречи с Сорокиным на горе Серпейке 12 мая, места убийств Павлова и Букина, рассказали о взаимном положении членов преступной группы во время убийств. Показания всех обвиняемых полностью совпали.

Бабкин, будучи предъявлен в группе лиц, был опознан Аристовым. Аристов твердо заявил, что 13 мая в него стрелял Бабкин.

Показания Аристова подтвердили Шакуров и Кадлубовский.

Расследование по делу было произведено в короткий срок. Этому в значительной мере способствовали тщательные осмотры мест происшествий и судебнобаллистическая экспертиза вещественных доказательств.

Преступники были полностью изобличены и осуждены по ст. 59³ УК РСФСР.

Старший следователь прокуратуры
Ставропольского края

юрист 3-го класса

И. Н. Шевченко

ПРЕСТУПЛЕНИЕ РАСКРЫТО ПО СЛЕДАМ ПРОТЕКТОРА

В 4 часа дня 2 октября 1955 г. в отделение милиции Степное Ставропольского края из дорожной сторожевой будки по телефону сообщили, что в ночь с 1 на 2 октября примерно в 7—8 км от названной будки на отгонном пастбище колхоза имени Ворошилова обнаружен труп колхозного сторожа Желтовара Джескалиева. О случившемся сразу был поставлен в известность работниками милиции¹.

Взяв с собой следственный чемодан, я вместе с сотрудником милиции т. Гараном и судебно-медицинским экспертом района т. Зарецким немедленно выехали на место происшествия, находившееся в 130 км от Степного. Прибыли мы туда лишь в 7 час. 30 мин. вечера.

В связи с наступившей темнотой осмотр места происшествия пришлось отложить до утра.

Вечером того же дня я допросил жену Желтовара Джескалиева — Зинахар Джескалиеву, проживавшую в стане колхоза имени Ленина. Она показала, что ее муж охранял станы (кошары) колхоза имени Ленина и имени Ворошилова на отгонных пастбищах, расположенных на «Черных землях»². 1 октября 1955 г., примерно в 8 ча-

---

¹ В указанный период автор работал следователем прокуратуры Степного района.

² На «Черных землях» у большинства колхозов Ставропольского края имеются отгонные пастбища. Чабаны обычно проживают в землянках, а скот находится в станах (кошарах), иногда называемых «точками». На лето отары овец возвращаются с отгонных пастбищ, а

сов утра, Желтовар Джескалиев пошел к своему знакомому Абенову на «поминки» по случаю смерти его дочери и возвратился (в трезвом состоянии) часов в 5 дня.

Джескалиева рассказала, что в 7 часов вечера мимо их землянки быстро проехал большой грузовой автомобиль, направлявшийся в сторону стана колхоза имени Ворошилова, охраняемого ее мужем. Автомобиль, по видимому, поехал туда за кизяком, и чтобы предотвратить его хищение, Джескалиев быстро надел пиджак и фуфайку, взял одноствольное охотничье ружье, патроны и босым побежал вслед за автомобилем к стану колхоза имени Ворошилова.

Домой он больше не возвратился.

На другой день рано утром Зинахар Джескалиева отправилась к стану колхоза имени Ворошилова и нашла мужа мертвым, лежавшим у входа в землянку, ружье его валялось в коридорчике землянки.

На мой вопрос, не изменила ли она положение трупа, Зинахар ответила, что она лишь притронулась рукой до головы мужа и сразу отошла в сторону. Затем она подошла к кизяку, находящемуся на базу возле кошары, и заметила, что кто-то недавно брал кизяк.

Из беседы с родственниками Джескалиева стало известно, что он женат на Зинахар всего 8 месяцев и что жили они дружно.

На следующий день рано утром я вместе с судебно-медицинским экспертом и понятыми отправился для осмотра места происшествия, который начал с осмотра местности вокруг стана колхоза имени Ворошилова. С северной стороны стана, на проселочной дороге, идущей от стана колхоза имени Ленина, где проживал Джескалиев, к стану колхоза имени Ворошилова имелись следы протектора, похожие на следы автомобиля «вездеход»¹.

Наличие следов подтверждало показания Джескалиевой о том, что мимо их землянки проехал автомобиль, вслед за которым, по ее словам, побежал муж. С противоположной стороны стана колхоза имени Ворошилова, на

для охраны находящегося в станах имущества остается сторож. Таким сторожем и был Джескалиев.

¹ К числу «вездеходов» относятся автомобили марки «ГАЗ-63» и «ЗИС-151». В этих автомобилях все оси являются рабочими. Скаты «вездеходов» имеют особого узора рисунок.

дороге к стану колхоза имени Чкалова, расположенному в 3 км от него, были обнаружены такие же следы автомобиля. Осмотр производился после сильного дождя, прошедшего в ночь с 1 на 2 октября, поэтому глубокие следы протектора, оставленные на песчаном грунте проселочной дороги, под действием дождя были скреплены и в общих чертах хорошо заметны, но на них отсутствовали какие-либо индивидуальные особенности.

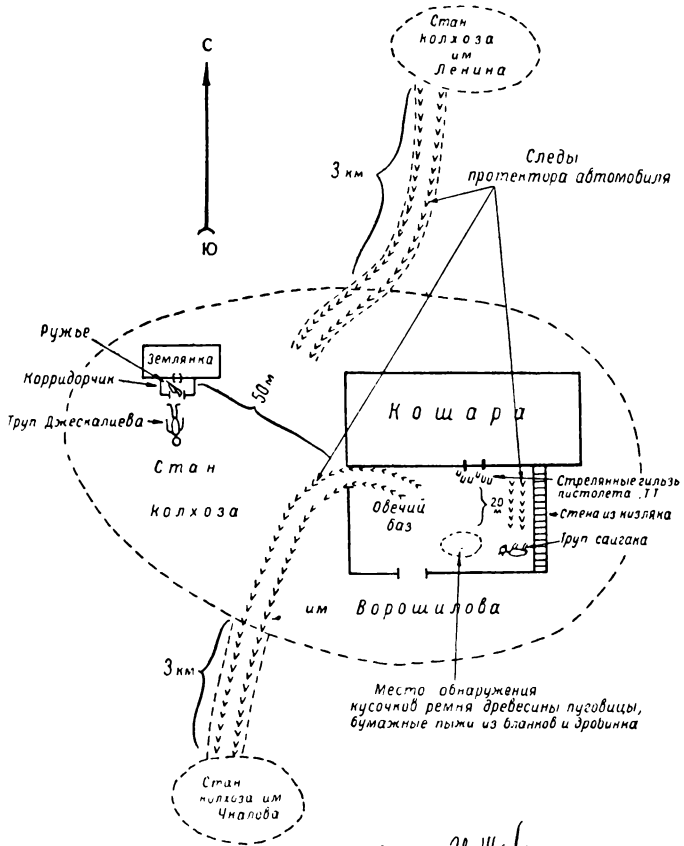
Я измерил следы протектора, обнаруженные на месте происшествия, и вычертил схему следа. Оказалось, что ширина следа 19 см, длина наибольшего углубления на протекторе 13 см, а длина наименьшего 8 см. Этим была определена марка автомобиля «ЗИС-151» («вездеход»). Известно, что ширина следа, оставляемого автомобилем марки «ГАЗ-63» в отличие от следа автомобиля марки «ЗИС-151», равна не 19, а 24 см. Однако на месте происшествия был одиночный след, подобный следу, оставляемому автомобилем «ГАЗ-63», в то время как автомобиль марки «ЗИС-151» имеет четыре задних колеса с каждой стороны и при движении образуется двойной след.

Затем я осмотрел восточную стену овечьего база, сделанную из кизяка, и увидел свежие следы, свидетельствующие о том, что часть кизяка незадолго до осмотра взята (см. схему). С внутренней стороны база возле кизяка я обнаружил малозаметные следы протектора автомобиля, аналогичные указанным выше. Там же лежал свежий труп сайгака (антилопы), по всем данным убитого наехавшим на него автомобилем. Западнее овечьего база, в 50 м от него, находится землянка. На расстоянии 1,8 м от входной двери на земле лежал труп Джескалиева. В коридорчике землянки валялось одноствольное охотничье ружье, принадлежавшее Джескалиеву. Оно было заряжено. Поверхность ружья была покрыта свежим слоем ржавчины и мелкими частицами земли, попавшими на него в результате ударов капель дождя о землю. Приклад имел свежие повреждения, ремень ружья ниже уровня спускового крючка оказался разорванным. На трупе были одеты брюки, майка и пиджак. В карманах брюк и пиджака обнаружили пять патронов и одну гильзу.

На одежде трупа и вокруг него следов крови не имелось. На первый взгляд казалось, что человек умер естественной смертью.

СХЕМА

расположения станов на отгонных пастбищах
„Черных земель“ и места происшествия

Ст следователь И Шелену

Поняты { 1 Дроздов (Дроздов)
2 Козлин (Козлин)

Во время осмотра я обратил внимание на овечий помет, лежавший на майке на левой части груди убитого. Помет, как я убедился, закрывал отверстие на майке размером $0,7 \times 0,7$ см. Под майкой, против указанного отверстия, я увидел раневое отверстие.

Земля вокруг трупа была пририта недавно прошедшим сильным дождем. На трупе имелись частицы земли. Под головой, туловищем и ногами трупа следов дождя не было. Это свидетельствовало о том, что убийство произошло до дождя.

Осмотрев одежду, труп, землю под ним и вокруг него, я увидел следы волочения, свидетельствующие о том, что убийство совершено в другом месте, а труп сюда перенесен после.

С целью обнаружения места убийства я приступил к тщательному осмотру овечьего база, который примыкал к южной стене кошары. Из кошары в баз имелась входная дверь, около которой я обнаружил семь стреляных гильз пистолета «ТТ». Напротив двери, в 20 м от нее, у южной стены база, на земле я нашел кусочки ремня, древесины и кусочки пуговицы, а также одну *дробинку*, изготовленную с помощью дробилки, и несколько бумажных *пыжей*, сделанных из чистых бланков радиogramм. Все эти предметы оказались разбросанными вдоль южной стены база в радиусе 1,5 м.

Я пришел к выводу, что убийство Джескалиева совершено на базу, у южной его стены.

Мой вывод в дальнейшем подтвердила криминалистическая экспертиза, которая дала заключение, что кусочки древесины и ремня, обнаруженные на базу, были отбиты от ложа ружья, принадлежавшего Джескалиеву, в результате попадания дробинки. Кусочки пуговицы были частью пуговицы, оторванной от пиджака Джескалиева. Дробинка, найденная на базу, была, по-видимому, той дробинкой, которая попав в ремень и ложе, изменила форму и оставила на ложе характерный след.

Разрядив и осмотрев патроны, обнаруженные в карманах Джескалиева, и патрон, находившийся в патроннике его ружья, я установил, что пыжи в этих патронах сделаны из газеты и войлока. С целью выяснить, из какой бумаги Джескалиев делал пыжи, я допросил Джескалиеву и узнал от нее, что пыжи Джескалиев изготавливал из газеты.

Исходя из этого, можно было сделать предположение, что пыжи, обнаруженные на базу, были оставлены в результате выстрела в Джескалиева из охотничьего ружья. *Все бланки радиogramм*, из которых были изготовлены пыжи, относились к *одному заказу* (№ 1487) и *одному листу* (Г № 194 951), а потому я принял меры к установлению места, где были изготовлены эти бланки. Предположение об убийстве Джескалиева из охотничьего ружья подтверждалось тем, что при вскрытии в трупе была обнаружена *дробинка*, изготовленная кустарным способом с помощью дробилейки. Сделанная из данной дробилейки дробь имеет характерные особенности.

Исходя из того, что возле кизяка имелись следы протектора «вездехода», что имеются свежие следы отсутствия части кизяка и что убийство произошло на базу, в 15—20 м от кизяка, естественно, возникло предположение, что убийство Джескалиева совершено в связи с хищением кизяка, который является ценным топливом в степной местности. Я набрал мешок кизяка с места, откуда он похищался, чтобы иметь возможность судить о его сходстве в том случае, если похищенный кизяк удастся обнаружить.

От стана, где произошло убийство Джескалиева, идет проселочная дорога к стану колхоза имени Чкалова, на дороге к которому, как я уже указывал, мною были обнаружены следы протектора автомобиля. Я поехал к стану колхоза имени Чкалова и допросил там Горбачева и Овсянникова, которые показали, что в начале девятого часа вечера 1 октября (еще до начала дождя) они по свету фар заметили автомобиль, шедший от стана колхоза имени Ворошилова. Автомобиль этот направлялся к их стану с исключительно большой скоростью. Когда он подъехал к ним, то, не снижая скорости, пошел прямо через территорию стана, чуть не наехал на чабана и на отару овец. Они успели рассмотреть лишь, что впереди фар имеются решетки и что автомобиль был «большой». Номер автомобиля они не успели заметить, а марку не определили, так как было темно; пассажиров в кузове они тоже не заметили. И Горбачев, и Овсянников заявили, что машина была не «ЗИС-150» и не «ГАЗ-51», а какой-то другой марки.

Показания Джескалиевой, которая рассказала, что в 7 часов вечера 1 октября к стану, где был убит Джеска-

лиев, проехал «большой» автомобиль, и показания Горбачева и Овсянникова дали мне основание сделать вывод, что это был один и тот же автомобиль, и именно «вездеход» и что убийство Джескалиева совершено в восьмом часу вечера охотниками (судя по сайгаку, оставленному на месте происшествия), ехавшим на этом автомобиле. Убийство было совершено до дождя, который начался в 10 часов вечера.

Предположив, таким образом, что убийцы Джескалиева были на автомобиле «вездеход» и что они могли быть охотниками на сайгаков, я принял меры к выявлению людей, охотившихся на сайгаков на автомобиле «вездеход». С этой целью я побывал во всех ближайших колхозных станах, заехал в будку, откуда сообщили об убийстве, на ферму № 2 совхоза «Луговой» и побеседовал со старшими чабанами и жителями фермы № 2 о том, какие автомобили они видели в течение 1 октября и в последних числах сентября, не приходилось ли им видеть охотников на сайгаков, ездивших на «вездеходе».

Поскольку дело происходило в малонаселенной и не знакомой мне степи, я решил объехать несколько раз стан, на котором было совершено убийство, каждый раз увеличивая радиус. Это дало мне возможность в течение одного дня побеседовать с чабанами, находившимися на пастбище, и побывать на всех станах в районе, где был убит Джескалиев¹.

Допрашивал я лишь тех лиц, которые сообщали сведения, относящиеся к делу.

Линейный надсмотрщик Козлов, проживавший в дорожной будке, показал, что примерно 25 сентября он видел пятерых людей, в числе которых был его знакомый Василий Глущенко, житель поселка Песчаный. Эти люди охотились на сайгаков в районе стана, где произошло убийство Джескалиева. Охотники стреляли по сайгакам из нарезного оружия, о чем он судил по полету пули. Охотники эти были на автомобиле «ЗИС-151», причем с этого автомобиля были сняты по два задних колеса с каждой его стороны. Мне стало ясно, почему на месте

---

¹ Я не поручил это милиции, поскольку г. Степной был расположен на расстоянии более 130 км. Моя поездка состоялась 2 октября, на следующий день после убийства. Поэтому допрошенные чабаны отлично помнили виденное ими накануне.

происшествия был оставлен одиночный след, необычный для автомобиля марки «ЗИС-151».

Из беседы с управляющим фермой № 2 Шургановым я узнал, что в конце сентября к землянке работницы фермы Самойловой подъезжал автомобиль.

Самойлова показала, что в конце сентября, действительно, к ней на автомобиле приезжали четыре охотника, среди которых был ее родной брат Половинко. Они оставили ей сайгачонка. На вопрос, из чего был убит сайгачонок, Самойлова ответила, что из ружья, так как она из убитого сайгачонка извлекла *дробинку*, которую мне и предъявила. Эта дробинка мною была изъята и приобщена к делу в качестве вещественного доказательства.

Затем я допросил Половинко, который показал, что 27—28 сентября 1955 г. он принимал участие в охоте на сайгаков вместе со своими приятелями Ласкевичем и Пелипасом и что его ружье все время находится у Ласкевича.

Мною было дано задание работникам милиции произвести осмотр автомобилей во всех организациях, расположенных вблизи места происшествия, и найти автомобиль марки «ЗИС-151». В одной из организаций, находящейся в поселке Песчаном, была вскоре установлена автомашина, причем она не имела по два задних крайних колеса и оказалась именно той автомашиной, на которой охотились 25 сентября Василий Глущенко и другие, о чем рассказывал линейный надсмотрщик Козлов.

Руководитель организации, которой принадлежал «ЗИС-151», показал, что охотой на сайгаков увлекаются два их работника — Ласкевич и Пелипас и что у Пелипаса он видел дробилку. Вечером 1 октября 1955 г. они на автомобиле «ЗИС-151» с шофером Казырялиным куда-то выезжали за кизяком, но что сторож помешал им набрать кизяк.

Я решил допросить Ласкевича и Пелипаса. Они показали в общем одно и то же, но в их показаниях была какая-то заученность. На вопрос, каким образом они изготовляли дробь, Ласкевич и Пелипас пояснили, что это делалось кустарно: наливали расплавленный свинец в трубочку из бумаги, и когда свинец остывал, они обрывали бумагу и получали свинцовую палочку. Затем

полученную таким путем свинцовую палочку разрубали и получали дробь. Они показали мне эти свинцовые палочки и рубленую дробь. На вопрос, кто убил того сайгачонка, которого они подарили родственнице Половинко на ферме № 2, они ответили, что этот сайгачонок уже был кем-то подстрелен, а они лишь его добились. И Ласкевич и Пелипас категорически отрицали наличие у них дроболейки и круглой дроби, сделанной с помощью дроболейки, и заявили, что вообще дроболейки никогда не видели. Они отрицали также, что 1 октября 1955 г. выезжали на автомобиле «ЗИС-151» за кизяком.

В целях проверки показаний Ласкевича и Пелипаса я допросил Глущенко и Рвачева — жителей поселка Песчаный, увлекающихся охотой на сайгаков.

От Глущенко я узнал, что 25 сентября 1955 г. он участвовал в охоте на сайгаков вместе с Ласкевичем, Пелипасом и еще одним охотником, приехавшим на автомобиле «ЗИС-151». У Пелипаса он видел дроболейку, принадлежащую, по словам Пелипаса, Половинко. С этой дроболейкой он ходил к Рвачеву изготавливать дробь.

Рвачев показал, что Пелипас часто приходил к нему домой и приносил свинец, из которого они с помощью дроболейки отливали дробь. После 20 сентября Пелипас принес Рвачеву примерно 10 кг свинца, из которого с помощью дроболейки они изготовили около 6 кг дроби. Эту дробь Пелипас забрал с собой. Затем Рвачев показал поллитровую банку с дробью, изготовленную дроболейкой из остатка свинца, принесенного Пелипасом. Из предъявленной дроби я изъясил 300 г для того, чтобы сравнить с нею ту дробинку, которую нашли на месте происшествия, и дробинку, извлеченную из трупа Джескалиева. Одновременно я решил проверить, выезжали ли из гаража автомобиль «ЗИС-151» во второй половине дня 1 октября 1955 г., ездили ли на нем Ласкевич и Пелипас, когда возвратились в гараж, что увозили и что привозили.

Я допросил сторожей Таниева и Рябова, дежуривших в ночь с 1 на 2 октября. Таниев показал, что в девятом часу вечера 1 октября шофер Казырялин на закрепленной за ним автомашине «ЗИС-151» заехал во двор и остановился около кучки кизяка. Вместе с ним были

Ласкевич и Пелипас. Они стали грузить кизяк в кузов. Таниев спросил, для кого они набирают кизяк, но Ласкевич ответил, что это его не касается. Тогда Таниев вызвал дежурного, которому Ласкевич объяснил, что кизяк набирается для одного из работников. Нагрузив машину, Қазырялин и Ласкевич выехали со двора, но, куда поехали, Таниеву не известно. До ухода с дежурства Таниева автомашина не возвращалась. В час ночи Таниева сменил Рябов, который показал, что в его смену автомашина «ЗИС-151» тоже не возвращалась. Қазырялин и Ласкевич вернулись на автомашине в девятом часу утра 2 октября.

Находившемуся со мной оперативному работнику Степного райотдела милиции т. Гарану я поручил оперативным путем установить круг лиц, с которыми общались Ласкевич и Пелипас, и выяснить их поведение в период, интересовавший следствие. Спустя некоторое время т. Гаран сообщил, что Ласкевич и Пелипас просили хорошо знакомую им Иванову о том, чтобы, если ее будут допрашивать, она отвечала, будто они, Ласкевич и Пелипас, дробь изготовляли с помощью трубочек, сделанных из бумаги, что дроболейки для литья круглой дробы у них не имелось.

В помещении, где работал Пелипас, произвели обыск. При этом была обнаружена книжка чистых бланков радиogramм заказ № 1487, литер Г, № 194 951. Из ящика стола изъяли сумку с 7 кг круглой дробы, изготовленной с помощью дроболейки, и 44 патрона, из них в 40 патронах оказались пыжи, сделанные из чистых бланков радиogramм, о которых уже шла речь (заказ № 1487, литер Г, № 194 951).

Затем я допросил свидетеля Крупеню, работавшего в одной организации вместе с Пелипасом, о том, не видел ли он когда-либо у Пелипаса дроболейку. От Крупени я узнал, что она находилась у Рязанцева, жителя поселка Песчаный. Дроболейку я изъял у Рязанцева, и она была опознана Крупеней как та, которую он видел у Пелипаса.

Криминалистическая экспертиза дала заключение, что *дробинки*, извлеченные из трупа и найденные на месте происшествия, а также изъятые у Самойловой, Рвачева и Пелипаса, *изготовлены одним способом и одной дроболейкой*, то есть той, которой пользовался Пелипас.

Криминалистическая экспертиза дала также заключение о том, что пыжи, найденные на месте происшествия, однородны с пыжами, обнаруженными в 40 патронах, изъятых при обыске у Пелипаса.

Судебномедицинская экспертиза установила, что смерть Джескалиева наступила в результате острой кровопотери, вызванной смертельным ранением — повреждением брюшного отдела аорты. Джескалиев, получив рану, мог прожить только несколько минут.

Под тяжестью собранных доказательств Пелипас сознался в совершенном преступлении. Он рассказал, что предварительно договорившись со своими товарищами по работе Ласкевичем и шофером автомашины «ЗИС-151» Казырялиным, в конце дня 1 октября они поехали к стану колхоза имени Ворошилова с целью хищения кизяка. По дороге автомобиль наехал на сайгака. Примерно в 8 часов вечера, когда они грузили кизяк в автомобиль, раздался ружейный выстрел, произведенный вверх. Они увидели стоявшего на базу в 15—20 м от них сторожа. Ласкевич сразу попросил у Пелипаса дать ему ружье (ружье было двухствольное, принадлежащее Половинко), из которого он выстрелил вверх. Сторож сказал, что запишет номер автомобиля. Тогда Ласкевич выстрелил в сторожа. Джескалиев успел сказать: «За что меня убиваете, ведь я стрелял вверх» и упал. Ласкевич попросил у Пелипаса еще один патрон и пригрозил Джескалиеву: «Убегай, а то добыю». Джескалиев вскочил с места и попытался бежать, но, сделав несколько шагов, снова упал. Он был мертв. Тогда Ласкевич и Пелипас перетаскивали труп Джескалиева к землянке, а его ружье бросили в коридорчик. Совершив убийство Джескалиева и не догрузив полностью машину кизяком, Ласкевич, Пелипас и Казырялин сели в автомашину и с исключительно большой скоростью уехали в сторону фермы № 2 совхоза «Луговой» через стан колхоза имени Чкалова, второпях забыв на базу сайгака. В пути Пелипас спросил Ласкевича, как он застрелил сторожа. Ласкевич ответил, что стрелял прямо в Джескалиева. Прибыв в поселок Песчаный, они встретили прораба Попова, который предложил им продать похищенный кизяк в Степном. После этого они догрузили автомашину кизяком во дворе своей организации и отвезли кизяк в Степной, где продали его за 300 руб. Пелипас также рассказал, что

примерно 27—28 октября 1955 г. они охотились на сайгаков в районе убийства Джескалиева, стреляли по сайгакам из пистолета «ТТ», заезжали на баз колхоза имени Ворошилова (где совершено убийство Джескалиева) и там стреляли из того же пистолета.

Убийцы Джескалиева осуждены к суровому наказанию.

---

*Прокурор Городнянской межрайонной
прокуратуры Черниговской области
младший советник юстиции*

Ю. Н. Дьяков

МОЙ ОПЫТ РАССЛЕДОВАНИЯ ДЕЛА ОБ УБИЙСТВЕ И ПОКУШЕНИИ НА ИЗНАСИЛОВАНИЕ

17 января 1956 г. в Городнянскую межрайонную прокуратуру Черниговской области поступило сообщение о том, что исчезла учительница математики Кузнической семилетней школы Городнянского района Кулида Мария Яковлевна, 1930 года рождения. В этом сообщении говорилось также о том, что Кулида, получив разрешение на участие в учебно-экзаменационной сессии Нежинского пединститута, 30 декабря 1955 г. выехала из села Кузничичи на станцию Городня, намереваясь заехать к своим родным в село Ивашковка Тупичевского района.

Однако к своим родным она не прибыла. Не было ее также и на сессии в Нежинском пединституте.

Загадочное исчезновение Кулиды взволновало ее родственников, а также педагогический коллектив Кузнической школы и работников районо.

Получив сообщение об исчезновении Кулиды, 18 января 1956 г. я выехал в село Ивашковку, где проживали родители Кулиды.

Прибыв в Тупичевский район и побеседовав с участковым уполномоченным районного отдела МВД т. Стельмахом, проживающим рядом с домом родителей Кулиды, я убедился, что М. Я. Кулида в Ивашковку 30 декабря 1955 г. и позднее не приезжала.

Одновременно с этим мною было поручено начальникам Городнянского и Тупичевского отделений милиции произвести розыск исчезнувшей учительницы.

Уже на другой день, 19 января 1956 г., начальнику Тупичевского районного отделения милиции капитану Шульге оперативным путем удалось установить свидетеля, который показал, что 30 декабря 1955 г. Кулида выехала со станции Городня на попутной автомашине «ФО-22-41», принадлежащей колхозу имени Коцюбинского, и, проехав село Тупичев, сошла с автомашины в центре села Выхвостов, находящегося в 3 км от Ивашковки.

Допрошенные в связи с этим начальником Тупичевской милиции шофер автомашины Лукашков, а также грузчики Пинчук, Михайленко и Шершень подтвердили, что 30 декабря с ними, действительно, со станции Городня до Выхвостова ехала какая-то молодая женщина, направлявшаяся в Ивашковку.

Когда они приехали в Выхвостов, эта женщина сошла с машины с их односельчанином Иваном Григорьевичем Ермаком, который ехал тоже на этой машине. Немного позже, разгружая машину во дворе колхоза имени Коцюбинского, они видели эту женщину и Ермака идущими вместе через колхозный двор в направлении на Ивашковку.

Допрошенный по этому поводу Ермак показал, что 30 декабря 1955 г., прибыв из села Кучиновка Щорского района на станцию Городня и встретив попутную автомашину колхоза имени Коцюбинского, он сел на нее и доехал к вечеру до села Выхвостова. Когда машина остановилась возле магазина, он вышел. Вместе с ним из машины вышла неизвестная женщина, направлявшаяся в Ивашковку. С этой женщиной он прошел через колхозный двор, затем она пошла по направлению Ивашковки, а он повернул налево к дому своей знакомой — Муженко Нины Герасимовны, но, не застав ее дома, ушел в клуб. Ни имени, ни фамилии женщины, которая с ним ехала на машине, он не знает. Где он ночевал в эту ночь, не помнит, так как был сильно пьян.

После сопоставления первоначально собранных данных у меня возникла мысль, что пропавшая Кулида могла быть убита с целью ограбления по дороге между Выхвостовым и Ивашковкой или в самой Ивашковке.

По моему заданию милицией были организованы совместно с группой колхозников поиски пропавшей Кулиды в районе дороги, идущей от Выхвостова на Иваш-

ковку. В результате 20 января в придорожной канаве обнаружили труп неизвестной женщины.

Получив это сообщение, я вместе с судебно-медицинским экспертом немедленно выехал на место обнаружения трупа.

При осмотре места происшествия было установлено, что примерно на полпути между Выхвостовым и Ивашковкой, возле фруктового сада колхоза имени Жданова, вправо от дороги, в придорожной канаве глубиной 0,5 м, под снегом лежит труп неизвестной женщины, лет 25.

Труп лежал на спине с согнутыми в локтях руками, плотно прижатыми к груди. Шея трупа была обмотана тонким кашемировым платком. В области правого глаза на верхнем веке, а также на середине левой брови имелись раны линейной формы размером по 2,5 см с гладкими краями. Правое глазное яблоко наполовину вытекло, а в левом было сильное кровоизлияние. На обеих щеках имелись кровоподтеки, а на правой щеке, кроме того, множественные ссадины.

Ссадины и кровоподтеки на лице, причиненные, по-видимому, руками при закрывании рта, свидетельствовали о борьбе, происходившей между потерпевшей и преступником.

Линейные раны в области век обоих глаз, по предварительному заключению судебно-медицинского эксперта, свидетельствовали о том, что они были нанесены острым орудием. Имевшийся платок на шее трупа наводил на мысль, что им задушили потерпевшую. Однако каких-либо следов странгуляционной борозды на шее обнаружено не было.

На бруствере придорожной канавы был найден скомканный и весь в снегу чулок. Никаких других предметов одежды убитой и каких-либо иных следов обнаружено не было.

Здесь же на месте происшествия труп был опознан жителями Ивашковки. Это была исчезнувшая учительница Кулида.

Труп был отправлен в морг Городнянской районной больницы. На основании результатов осмотра места происшествия и трупа я совместно с оперативными работниками милиции наметил план расследования преступления.

Учитывая, что труп оказался обнаженным, в первую очередь необходимо было точно установить одежду,

а также все те вещи и ценности, которые брала Кулида при выезде из Кузничей, и попытаться обнаружить их.

В связи с этим я вызвал из села Кузнички Авраменко, на квартире которой жила Кулида, а также учителя Литвина, ехавшего с ней 30 декабря в поезде до станции Городня.

В то время как я и стажер-следователь т. Швед производили допросы, работники милиции по моему заданию производили другие оперативные действия.

Допрошенные мною Авраменко и Литвин показали, что Кулида, болея ангиной, носила на шее кашемировый платок. Уезжая из села Кузнички к своим родным в Ивашковку 30 декабря 1955 г., она взяла с собой 400 руб. денег и нитки мулине. На руку она надела часы марки «Звезда» с металлическим браслетом, а на голову — шерстяной платок серого цвета с белой каймой и бахромой. Была точно установлена и одежда убитой.

Уже на первом этапе следствия можно было считать установленными такие вопросы: кто убит, место и время убийства, какие вещи сняты с убитой и какие другие ценности исчезли.

На основании этих данных возникла версия, что убийство Кулиды могло быть совершено с целью ограбления следовавшим на этой же автомашине до Выхвостова и провожавшим ее Ермаком.

Поручив следователю т. Шестаковскому, обслуживавшему участок Городнянского района, присутствовать при судебно-медицинском вскрытии трупа в морге Городнянской районной больницы, я немедленно приступил к проверке данной версии.

Допрошенная Муженко, за которой ухаживал Ермак, показала, что вечером 30 декабря 1955 г. Ермак принес и подарил ей 20 мотков разноцветных ниток мулине. В тот же вечер она видела у него на руке часы прямоугольной формы с металлическим браслетом. На следующий день вечером он подарил ей перчатки, спустя примерно 10 дней принес две простыни.

Произведенным обыском в квартире Муженко все вышеперечисленные вещи были обнаружены и изъяты.

Наличие часов с металлическим браслетом на руке Ермака 30 декабря подтвердил также и сосед Муженко, ее однофамилец, Валентин Изотович Муженко. В тот же день он видел у Ермака нож с металлической ручкой.

Произведенным обыском в квартире матери Ермака — Марии Михайловны, с которой совместно проживал ее другой сын — Василий Григорьевич с женой — Лидией Федоровной среди вещей Лидии был обнаружен и изъят головной шерстяной платок серого цвета с белой каймой и бахромой. Этот платок затем был опознан учителем Кузнической семилетней школы — Литвиным и квартирной хозяйкой Кулиды — Авраменко, как принадлежащий потерпевшей.

Наряду с этим следователю т. Шестаковскому, производившему опрос односельчан Ермака, не видел ли кто из них его в день убийства Кулиды, удалось выявить свидетеля Соловьяна. Он показал, что, когда возвращался 30 декабря часов в 8—9 вечера из Выхвостова домой, видел И. Г. Ермака на улице с узлом на плечах. На вопрос, откуда он идет и что несет, Ермак ответил, что был в Минске и несет свои вещи.

Далее т. Шестаковским был выяснен ряд других обстоятельств. В ноябре 1955 года Ермак мошенническим путем присвоил выигрыш в 1000 руб., павший на облигацию Ольги Галушко. При требовании последней вернуть ей деньги он грозил ее зарезать.

В том же месяце Ермак выехал по вербовке в Тоевский леспромхоз Архангельской области, но к работе не приступил, а, получив денежное пособие — суточные и спецодежду, уехал из леспромхоза домой. Прибыв в Выхвостов 18 декабря 1955 г., Ермак на работу не поступил, а продолжал систематически пьянствовать.

При повторном допросе, будучи уличен собранными по делу доказательствами, Ермак сознался в том, что он, действительно, 30 декабря 1955 г., приехав из села Кучиновка Щорского района от своей знакомой Атоманенко в село Выхвостов и сойдя с автомобиля, вместе с Кулидой направился по дороге в сторону Ивашковки. Дойдя до сада Ивашковского колхоза, он решил изнасиловать ее. Он повалил Кулиду на снег, стащил с нее панталоны и разорвал юбку. Однако оказанное Кулидой сопротивление и ее крики о помощи помешали ему осуществить задуманное. Не давая ей подняться с земли, он ударил ее ногой в живот, отчего она осталась лежать на снегу без движения. Считая ее мертвой, он начал колоть ножом ей глаза, «для того чтобы в них не запечатлелся

его образ и таким путем не узнали, что именно он совершил убийство».

Затем Ермак стащил с Кулиды пальто, жакет, платье, белье и часы. Снятые с убитой часы он надел на руку, а вещи связал в один большой узел. Стащив труп Кулиды в придорожную канаву, он засыпал его снегом и затоптал.

Когда он направлялся к дому своей матери, по дороге его догнал односельчанин Соловьян, с которым они дошли вместе до его дома, а дальше шел он один.

31 декабря 1955 г., затем через два дня и еще через четыре дня он ходил к месту убийства для того, чтобы посмотреть, не видно ли трупа Кулиды с дороги, так как в эти дни начал таять снег. Когда через несколько дней выпал снег, он перестал ходить туда.

Документы убитой он уничтожил, а все вещи спрятал. Впоследствии эти вещи он продал какой-то женщине на вокзале станции Чернигов за 470 руб., а часы — военнослужащему за 150 руб. Все вырученные деньги он пропил.

Для выяснения ряда обстоятельств, связанных со временем пребывания Ермака 28—29 и 30 декабря у его знакомой Атоманенко, проживающей в селе Кучиновке, мною было послано отдельное требование в прокуратуру Щорского района Черниговской области с просьбой выяснить у Атоманенко, для чего приезжал Ермак и не пропадало ли у нее в доме какое-либо имущество?

На это требование был получен ответ, что Ермак приезжал к Атоманенко якобы с целью познакомиться с какой-то девушкой и что после его отъезда 30 декабря в 9—10 часов утра в доме Атоманенко исчез новый складной нож с металлической ручкой.

Попытка, предпринятая мною, найти этот нож не увенчалась успехом. Ни на месте происшествия, ни при обыске у Ермака нож не был обнаружен. Ермак заявил, что не знает, куда этот нож девался, и что, очевидно, он его утерял.

Учитывая характер и обстоятельства убийства, была назначена судебнопсихиатрическая экспертиза для разрешения вопроса о вменяемости Ермака, которая признала его вменяемым.

Судебно-медицинским осмотром и вскрытием трупа Кулиды и дополнительно произведенным гистологическим

исследованием кусочка легкого было установлено, что смерть Кулиды наступила вследствие асфиксии, а линейные раны в области глаз нанесены при жизни режущим орудием. Девственность Кулиды нарушена не была.

На судебном следствии Ермак признал себя виновным, и материалы предварительного следствия получили свое полное подтверждение.

Черниговский областной суд приговорил Ермака к высшей мере наказания — расстрелу.

---

*Следователь по особо важным делам
прокуратуры Азербайджанской ССР*

юрист 1-го класса

А. Р. Алиев

КАК БЫЛА ДОКАЗАНА НЕВИНОВНОСТЬ АГАВЕРДИЕВЫХ ¹

19 июня 1951 г. в Кусарское отделение милиции поступило заявление Ага Рза Кязимова об исчезновении его тещи Манзар Асадуллаевой.

В своем заявлении Кязимов указал, что 9 июня 1951 г. он с двумя детьми уехал в Баку навестить свою жену Асадуллаеву Асю, лечившуюся там. В день отъезда Манзар Асадуллаева проводила его до автобусной остановки. Возвратившись через два дня из Баку, Кязимов не застал тещи дома, однако не придавал этому значения, так как полагал, что она могла выехать в Евлахский район к другой своей дочери.

Лишь позднее, установив, что Асадуллаевой там нет, он счел необходимым довести об ее исчезновении до сведения милиции.

Произведенное Кусарским отделением милиции расследование не дало положительных результатов. Асадуллаеву обнаружить не удалось.

Спустя 11 месяцев после исчезновения Асадуллаевой, Кязимов и его жена Ася обратились в Кусарское отделение милиции с заявлением о том, что их соседке Захрабековой известны обстоятельства убийства Асадуллаевой и они потому просят допросить ее.

Захрабекова была вызвана для допроса и показала,

---

¹ Приказом Генерального Прокурора СССР А. Р. Алиеву объявлена благодарность и он премирован за расследование нескольких дел, в том числе и за то, которое описано в настоящей статье.

что в ночь на 9 июня 1951 г. она видела в замочную скважину, как соседи Кязимовых — Агавердиевы Амир Султан и его сын Сафар, явившись в комнату Асадуллаевой, вытащили ее во двор, где задушили, а затем труп вывезли на грузовом автомобиле, которым управлял племянник Агавердиевых — Садраддин.

Кязимов и его жена показали, что убийство Асадуллаевой могло быть совершено именно Агавердиевыми, так как Асадуллаева подозревала их в хищении детского тюфяка, ведра и других мелких вещей и даже хотела на них жаловаться.

Будучи допрошены об обстоятельствах исчезновения Асадуллаевой, Агавердиев Амир Султан и его сын Сафар категорически отрицали свою причастность к ее убийству, причем Агавердиев Амир Султан показал, что незадолго до исчезновения Асадуллаевой он видел, как его сосед Кязимов роет во дворе яму, и спросил его, для чего он это делает. На это Кязимов ответил, что намерен перенести уборную поближе к дому. В последующем уборная не была перенесена, а яма оказалась вновь засыпанной землей.

Сопоставляя все эти данные, Агавердиев заявил, что труп Асадуллаевой могли закопать именно в этом месте. Были произведены раскопки в месте, указанном Агавердиевым, в результате чего обнаружили труп Асадуллаевой, но ввиду полного разложения трупа не представилось возможным установить причину ее смерти.

Обнаружение трупа Асадуллаевой во дворе Кязимова ставило под сомнение утверждение Захрабековой о том, что после удушения Асадуллаевой Агавердиевыми ее труп якобы был отвезен на автомобиле. Однако органы прокуратуры бывшей Бакинской области, расследовавшие это дело, привлекли к уголовной ответственности Агавердиева и его сына. Последние за убийство Асадуллаевой были осуждены к 10 годам лишения свободы каждый.

Этот приговор суда был оставлен в силе Судебной коллегией Верховного Суда Азербайджанской ССР.

Ввиду неоднократных заявлений осужденных это дело спустя четыре года в порядке надзора истребовал Председатель Верховного Суда республики. По его протесту Президиум Верховного Суда Азербайджанской ССР отменил приговор суда и связанное с ним опреде-

ление Судебной коллегии Верховного Суда, направив дело на доследование.

Вторично дело расследовалось прокуратурой Кусарского района. На основании прямого показания Захрабековой, являвшейся очевидицей убийства Асадуллаевой, а также в связи с тем, что место сокрытия ее трупа показал Агавердиев, отец и сын Агавердиевы вновь были преданы суду по обвинению в убийстве. Народный суд Кусарского района в ином составе и на этот раз осудил Агавердиевых к тем же срокам лишения свободы.

Верховный Суд Азербайджанской ССР приговор отменил и дело в 1955 году было вновь направлено в прокуратуру Азербайджанской ССР для расследования.

1 ноября 1955 г., то есть через 5 лет после совершения убийства, дело передали мне для расследования. Приняв его к своему производству, я столкнулся прежде всего с трудностями, вызванными весьма длительным промежутком времени, отделявшим расследование от убийства.

Ознакомившись с материалами дела, я убедился, что при расследовании проверялась только одна версия, построения на заявлении Кязимова, а показания осужденных Агавердиевых об их невинности не проверялись.

Составив подробный план расследования, я приступил к осмотру места происшествия. Прибыв в Кусарский район и явившись во двор, где проживала Асадуллаева с Кязимовым, я установил, что площадь двора не превышает 100 кв. м, яма, где была зарыта Асадуллаева, находилась в 6 м от балкона, где проживала семья Кязимовых, и в полуметре от тропинки, ведущей в уборную, которой пользовалась эта семья.

Кязимов на допросе категорически отрицал заявление Агавердиева о том, что он копал яму.

Сомневаясь в правдивости показаний Кязимова и основываясь на логическом выводе о том, что Агавердиеву, отрицавшему убийство Асадуллаевой, не было смысла указывать место, где зарыт ее труп, я решил проверить взаимоотношения между Кязимовым и его тещей Асадуллаевой.

Допросом свидетелей — соседей Сеидовой, Кузнецовой и других было установлено, что Кязимов, женившись на

дочери Асадуллаевой, скрыл от тещи свой первый брак, и когда выяснилось, что ему приходится 50 процентов своей заработной платы посылать первой семье, отношения между ним и тещей резко обострились. Далее из допросов свидетелей соседей и односельчан Кязимова я узнал, что Кязимов задолго до исчезновения Асадуллаевой распространял слухи о ее психической неполноценности.

Собранные следствием данные усиливали подозрение против Кязимова, однако эти подозрения необходимо было еще проверить.

Встав на путь проверки этой новой версии, я решил выяснить все обстоятельства, относящиеся ко дню исчезновения Асадуллаевой.

В этих целях я стал проверять каждую деталь заявления Кязимова по поводу того, как он уехал в Баку, оставив в Кусарах тещу.

В своих показаниях Кязимов по этому поводу заявил, что, получив уведомление через Гейдарова Гасана о том, что его жена, лечащаяся в Баку, просила привезти детей, он 9 июня взял с собой детей и прибыл в Баку на квартиру Исмаиловой Тубы, у которой остановилась его жена. При этом Кязимов утверждал, что теща провожала его до автобусной остановки.

Допрошенные по этому поводу Гейдаров и его жена категорически отрицали показание Кязимова, заявив, что они передали ему просьбу Кязимовой о другом, о том, чтобы он прислал ей немного денег. Что же касается детей, то Кязимова не просила привозить их в Баку.

Подробно допросив соседей Кязимова о событиях, предшествовавших исчезновению Асадуллаевой, я установил, что соседка Кязимова — Рая Асадова в день его отъезда в Баку, то есть 9 июня 1951 г., пришла к нему с просьбой захватить с собой корзинку с черешней для ее родственников. Уточняя дату этого события, Асадова сообщила, что в тот день исполнилось 9 месяцев ее ребенку и она, сфотографировав его, решила с Кязимовым отправить фотокарточку своим родственникам.

По показаниям Асадовой, 9 июня, то есть в день отъезда Кязимова, она уже не видела в его доме тещи и, обратив внимание, что он сам моет детей, спросила, где Асадуллаева. Кязимов ответил ей, что она выехала в Кубинский район.

На следующее утро Асадова принесла по договоренности с Кязимовым корзинку с черешней к автобусной остановке и видела, что он с детьми пришел без тещи.

Показанием другого соседа — Гусейнова Рафика я установил, что Кязимов, уезжая в Баку с детьми, просил его наблюдать за садом, так как в доме у него никого не оставалось.

Проверяя показания свидетелей, я нашел в Баку и допросил родственников Асадовой, которым по просьбе последней Кязимов доставил корзинку с черешней.

В процессе допроса Султанова — родственника Асадовой он вспомнил, что вместе с черешней он получил фотокарточку своей девятимесячной племянницы. Эту фотокарточку я приобщил к делу.

Свидетельница Исмаилова Туба, у которой останавливалась жена Кязимова, показала, что последняя была не довольна приездом детей, так как она была занята лечением.

Таким образом, заявление Кязимова о том, что он детей отвез в Баку повидаться с матерью по ее просьбе, также было опровергнуто.

Показания вышеперечисленных свидетелей в своей совокупности создавали обоснованную версию, о том, что Кязимов умышленно отвез детей из Кусаров с тем, чтобы не вызвать у них подозрения внезапным исчезновением их бабушки.

Однако обвинение Кязимова в убийстве Асадуллаевой не могло быть полностью доказано до выяснения обоснованности неоднократных показаний свидетельницы Захрабековой, что она являлась очевидцем убийства Асадуллаевой.

Поэтому следствию надлежало либо доказать правдивость показаний Захрабековой и, следовательно, отбросить улики против Кязимова, либо изобличить Захрабекову во лжи и в этом случае выяснить мотивы данных ею заведомо клеветнических показаний.

Идя по пути исследования показаний Захрабековой, я решил прежде всего произвести следственный эксперимент, чтобы проверить, возможно ли через замочную скважину видеть сцену удушения Асадуллаевой.

Следственный эксперимент, произведенный при участии Захрабековой, показал, что ее утверждение носило

явно надуманный характер, ибо через замочную скважину не представлялось возможным ночью видеть, что делается во дворе. Заявление Захрабековой о том, что ночь была лунная, также было опровергнуто справкой метеорологического управления.

Оставалось теперь выяснить, из каких побуждений Захрабекова пыталась оклеветать Агавердиевых.

Расследуя их взаимоотношения, я выяснил, что в 1946 году Захрабекова была привлечена к уголовной ответственности и осуждена за убийство соседского мальчика, причем главным свидетелем обвинения по ее делу являлся Агавердиев Амир Султан.

К делу я приобщил протоколы обзора дела по обвинению Захрабековой, а также копии тех следственных документов, из которых усматривалось, что Захрабекова была изобличена в убийстве именно Агавердиевым.

Собранные доказательства о даче Захрабековой заведомо ложных показаний в отношении Агавердиевых были настолько убедительны, что впоследствии на суде она призналась в оговоре Агавердиева и показала, что на путь оговора ее толкнул Кязимов.

Однако я считал преждевременным направлять дело в суд до выяснения вопроса, чем было вызвано заявление Кязимова о допросе Захрабековой через 11 месяцев после убийства Асадуллаевой. Для чего Кязимову понадобилось требовать возобновления расследования по этому делу?

Учитывая, что из материалов уголовного дела, а также наблюдательного производства не было видно, какие оперативные действия производились милицией и прокуратурой по обнаружению исчезнувшей Асадуллаевой, я решил просмотреть материалы, имеющиеся по этому поводу в Кусарском районном отделении милиции.

При этом я обнаружил, что, помимо периодических вызовов Кязимова и его жены для допросов по поводу исчезновения Асадуллаевой в конце сентября 1951 года, в доме и саду Кязимовых был произведен тщательный обыск с целью обнаружения трупа Асадуллаевой, причем во время обыска земля в саду и в подвале дома прощупывалась с помощью железного прута.

Теперь становилось ясным, что Кязимов, боясь повторных обысков и обнаружения трупа, направил след-

ствие по ложному пути. С этой целью, воспользовавшись враждебными отношениями Захрабековой с Агавердиевыми, попросил ее дать ложные показания против Агавердиевых.

Таким образом, картина преступления стала окончательно ясной. Следствием установлено, что Кязимов, с 1945 года находясь на военной службе в Кусарском районе, являлся квартирантом Асадуллаевой. Живя на ее квартире и выдав себя за холостяка, Кязимов женился на дочери Асадуллаевой — Асе. После демобилизации из армии Кязимов устроился на работу преподавателем Кусарской городской школы. Как только выяснилось, что Кязимов скрыл от Асадуллаевой свой первый брак и что ему приходится посылать алименты первой жене, взаимоотношения между ним и тещей резко обострились, и она неоднократно выгоняла его из своей квартиры. После этого Кязимов вынужден был переселиться с женой в другую квартиру, но через некоторое время вернулся на квартиру тещи.

Ввиду того что взаимоотношения между Кязимовым и его тещей с каждым днем все больше обострялись и ухудшались, Кязимов, воспользовавшись случаем, что его жена лечится в Баку, решил избавиться от тещи. Он распространял среди местного населения слухи о ее психической неполноценности.

В процессе следствия Кязимов признал факт убийства и показал, что в ночь на 9 июня 1951 г. он убил тещу, а труп закопал во дворе своего дома. Чтобы его дети не интересовались внезапным исчезновением бабушки, он отвез их в Баку к жене.

В целях сокрытия следов убийства Кязимов на том месте, где был зарыт труп, посеял зелень, а спустя некоторое время посадил там цветы. После убийства Асадуллаевой Кязимов дал следственным органам показание о том, что его теща не убита, а что она, будучи психически больной, бродит на железнодорожных станциях Ялама и Худат. Для «убедительности» Кязимов на станции Худат подбросил паспорт Асадуллаевой. Впоследствии этот паспорт был там найден и направлен в Кусарское отделение милиции.

В последующем Кязимов, видя, что органы следствия продолжают настойчиво поиски Асадуллаевой, договорился с Захрабековой, чтобы она дала ложные показания про-

тив Агавердиевых в убийстве Асадуллаевой. Это обстоятельство, как выше указывалось, Захрабекова подтвердила на судебном заседании.

Таким образом, в результате тщательного расследования материалов, относящихся к исчезновению Асадуллаевой, и критической оценки собранных по делу улик была доказана невиновность Агавердиевых Амир Султана и Сафара. Последние из под стражи были освобождены и дело в отношении них прекращено.

Народный суд Конахкендского района, рассмотрев это дело, осудил Кязимова за убийство, а Захрабекову — за дачу заведомо ложных показаний к строгому наказанию.

---

*Следователь прокуратуры г. Александрии
Кировоградской области
юрист 2-го класса*

В. Н. Юрга

ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ ПАТЛАЧЕНКО

В начале 1956 года в прокуратуру г. Александрия поступили материалы, собранные милицией по делу об исчезновении жительницы села Мартыновка Тишковского района П. М. Патлаченко.

Из материалов следовало, что утром 13 августа 1955 г. П. М. Патлаченко вместе с односельчанином Мельниченко направилась в Ново-Архангельск на базар. У нее были деньги, предназначенные для покупки коровы.

Домой Патлаченко не вернулась, и 20 августа от ее сына в районное отделение милиции поступило заявление об исчезновении матери.

Основываясь на данных, полученных милицией, можно было выдвинуть три версии:

1. Патлаченко уехала к кому-либо из родных или знакомых на время или постоянно и проживает там. Показания некоторых свидетелей о ссорах Патлаченко с сыном и его женой могли быть положены в основание этой версии.

2. Она убита сыном во время очередной домашней ссоры.

3. Она убита Мельниченко, с которым 13 августа ушла на базар для покупки коровы, или кем-то другим.

В первоначальной стадии расследования все эти три версии казались одинаково вероятными. Однако уже первые допросы свидетелей показали, что ссоры между Патлаченко, ее сыном и невесткой не выходили за пределы мелких семейных неурядиц. Несмотря на эти ссоры, она любила сына и чувствовала привязанность к дому и своей семье. Нельзя было найти никаких серьезных мотивов ни для предполагаемого убийства Патлаченко сыном, ни для

ее внезапного отъезда. Не подтверждались эти предположения и объективными данными. В частности, было установлено, что у нее нет никаких родственников или близких знакомых, проживающих вне близлежащих селений.

Таким образом, оставалось предположение, что пропавшая без вести убитая либо Мельниченко, либо кем-то другим. В обоих случаях нужно было в первую очередь предпринять розыски трупа убитой или найти следы, свидетельствующие об убийстве. Это было необходимо, хотя и представляло значительные трудности, так как со времени убийства прошло почти полгода.

Я установил, что в течение последнего времени в близлежащих местах неопознанные трупы не обнаруживались. С помощью работников милиции мы организовали тщательные поиски трупа и следов в районе, где могло быть совершено убийство. Эти поиски никаких результатов не дали. Между тем в ходе дальнейших допросов выяснились многочисленные факты, уличающие Мельниченко.

Накануне исчезновения Патлаченко он приходил к ней, но ее дома не было; на другой день рано утром снова зашел к Патлаченко и, не застав, передал через соседку, что Патлаченко якобы должна получить деньги в конторе «Заготскот». Он просил соседку направить Патлаченко к нему, для того чтобы сообщить ей относительно этих денег.

Свидетели показали, что Патлаченко, действительно, ходила утром 13 августа к Мельниченко и рассказала, что договорилась идти с ним вместе за деньгами. В 11 час. 30 мин. они ушли по направлению к Ново-Архангельску. Один из свидетелей сообщил, что видел, как Патлаченко и Мельниченко выходили из села, и когда они поровнялись с ним, Мельниченко выругал свою спутницу и повернул в другую сторону.

Проверяя эту часть показаний, я выяснил, что Патлаченко никаких денег от конторы «Заготскот» не причиталось, а бригадир, который, по словам Мельниченко, якобы сообщил ему об этих деньгах, уже два года не работает в конторе.

Далее было установлено, что Патлаченко всегда носила при себе деньги — более 3 тыс. руб., приготовленные для покупки коровы, и 13 августа также имела эти деньги при себе. Свидетели утверждали, что о наличии этих денег было известно Мельниченко, а также и то, что он в

день исчезновения Патлаченко делал различные покупки, устроил выпивку, возвращал прежние долги.

Я выяснил, что в 1933 году Мельниченко обвинялся в убийстве своей соседки в целях ограбления. Дело это было прекращено за недостаточностью улик. В 1954—1955 гг. им были совершены две мелкие кражи.

Мельниченко упорно отрицал обстоятельства, сопровождавшие исчезновение Патлаченко, а также и то, что заходил за ней 13 августа и сообщал о якобы причитающихся деньгах в конторе «Заготскот». Он утверждал, что по выходе из села ушел от Патлаченко в другую сторону. Выяснив у родных и соседей, как была одета и какие имела при себе вещи Патлаченко в то утро, когда она ушла из дома, я решил сделать обыск в доме Мельниченко. В частности, я установил, что пропавшая без вести взяла с собой мешок, на который она сама ставила заплаты. Во время обыска 12 января 1956 г. мешок, сходный по описанию с мешком Патлаченко, был обнаружен в доме Мельниченко. Сын Патлаченко и его жена опознали этот мешок. Позднее техническая экспертиза установила однородность материала одной из заплат и ниток, которыми был зашит мешок, с материалом и нитками, представленными родными потерпевшей.

Поскольку между показаниями Мельниченко и свидетелей имелись существенные различия, я провел ряд очных ставок, во время которых удалось получить важные данные. Мельниченко признал, что он действительно заходил за Патлаченко и сообщил ей о том, что она должна получить деньги в конторе. Он объяснил это тем, что ему было скучно идти одному в Ново-Архангельск. Затем он заявил, что нарочно выругал Патлаченко и ушел от нее в другую сторону при выходе из села, так как не хотел идти с ней вместе, опасаясь, что у нее будет припадок и она умрет, а на него падет подозрение (у Патлаченко прежде бывали припадки).

Наконец, на очной ставке с одним из свидетелей Мельниченко признал, что уговаривал этого свидетеля, проживающего в Ново-Архангельске, подтвердить, что он был у него 13 августа, тогда как в действительности свидетель в этот день Мельниченко не видел.

Только теперь, после того как он был неоднократно уличен во лжи, когда было установлено, что он сам на-

вязался в провожатые к пропавшей без вести, после того как у него был найден мешок, принадлежавший Патлаченко, обвиняемый Мельниченко вынужден был сознаться в совершенном преступлении. Он заявил, что задушил Патлаченко недалеко от села в кустах, а труп зарыл в зем-

Рис. 1. Останки трупa Пелагеи Патлаченко. а также одежда убитой

лю, затем через два дня вновь выкопал его, разрубил на части и отвез на автобусе в другую местность, где выбросил останки в реку.

Последнее обстоятельство казалось неправдоподобным. Я предположил, что Мельниченко скрывает действительное местонахождение трупa, чтобы не давать в руки следствия новых доказательств своей виновности, а впоследствии, быть может, отказаться от признания в совершенном преступлении. Поэтому я считал необходимым продолжать поиски трупa убитой. На том участке местности, где по словам обвиняемого, он совершил убийство, никаких следов обнаружить не удалось. Не было найдено ни одежды, ни костей.

Вновь допрашивая Мельниченко, я старался доказать несостоятельность его утверждений о перевозке трупa, обращая внимание на вес тела, его объем, неизбежное зловоние и т. д. Лишь после этого он сознался, что через два месяца после убийства выкопал труп на кукурузном

поле, куда зарыл его через два дня после убийства, перенес его завернутым в стебли кукурузы к себе во двор и там закопал. Труп Патлаченко, сильно разложившийся, действительно, был обнаружен зарытым во дворе дома Мельниченко. Полуистлевшая одежда, предъявленная родным, была ими опознана.

Судебно-медицинская экспертиза установила, что все доставленные кости принадлежат одному лицу женского пола, в возрасте около 55—56 лет (рис. 1). Труп, по заключению эксперта, мог пролежать в земле от 6 до 10 месяцев. Эти данные соответствовали возрасту Патлаченко и времени ее смерти.

Причины смерти эксперт установить не мог вследствие далеко зашедшего гниения.

Убийца был осужден выездной сессией Кировоградского областного суда.

---

*Старший следователь прокуратуры
Балашовской области
юрист 1-го класса
В. Г. Манюхин*

РАССЛЕДОВАНИЕ НЕОБОСНОВАННО ПРЕКРАЩЕННОГО ДЕЛА ПРИВЕЛО К ИЗОБЛИЧЕНИЮ ПРЕСТУПНИКА

Изучая обоснованность прекращения уголовных дел, я заинтересовался делом об убийстве в 1953 году 12-летнего мальчика Анатолия Чернова.

По материалам прекращенного дела обстоятельства преступления представлялись так:

Чернова Фёдора Фёдоровна, проживающая в селе Вихляевка Байчуровского района, 9 сентября 1953 г. обратилась в районное отделение милиции с заявлением, что ее сын Анатолий днём 2 сентября куда-то ушел и домой не возвратился.

13 сентября 1953 г. в яме, расположенной в 400 м от дома Черновых, из которой брали глину, жители села обнаружили труп мальчика Чернова, засыпанный землей. Труп был раздет, в нескольких местах к нему прилипли солома и земля.

На другой день при осмотре окружающей местности между стогом соломы и стеной дома Черновых была обнаружена окровавленная рубашка, принадлежавшая Анатолию. В нижней правой части рубашки имелось отверстие неправильной формы с дефектом ткани.

Земля под соломой оказалась влажной. Место обнаружения рубашки могло быть местом временного сокрытия трупа, так как отобранные там образцы земли и соломы, как установила экспертиза, были сходны с образцами соломы и комочками земли, прилипшими к трупу.

При обыске в доме Черновых 19 сентября обнаружили за портретом, висевшим на стене, в конверте носовой платок с пятнами, похожими на кровь. Этим платком, как показали родные убитого, при жизни пользовался Анатолий.

Повторным обыском в доме Черновых 6 октября на одной из стен на высоте от 30 до 90 см нашли несколько красно-бурых пятен, похожих на кровь, а под печкой — старую доску с мазками засохшей жидкости красно-бурого цвета, также похожей на кровь. Соскобы с пятен были направлены на судебно-медицинскую экспертизу.

25 ноября старшая сестра Анатолия нашла в стого соломы старую шапку-ушанку и полушерстяной пиджачок убитого. Пиджачок имел отверстие, соответствующее по форме и расположению отверстию на рубашке убитого. 26 ноября дополнительным обыском там же обнаружили брюки Анатолия. Одежда Анатолия была в крови.

Допросом ряда свидетелей установили, что накануне обнаружения трупа, то есть 12 сентября, в яме трупа не было. Следовательно, труп перенесли в яму в ночь с 12 на 13 сентября.

Судебно-медицинское исследование трупа, которое производилось 18 сентября, показало, что смерть Анатолия Чернова наступила в результате грубого травматического повреждения костей черепа и вещества мозга тупым или тупогранным предметом. В полости живота имелась слепая рана линейной формы, с ровными краями размером 2,5×0,6 см. В этой ране оказался комок скатанной бумаги. Когда его развернули, то выяснилось, что он состоит из частей 13 и 14 страниц брошюры «Основные сведения из жизни растений». Пули, дроби, пороха или копти в ране обнаружено не было, в связи с чем возникло сомнение в том, что эта рана является огнестрельной. Бумажный ком был принят судебно-медицинским экспертом за пробку, введенную преступником в рану с целью уменьшить сильное кровотечение. Могла ли эта рана оказаться смертельной, эксперт в заключении не указал. При дальнейшем расследовании труп эксгумировали и следователь назначил повторную судебно-медицинскую экспертизу. Эксперты пришли к заключению, что ранение в полость живота является огнестрельным, а бумага, обнаруженная в ране,

это не что иное, как пыж. Отсутствие порошинок и копти объяснялось тем, что выстрел произведен с дальнего расстояния.

Однако судебно-медицинские эксперты не обосновали достаточно убедительно своего заключения. В связи с этим у меня возникло сомнение в возможности причинения бумажным пыжом такого ранения при выстреле с дальнего расстояния. Если это не так, то почему ни на пиджаке, ни на рубашке не осталось каких-либо следов пороха и копти? Последнее обстоятельство подтвердилось исследованием одежды убитого, выполненным Воронежской областной судебно-медицинской лабораторией в январе 1954 года. Исследование не обнаружило следов, соответствующих обычно выстрелам с близкого расстояния.

Милиция, первоначально расследовавшая дело, а затем и прокуратура Байчуровского района не раскрыли преступления и дело 2 февраля 1954 г. прекратили.

Это постановление 25 сентября 1954 г. было прокуратурой отменено, и я, приняв дело к своему производству, наметил следующие версии:

Первая версия — убийство совершила мать Анатолия — Чернова Ф. Ф., одна или при участии еще кого-либо.

Основанием для выдвижения этой версии служили следующие обстоятельства. Чернова — одинокая женщина, имевшая троих детей, относилась к ним плохо, часто не давала им есть, избивала, выгоняла из дома. Анатолий даже иногда ночевал в саду или в доме соседа Сушкова. Последний и его семья относились к мальчику хорошо.

По показаниям товарища Анатолия — Сторожевых, 2 сентября 1953 г. Анатолий был вместе с ним в школе и после двух уроков, то есть в 3 час. 30 мин., ушел из школы. С собой у него были учебники. Из показаний лиц, работавших в поле вместе с Черновой — Поповой, Рыбина и других, усматривалось, что Чернова в это же время направилась к себе домой.

По показаниям Сушкова и других жителей села, мать Анатолия рассказывала о характере и расположении телесных повреждений, причиненных ее сыну якобы еще до обнаружения трупа.

Кроме того, когда труп еще не обнаружили, директор школы пришел к Черновой искать Анатолия на чердаке и в погребе дома, полагая, что тот прячется где-то от матери, но она не разрешила ему делать этого. Сразу же после похорон сына Чернова со всей своей семьей ушла из собственного дома на частную квартиру, объясняя это своим односельчанам тем, что якобы ночью сын «является» ей. Поэтому-то она и не смогла оставаться в своем доме.

По показаниям сестры Анатолия — Таисии, в день его исчезновения у них в доме был дядя — Домаев (родной брат Черновой), который ушел от них поздно вечером. Однако это отрицали как сам Домаев, так и Чернова.

Милиция оперативным путем установила, что в селе ходят разные слухи об обстоятельствах убийства. Один из таких слухов состоял в том, что Чернова, возвратившись домой с поля в 3—4 часа дня, стала собирать обед на стол. В это время пришел из школы Анатолий. Мать начала его ругать за то, что он не пригнал в поле волов, чтобы привезти соломы. Анатолий стал ей перечить, тогда мать, намереваясь ударить его ручкой ножа, нечаянно ударила его острием в живот. Анатолий, падая, ударился головой об угол сундука и разбил себе череп. Чтобы остановить кровотечение она закрыла рану в животе пробкой, сделанной из бумаги.

Основанием для выдвижения *второй версии* — о том, что убийство совершил сосед Черновых — Сушков, послужило заявление матери убитого. В заявлении она указывала, что Сушков мог убить ее сына за какую-либо мелкую кражу, совершенную у него.

Третья версия заключалась в том, что убийство совершил кто-либо из владельцев бахчи или сада, в которые, возможно, забрался Анатолий.

Так как решающее значение имело правильное определение характера ранений в полость живота (огнестрельное оно или ножевое), то еще вначале следствия я назначил повторную судебно-медицинскую экспертизу. Изучив материалы дела и вещественные доказательства, эксперты признали, что ранение в полость живота Чернова является огнестрельным. Однако эксперты усомнились в возможности причинения такого повреждения холостым выстрелом и предложили вторично эксгумировать труп и под-

вергнуть его рентгенографическому исследованию с целью обнаружения следов заряда. Однако никаких признаков заряда не обнаружили. Тогда я назначил судебно-медицинскую экспертизу, которую выполнили сотрудники Центрального научно-исследовательского института судебной медицины Министерства здравоохранения СССР. Эксперты дали заключение, что ранение в полость живота является следствием выстрела с близкого расстояния холостым зарядом с использованием бумажного самодельного пыжа с применением пороха марки «ВТ», предназначенного для снаряжения патронов боевых винтовок.

Исследование пиджака Чернова показало, что в нем имеются внедрившиеся зерна бездымного пороха и отсутствуют следы копоти. В заключении было отмечено, что при выстреле с близкого расстояния бездымным порохом копоть на пораженном объекте может отсутствовать. Выявленные зерна пороха находились в одежде Чернова и в момент ее исследования в Воронежской судебно-медицинской лаборатории, но там их не нашли (рис. № 1).

С получением такого убедительного заключения судебно-медицинской экспертизы мне стало очевидно, что версия об убийстве Чернова его матерью совершенно несостоятельна. К тому же экспертиза, проводившаяся ранее при первом расследовании с целью обнаружения крови на предметах, изъятых обыском в доме Черновых (в соскобах со стены дома, в носовом платочке Анатолия), следов крови не установила. На доске, изъятый из под печи, оказалась кровь курицы.

Заключение экспертизы, установившей сходство соломы и земли, взятых с трупа и с места предполагаемого временного захоронения трупа (между стеной дома Черновой и стогом соломы), не могло уличать Чернову, так как по своему составу солома и земля могли быть однородны и с другими образцами, взятыми в другой части села. Не нашла подтверждения и версия об убийстве Анатолия кем-либо из владельцев бахчи или сада. По имевшимся сведениям, в селе ружья были — одно в магазине Вихляевки (для продажи), другое принадлежало сторожу этого магазина. Сторож иногда давал свое ружье односельчанам «попугать» ребятишек, забиравших в их сады.

Однако в сентябре 1955 года сторож никому своего ружья не давал. Проверка показала, что сам он также не может быть причастен к убийству.

В процессе следствия осмотром классных журналов, где отмечалась посещаемость учеников, допросом учителей и товарищей по классу я установил, что Анатолий Чернов 2 сентября 1953 г. вообще в школе не был. Его же товарищ по парте — Сторожевых перепутал день и ошибочно сказал, что Анатолий ушел из класса после второго урока

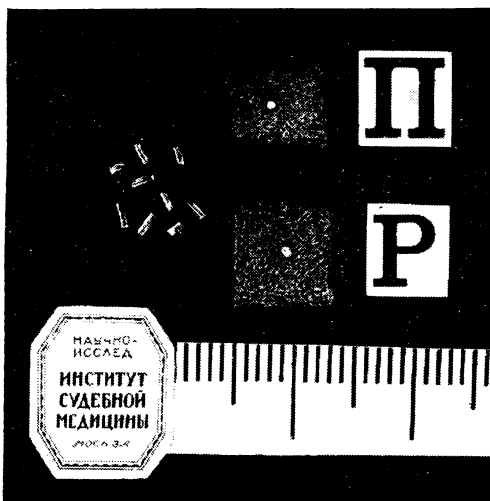

Рис. 1. Порошинки, извлеченные из пиджака, и две вырезки из ткани пиджака с внедрившимися порошинками

второй смены. Таким образом, выяснилось, что Чернов ушел с двух уроков не 2 сентября, как считал Сторожевых, а 1 сентября.

Занятия второй смены начинались в 11 час. 30 мин. дня. Обнаруженные дома учебники и тетради Анатолия с невыполненными домашними заданиями указывали на то, что 2 сентября он собирался идти в школу, стал готовить уроки, однако, не закончив решение задачи по арифметике, вышел из дома примерно за 1 час до ухода в школу своей младшей сестры Нины. Больше он домой не возвратился.

Свидетель Хохлов, проживающий по соседству с Черновыми, показал, что примерно в 12 часов дня к нему подходил Анатолий и попросил закурить, после чего с папиросой направился домой. После этого Анатолия больше никто не видел. Можно было предполагать, что его убили 2 сентября после 12 часов дня.

Проверяя вторую версию о том, что убийство Анатолия совершил кто-либо из Сушковых, я еще раз тщательно проанализировал собранные материалы дела, заключения экспертиз, повторно осмотрел яму, в которой был обнаружен труп, ознакомился с расположением домов этой улицы и дома Черновых.

Допросом соседей Сушковых я установил, что к ним в сентябре 1953 года приезжал в отпуск их сын — Федор Сушков, который уехал из Вихляевки, не использовав до конца свой отпуск.

Учитывая эти обстоятельства, а также заявление матери Анатолия, подозревавшей Сушковых в убийстве, я произвел обыск в доме и надворных постройках Сушковых. При этом в подполье была обнаружена гильза винтовочного патрона, а в комод — тельняшка со светло-бурыми пятнами, похожими на замытую кровь. В кирпичном погребе, расположенном во дворе Сушковых, которым почему-то в течение года они не пользовались, была яма полукруглой формы размером 1,5×0,5×0,4 м. Просматривая фотокарточки у Сушковых, я нашел среди них фотокарточку Федора, на которой он был изображен с охотничьим ружьем.

Как я выяснил, Федор Сушков выехал из Вихляевки 3 сентября, поэтому он не мог перенести труп Анатолия в ночь с 12 на 13 сентября и подкинуть одежду к дому Черновых. У меня возникло предположение, что это мог сделать после отъезда Федора, вероятнее всего, его отец — Устин Сушков. Подробно допросив несколько человек, я установил, что именно Устин Сушков распускал слухи среди жителей о том, что убийство совершила Ф. Ф. Чернова.

На допросе Устин Сушков отрицал свою причастность к убийству и сокрытию трупа Чернова.

В связи с тем что Федор Сушков был военнослужащим, в воинскую часть, в которой он служил, по поручению прокурора области милиция направила своего работника, хорошо знавшего все обстоятельства дела, для выполнения оперативного задания следователя.

Как было выяснено на месте, Федор Сушков получал письма от родных, в частности от своей сестры, которая писала ему в воинскую часть без указания обратного адреса и своей фамилии. Не исключалось, что из ее писем он мог знать, что по делу об убийстве Чернова возобновлено расследование. Кроме того, работник милиции оперативным путем установил, что однажды, получив письмо из дому, Сушков сильно взволновался.

После непродолжительного запирательства Федор Сушков признался в убийстве и изложил все обстоятельства преступления. Он рассказал, что 2 сентября 1953 г., когда он сидел и читал книгу в саду, к нему примерно в обеденное время подошел с дымящейся папироской в зубах Анатолий Чернов.

Здесь же в саду находилось охотничье ружье Федора Сушкова. Решив проверить, можно ли выстрелить порохом из старого винтовочного патрона, они высыпали из него порох в охотничий патрон, добавили серы с головок спичек и забили бумагой, вырванной из брошюры. Когда же этот патрон они вставили в патронник ружья, то от неосторожного обращения неожиданно произошел выстрел и находившийся рядом Анатолий был ранен в живот. Сушков для осмотра раны снял с него одежду, вытер кровь носовым платком, но, видя, что Анатолий не приходит в сознание, решил добить его прикладом по голове. После этого он спрятал труп в сарае в кизяке и прикрыл соломой, а когда приехал с поля отец, то рассказал о случившемся. Тот поругал его и посоветовал, не дожидаясь окончания отпуска, немедленно выехать из села.

Федор Сушков был осужден народным судом Байчуровского района за убийство Чернова, а его отец — за соучастие в убийстве. Однако Верховный Суд РСФСР в отношении отца дело прекратил.

---

*Следователь прокуратуры
Ленинского района Ленинграда
младший юрист*

Б. П. Дубейковский

КОСВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИЗОБЛИЧИЛИ УБИЙЦУ

В 13 отделение милиции Ленинграда явился Асташев и сообщил, что, вернувшись домой, обнаружил в петле труп своей жены.

Вместе с Асташевым работники милиции направились к нему на квартиру, предварительно сообщив о случившемся по телефону в прокуратуру Ленинского района, откуда на место происшествия выехал следователь т. Сабурин.

Работники милиции, прибыв на место происшествия, не стали изменять обстановку и расположение предметов в комнате, а также и позу трупа.

Следователь т. Сабурин сфотографировал положение трупа в петле и положение предметов в комнате, после чего вынул труп из петли и еще раз сфотографировал. Петлю и узел веревки он сохранил и приобщил к делу. Затем после всего приступил к осмотру квартиры Асташевых, состоявшей из двух комнат, кухни и ванной. Осмотр производился в присутствии понятых. Муж погибшей — Асташев также был при осмотре.

Осмотром было установлено следующее.

Веревочная петля, в которой висел труп, была прикреплена к гвоздю, вбитому в косяк двери двух смежных комнат. Гвоздь этот незначительно погнут книзу. Ноги трупа касались пола и были согнуты в коленях. На трупе одета только шелковая сорочка, которая в нижней передней части запачкана каким-то черным красящим веществом. На ногах — кожаные домашние тапочки со следами белого красящего вещества на подошве. Под ногами на

полу, на волосах и лице Асташевой имелась белая пыль от осыпавшейся из щели в дверном проеме штукатурки, на теле замечены многочисленные синяки, на шее были видны странгуляционная борозда, а также мелкие ссадины. Мелкие ссадины имелись и в области носо-губной складки. В правой руке трупа, зажатой в кулак, была обнаружена пуговица с остатками ниток и характерными волокнами ткани зеленого цвета. В 1 м от трупа стоял стол. На столике лежала записка с текстом: «Натура дура, судьба индейк, а жизнь копеек». Там же была обнаружена кожаная планшетка и в ней повестка о явке Асташевой в суд по делу о разделе жилплощади с Асташевым. На кровати под матрацем лежали разорванные заявления о разделе жилплощади за подписью Асташева.

В потайном ящике зеркала оказался пистолет с патронами. Разрешения на хранение оружия у Асташева не имелось.

На месте происшествия следователь осмотрел пальто Асташева. На пальто оказались такие же пуговицы, как пуговица, зажатая в руке Асташевой, причем на рукаве пальто одна пуговица отсутствовала.

Асташева тут же задержали и направили в милицию.

С места происшествия были изъяты: веревка, на которой висел труп, записка, упомянутая пуговица, тапочки, пистолет, планшетка, заявление о разделе жилплощади и повестка о вызове в суд.

В связи с указанными результатами осмотра прокурор района сразу же возбудил уголовное дело и передал его для расследования мне. В соответствии со ст. 145 УПК РСФСР Асташев был арестован. В милиции пальто Асташева было еще раз внимательно осмотрено. На правом рукаве не хватало пуговицы с частью ниток. Ткань пальто соответствовала той, остатки которой оказались на пуговице, обнаруженной в руке трупа Асташевой.

Результат осмотра оформлен протоколом.

Допрошенный по делу Асташев заявил, что его жена повесилась сама. Этому предшествовали якобы следующие обстоятельства.

Приехав в конце 1953 года в Ленинград, Асташев не стал жить со своей женою Асташевой, с которой до этого

прожил более 15 лет, а ушел к своей сожительнице Сурниной, у которой от него имелся ребенок. Сурнина своей жилплощади не имела, и Асташев снял ей комнату. Он предложил Асташевой добровольно обменять жилплощадь, на что она согласилась. Так как некоторое время они не могли подыскать подходящих объектов для обмена, Асташев подал в суд иск о принудительном разделе жилплощади. 21 января около 10 часов утра он пришел к Асташевой, чтобы вручить ей повестку из суда. Она еще лежала в постели в одной сорочке. Он дал повестку, и Асташева расписалась на ее корешке. Затем он подал ей заявление о разделе жилплощади для подписи, но Асташева вскочила с кровати, набросилась на него, стала отнимать планшетку, в которой было заявление, затем схватила кочергу и замахнулась на него. Тогда он убежал, а Асташева громко крикнула ему вслед: «Повешусь, будешь отвечать». Он якобы видел, как она схватила веревку. Асташев заявил, что, отнимая планшетку, Асташева оторвала незаметно для него пуговицу от пальто и с целью возвести на него обвинение повесилась, держа пуговицу в руке... Предварительно она будто бы написала записку, найденную на столе.

Асташев заявил, что побоев Асташевой он не наносил. В отношении обнаруженного пистолета и патронов он признал, что они принадлежат ему. Не зарегистрировал он пистолета, так как жена куда-то его спрятала. Асташев показал также, что, поскольку корешок судебной повестки с росписью о получении остался у Асташевой, он зашел по пути от Асташевой в суд, выписал вторую повестку, зашел в два-три магазина и пришел к Сурниной. Днем около 5 часов он снова пошел к Асташевой с намерением вручить вторую повестку, но, увидев ее висящей в петле, не стал входить в комнату, а сразу же заявил в милицию.

Наличие в руке трупа Асташевой пуговицы, оторванной от пальто Асташева, многочисленные синяки и кровоподтеки на теле умершей, царапины и ссадины около рта и на шее трупа, а также путаные показания Асташева давали основание предполагать, что он дает ложные показания об обстоятельствах смерти жены.

Асташев не мог объяснить, каким образом он увидел, что жена «схватила веревку», когда по его же показаниям следовало, что он убежал, как только она замахнулась на

него кочергой. Не мог он убедительно объяснить также, каким образом в руке Асташевой оказалась оторванная «незаметно для него пуговица».

Все эти обстоятельства давали основание предполагать, что Асташева не покончила жизнь самоубийством, а убита мужем.

Путем тщательной проверки показаний Асташева и сопоставления их с установленными фактами удалось доказать ложность показаний Асташева о посещении им квартиры жены и самоубийстве последней.

Немедленно после возбуждения дела и задержания Асташева был произведен обыск на квартире его сожительницы Сурниной. Обыск результатов не дал.

Сурнина заявила, что Асташев ушел к жене около 9 часов утра и вернулся не ранее 2 часов дня крайне взволнованный. По возвращении тут же стал быстро пришивать пуговицы на пальто, но одной (ее не хватало на рукаве) подходящей пуговицы так и не нашел.

Кроме того, Сурнина показала, что Асташев рассказал ей, что поссорился с женой, а когда уходил, то она якобы крикнула, что повесится, а он будет отвечать.

О необходимости вручения второй повестки Асташев Сурниной ничего не говорил. Примерно в 4 час. 30 мин. дня Асташев сказал, что ему нужно идти на собрание. Больше она его не видела. Об обстоятельствах смерти Асташевой Сурнина ничего не знала.

Допрошенные жильцы квартиры, где проживала Асташева, а также ее родственники, знакомые и подруги показали, что Асташева была веселой, жизнерадостной женщиной, никогда не высказывала мысли о самоубийстве, а, наоборот, строила планы жизни без мужа. В день смерти она договорилась с одной из подруг идти вечером в кино.

Три жильца, проживавшие в одной с Асташевой квартире, показали, что видели, как Асташев пришел к жене около 10 часов утра. Они были в это время на кухне, недалеко от дверей комнаты Асташевой. Вскоре после его прихода они через простенок слышали из комнаты Асташевой возню и падение каких-то предметов. Затем шум прекратился, и из комнаты в коридор с расстроенным вы-

ражением лица выбежал Асташев. Однако он тут же повернул обратно и вскоре вышел, закрыв за собой дверь. Он ушел в 11 часов и до прихода с работниками милиции его в квартире никто не видел. Асташеву после этого события больше никто не видел.

В 2 часа дня к Асташевой приходила ее подруга Тимофеева. Она позвонила, а затем постучала в ее комнату, но никто двери не открыл, после чего Тимофеева ушла.

Таким образом, показания Асташева о том, что он вторично около 5 часов дня заходил к Асташевой и, обнаружив ее мертвой, заявил в милицию, опровергались показаниями соседей по квартире. Следовательно, несомненно, уходя утром около 11 часов от Асташевой он уже знал, что его жена мертва.

Для того чтобы проверить показания жильцов о слышимости, мною был произведен следственный эксперимент. Выяснилось, что находившиеся на кухне в момент ухода Асташева жильцы должны были услышать, как Асташева крикнула: «Повешусь, будешь отвечать». Однако свидетели показали, что ни этих, ни других слов Асташевой не слышали.

Асташев заявил, что он только отнимал планшечку, но не бил жену. Произведенной по делу судебно-медицинской экспертизой установлено, что на теле Асташевой имелись многочисленные прижизненные кровоподтеки, на шее и в области носо-губной складки — ссадины и царапины, которые могли быть причинены пальцами рук. На шее видна прижизненная странгуляционная борозда. Смерть последовала от удушения петлей.

На своде черепа Асташевой имелось шесть кровоподтеков от ударов тупым предметом по голове, от которых согласно заключению экспертов Асташева могла потерять сознание.

Судебно-медицинская экспертиза опровергала показания Асташева, что он не бил жену, так как было доказано, что сама она не могла причинить себе такого рода повреждений.

Исследованию подвергся узел, которым веревка была закреплена к гвоздю, вбитому в дверной проем. По заклю-

чению экспертов, веревка была закреплена за гвоздь узлом, имеющим общие признаки с морским узлом «бегущая петля». Из дела было известно, что в прошлом Асташев плавал на кораблях и ему известна вязка морских узлов. Асташева же, как показали ее близкие, знакомые и соседи по квартире, никогда не сумела бы связать узла, подобно тому, каким петля была прикреплена к гвоздю.

Произведя осмотр изъятых с места происшествия тапочек, я установил, что белое красящее вещество на подошвенной части имеет поперечные бороздки. Я назначил по делу трасологическую экспертизу, перед которой поставил вопрос о том, могли ли эти следы образоваться при ходьбе или они явились результатом волочения.

Эксперты дали заключение, что поперечные следы на тапочках не могли образоваться при ходьбе, а, вероятнее всего, образовались при волочении тела Асташевой на левом боку. Это давало основание предполагать, что Асташеву подтащили к дверному проему.

Для определения, кем написана записка со словами: «Натура дура, судьба индейк, а жизнь копеек», я назначил графическую экспертизу. Экспертиза дала заключение, что эта записка написана Асташевым. Последний это категорически отрицал.

Показания Асташева о том, что около 5 часов дня он снова заходил к жене, чтобы вручить ей вторую судебную повестку, опровергались также и тем, что при его личном обыске, который был произведен вскоре, при нем повестки не оказалось. Кроме того, допрошенная в качестве свидетеля секретарь народного суда показала, что она выписала Асташеву только одну судебную повестку и что вторично он в суд не заходил, и второй повестки она ему не выписывала.

Мною был проверен маршрут Асташева после его ухода в 11 часов от Асташевой до прихода в 2 часа к Сурниной. В присутствии понятых я произвел следственный эксперимент и установил, что на весь путь от квартиры Асташевой до местожительства Сурниной он должен был затратить не более часа, а не 3 часа.

Так была собрана совокупность косвенных доказательств, исключавших возможность самоубийства Асташе-

вой и изобличающих Асташева в убийстве жены с последующей инсценировкой ее самоубийства.

Асташев был предан суду по ч. 1, п. «а», ст. 136 и ч. 1 ст. 182 УК РСФСР.

В судебном заседании Асташев признал, что записка была написана им, но при каких обстоятельствах, не помнит. В убийстве жены Асташев виновным себя не признал.

Суд приговорил Асташева по совокупности совершенных преступлений к длительному сроку лишения свободы.

---

*Следователь по особо важным делам
Главной транспортной прокуратуры
старший советник юстиции*

Л. А. Мариупольский

ВСЕСТОРОННЕЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

3 декабря 1955 г. милиционер 62 отделения милиции Москвы Строкин, проживающий на станции Перхушково, отправился к месту своей работы электропоездом, вышедшим в 22 час. 30 мин.¹ в Москву.

Когда электропоезд проходил станцию Фили, в вагон, где находился Строкин, вошел молодой парень, несший большой сверток каких-то вещей.

Строкин обратил внимание на то обстоятельство, что, несмотря на довольно сильный мороз, на парне были только легкие брюки и фуфайка, а в руках он держал свернутое демисезонное пальто. Это показалось милиционеру подозрительным, и он, подойдя к парню, предложил ему предъявить документы. В ответ тот что-то промычал и стал показывать жестами, что он глухонемой.

Однако глухонемой предъявил Строкину документ на имя Александрова, из которого было видно, что за неделю до этого его досрочно освободили из лагеря, где он отбывал длительный срок наказания за хищение социалистической собственности.

Строкин предложил Александрову развернуть пальто, которое было у него в руках. Тогда задержанный попытался убежать. Однако Строкин задержал его. Внутри пальто оказался пиджак. Большие участки этой одежды были пропитаны кровью. В одном из карманов пиджака оказа-

---

¹ В этой статье указывается железнодорожное время (в 24-часовом исчислении).

лось удостоверение личности на имя члена одного из линейных транспортных судов гр-на Ч.

Несмотря на сопротивление Александрова, Строкин доставил его в дежурную комнату линейного отделения железнодорожной милиции при Белорусском вокзале.

Вскоре после задержания Александрова путевой обходчик, направлявшийся от станции Фили в сторону станции Кунцево, обнаружил на бровке пути окровавленный полураздетый труп мужчины. Обходчик доложил об этом бригадиру, а последний сообщил в Кунцевское отделение милиции. Работники милиции отправили труп в один из моргов Москвы.

Днем 4 декабря в милицию явилась жена Ч., чтобы узнать, не было ли на участке Москва—Одинцово каких-либо происшествий, так как ее муж не вернулся 3 декабря в Одинцово из Москвы после работы. В морге она опознала в подобранном на перегоне Фили—Кунцево трупе своего мужа.

Так возникло уголовное дело по обвинению Александрова в убийстве с целью ограбления члена линейного транспортного суда Ч.

Допрос Александрова, помимо того, что он велся через переводчика, осложнялся еще и тем, что Александров был крайне неразвит и плохо знал разговорную систему глухонемых, которой пользовался переводчик.

Александров объяснил, что он ехал в поезде без билета. Когда поезд неожиданно остановился, к нему якобы подошел какой-то глухонемой и, угрожая ему ножом, велел выйти из вагона. Они направились вдоль поезда к одному из передних вагонов, около которого на земле лежал труп мужчины с окровавленным лицом. Здесь же толпились железнодорожники и пассажиры. Когда раздался сигнал к отправлению, железнодорожники и пассажиры вошли в вагоны. Поезд ушел, а они остались около трупа.

Тогда второй глухонемой, угрожая Александрову ножом, заставил его снять с убитого пальто и пиджак, а сам ушел по направлению к станции Кунцево. Александров с вещами направился в противоположную сторону к станции Фили с той якобы целью, чтобы сдать в милицию снятые с убитого вещи.

Не игнорируя объяснений Александрова и проверяя их, нельзя было ограничиться только одной версией, к тому же основанной на объяснениях подозреваемого. Совершенно не исключалась и другая, вполне возможная версия, что Ч. явился жертвой расправы со стороны уголовных элементов за свою судебную деятельность. Необходимо было путем допроса сотрудников суда выяснить, угрожал ли Ч. кто-либо из осужденных или их родственников убить его, а также тщательно выяснить события хотя бы ближайших дней, предшествовавших смерти Ч., и, в частности, получить объяснения тому крайне странному обстоятельству, что труп Ч. оказался на перегоне между станциями Фили и Кунцево.

Александров не мог назвать номер поезда, с которым он ехал. Однако остановка поезда в пути, если она имела место в действительности, должна была быть зафиксирована в соответствующих железнодорожных документах. Действительно, на графике исполненного движения о проследовании поездов по первому отделению дороги диспетчер отделения сделал запись, что пассажирский поезд № 43, отправившийся из Москвы в 21 час. 50 мин. до станции Смоленск, в пути, на 10 пикете девятого километра (перегон Фили—Кунцево), имел в 22 час. 05 мин. остановку продолжительностью в 8 мин. из-за наезда на человека.

Поезд № 43 отправился из Москвы под управлением машиниста Кудряшова. Помощником машиниста был Немудров, а главным кондуктором Афанасьев. Паровоз «СУ-250-37» был оборудован скоростемером, на ленте которого оказалась зафиксированной та же остановка поезда на девятом километре, которая была отмечена и диспетчером отделения дороги.

Из допросов Кудряшова, Немудрова и Афанасьева выяснилось, что, отправившись из Москвы 3 декабря 1955 г. в 21 час. 50 мин., поезд проследовал станцию Фили. На девятом километре машинист Кудряшов сквозь снежную пургу в свете паровозного прожектора увидел мужчину, шедшего по междупутью навстречу поезду на расстоянии приблизительно 150—200 м от паровоза. Машинист стал подавать сигналы, предупредив одновременно своего помощника, со стороны которого приближался человек, чтобы он наблюдал за ним. Когда паровоз приблизился к идущему навстречу человеку, последний оказался вне видимости машиниста. Помощник же маши-

ниста Немудров видел, как примерно в 15—20 м от паровоза человек резко свернул с междупутья на нечетный путь, по которому следовал поезд № 43, надеясь, по-видимому, успеть пересечь его и выйти на бровку пути.

Кудряшов принял меры к экстренному торможению, но было уже поздно. Потерпевший, судя по показаниям Немудрова и Афанасьева, лежал под вторым вагоном на спине, между нитками пути, ногами в сторону паровоза. Голова была окровавлена, движущиеся части поезда лишь разорвали полú пальто погибшего, других повреждений на теле и одежде не заметили.

Немудров и Афанасьев извлекли потерпевшего из-под вагона. Убедившись в том, что он мертв, а поэтому медицинская помощь бесполезна, поездная бригада, учитывая, что задержка поезда на перегоне угрожает срывом довольно напряженного графика движения поездов на этом участке, отправила поезд. Оставив труп на бровке пути, они решили поставить в известность о случившемся диспетчера в Можайске, где поезд останавливался по расписанию. Это и выполнил главный кондуктор Афанасьев.

На оперативном совещании при начальнике отделения было признано отсутствие в действиях паровозной бригады каких-либо нарушений правил движения.

Собранный, таким образом, в процессе расследования материал, исключал возможность убийства Ч. Александровым и подтверждал, что объектом его преступления являлась не жизнь Ч., а лишь его имущество.

Чтобы правильно квалифицировать действия Александра, оставалось лишь проверить его утверждение о том, что он действовал вдвоем с неизвестным ему глухонемым под угрозой со стороны последнего. Ясность в этот вопрос внесли показания старшего кондуктора поезда № 43 Федосеевой. Она заявила, что, когда поезд внезапно остановился на перегоне, она в соответствии с требованиями правил технической эксплуатации отошла на положенное расстояние от хвоста поезда и стала охранять его световыми сигналами. Услышав сигнал машиниста об отправлении поезда, она вернулась на свое место в последний тамбур хвостового вагона. Когда поезд проходил место, где на бровке пути лежал труп, Федосеева из любопытства высунулась из тамбура и осветила место происшествия ручным фонарем, увидела труп и наклонившегося

над ним человека. Он был один и, будучи освещен фонарем, выпрямился и со злостью погрозил Федосеевой кулаком.

Показания Федосеевой опровергли утверждения Александра, что он снял одежду с трупа под угрозой другого глухонемого, а так же и то, что он собирался доставить вещи погибшего в милицию.

Действия Александра были квалифицированы по ч. 1 ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» и он приговорен к лишению свободы.

Но разрешением вопроса об ответственности Александра предварительное следствие ограничиться не могло. Необходимо было выяснить, соответствуют ли действительности объяснения поездной бригады и не могли ли они предотвратить гибель судьи Ч. От выяснения этих вопросов зависело привлечение к уголовной ответственности машиниста Кудряшова и его помощника Немудрова. С этой целью были назначены техническая и судебно-медицинская экспертизы.

Согласно показаниям Кудряшова и Немудрова оба они потеряли из виду шедшего навстречу поезда Ч., а когда он оказался примерно в 15 м от паровоза и свернул с междупутья на нечетный путь, машинист экстренно затормозил поезд.

Технический эксперт на основании записей скоростемера установил, что остановка поезда на девятом километре действительно явилась результатом экстренного торможения. Скорость движения поезда перед началом торможения составляла 33 км в час; время, прошедшее от начала торможения до полной остановки поезда, равнялось 13 секундам, и путь, пройденный поездом при действии автотормозов, составил всего 60 м.

Имея в виду, что труп Ч. оказался после остановки поезда под вторым от паровоза вагоном, технический эксперт пришел к заключению, что «показания Кудряшова и Немудрова о скорости движения поезда во время происшествия, о применении экстренного торможения и о нахождении в этот момент Ч. на расстоянии 15—20 м от паровоза соответствуют объективным данным, подтверждаемым записями на ленте скоростемера (кривой скорости, линией тормозного давления в магистрали), а также профилем пути и весом поезда». Исходя из фактиче-

ских данных о скорости движения поезда, профиля пути и наличия тормозных средств, технический эксперт признал, что Кудряшов и Немудров «ввиду малого тормозного пути (15—20 м) от замеченного ими перебежавшего пути Ч. не могли предотвратить наезда поезда на гр-на Ч.».

При этих условиях уголовная ответственность машиниста Кудряшова и его помощника Немудрова исключалась.

В процессе проверки показаний Кудряшова и Немудрова под углом зрения их ответственности за наезд на идущего навстречу поезду человека следствие не исключало и другой возможности. Могло быть, что в действительности погибший шел не навстречу поезду по междупутью, а затем внезапно свернул на нечетный путь, а шел в направлении движения поезда по этому пути. Он мог быть замечен Кудряшовым на расстоянии, достаточном для своевременной остановки поезда, но гибель Ч. не была предотвращена из-за того, что тормозные средства были применены лишь тогда, когда до пострадавшего оставалось 15—20 м.

Наконец, не исключалось, что из-за снежной пурги и плохой видимости Кудряшов и его помощник приняли за идущего им навстречу человека лежавшую между нитками пути расprostертую фигуру уже убитого человека. Практика расследования железнодорожных происшествий знает подобные случаи.

Поэтому из соображений всесторонности расследования нельзя было ограничиться заключением судебно-медицинского эксперта Пеккера, производившего вскрытие трупа Ч. Эксперт пришел к заключению, что смерть Ч. последовала от перелома костей свода и основания черепа с разрывом оболочек мозга и размозжением височных и лобных долей, явившихся результатом нанесения этих повреждений твердым тупым предметом, действующим с большой силой; таким предметом могли являться части движущегося вагона или паровоза.

По изложенным выше соображениям была назначена повторная судебно-медицинская экспертиза. На этот раз эксперт установил, что «удар, причинивший смертельное повреждение головы, был нанесен непосредственно в лобную часть, почти в горизонтальном положении». Тем самым были подтверждены показания Кудряшова и Немудрова о том, что потерпевший шел навстречу поезду. Кроме

того, экспертиза дала совершенно определенный ответ, что «характер имевшихся смертельных повреждений позволяет исключить возможность причинения их рукой человека».

Таким образом, было бесспорно установлено, что смерть Ч. явилась не результатом преступного посягательства на его жизнь, а следствием транспортного происшествия.

Установив состав преступления, имевшийся в действиях Александрова, а также исследовав вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности паровозной бригады и ответив на него отрицательно, мы, однако, не ограничили рамки предварительного расследования этими обстоятельствами.

Оставались невыясненными причины, по которым судья Ч. мог оказаться в ночное время на перегоне Фили — Кунцево, на довольно значительном расстоянии и от одной и от другой станции.

Работая в Москве, судья Ч. проживал на станции Одинцово. По логике вещей несчастный случай мог бы с ним произойти в районе конечных станций, но никак не на перегоне между промежуточными станциями. Кроме того, уже установленные факты свидетельствовали о том, что Ч. при приближении к нему поезда № 43 шел навстречу поезду в сторону Москвы, то есть в обратном от Одинцова направлении.

Всесторонность расследования требовала объяснения такого поведения Ч., без чего нельзя было считать расследование дела законченным.

После гибели судьи Ч. среди жителей Одинцова распространился слух, что ночью в электропоезде группа хулиганов напала на Ч. и вытолкнула его из поезда где-то на перегоне Фили — Кунцево, а затем Ч., направляясь пешком к ближайшей станции, то есть к Фили, попал под встречный пассажирский поезд № 43.

Подобного рода версия не исключалась и подлежала тщательному расследованию.

После настойчивых розысков первоисточника этих слухов было установлено, что они исходят от жительницы поселка Одинцово гр-ки Б. Она показала, что, когда в Одинцове стало известно об обнаружении на перегоне Фили—Кунцево трупа Ч., она, 5 декабря, проходя по улице, встретила беседующих между собой женщин М. и Л., причем Л. рассказывала, что ее муж, возвращавшийся вечером 3 де-

кабря домой со станции Фили, видел, как какого-то мужчину сбросили с поезда.

В свою очередь Л. показала, что во время разговора на улице с М. она лишь высказывала предположение о возможных причинах гибели Ч. Она вспомнила, как однажды муж, предупреждал их дочь о необходимости остерегаться хулиганов и соблюдать осторожность при поездках в электропоездах. При этом муж сослался на известный ему случай, когда хулиганы сбросили с поезда одного пассажира.

Муж Л. засвидетельствовал, что когда 3 декабря он ехал в электропоезде, то при следовании по перегону Фили—Кунцево никаких происшествий не было. О том, что кого-то в этот вечер сбросили с поезда, он своей жене не рассказывал. Л. показал также, что за месяц до указанного дня он предупреждал свою дочь, чтобы она избегала в поездах хулиганов, так как однажды видел, как они хотели сбросить с поезда милиционера.

Несмотря на то, что из этих показаний была очевидна беспочвенность слуха о том, что Ч. сбросили с поезда, для более полного расследования этой версии были проведены некоторые дополнительные следственные действия.

Поскольку материалами дела бесспорно устанавливалось, что Ч. мог выехать из Москвы в сторону Кунцева только с электропоездами, отправляющимися после 20 час. 30 мин., а в 22 час. 05 мин. он уже попал под поезд № 43, было выяснено, какие электропоезда отправлялись из Москвы в этот отрезок времени. Согласно графику исполненного движения их было три: № 257 — отправляется в 20 час. 55 мин., № 259 — в 21 час. 06 мин., № 351 — в 21 час. 37 мин.

Допрошенные бригадиры и проводники этих поездов показали, что 3 декабря 1955 г. на перегоне Фили—Кунцево никаких происшествий ни в поездах, ни на пути не произошло.

Таким образом, слух о том, что на Ч. 3 декабря в электропоезде было совершено нападение и его выбросили из вагона, оказался ни на чем не основанным.

Что заставило Ч. оказаться на перегоне Фили—Кунцево?

Выше уже указывалось, что одновременно с выяснением роли Александра следствие тщательно расследовало события в период, предшествовавший гибели Ч., а также образ его жизни.

Как выяснилось из допроса секретаря и рассыльной суда, к Ч. неоднократно звонила некая Клава, оказавшаяся родственницей жены Ч. Особенно упорно, по несколько раз в день, звонила Клава днем 1 и 2 декабря и утром 3 декабря. Судя по тону разговора Ч. с Клавой, эти телефонные звонки были ему крайне неприятны.

Днем, 3 декабря, отлучаясь по делам службы из помещения суда, Ч. сказал своему секретарю, что если его будет спрашивать по телефону женский голос, то чтобы она ответила, что он больше в суде не работает.

Часов около пяти вечера 3 декабря, когда Ч. ушел обедать, к нему на работу пришел его товарищ, юрисконсульт железной дороги, Л. с двумя неизвестными лицами. Узнав, что судья обедает, Л. вместе со своими спутниками ушел.

Далее выяснилось, что Л., не застав Ч. в суде, разыскал его в столовой и организовал там вместе с сопровождающими его В. и К. выпивку, в которой принял участие Ч. После выпивки К. уехал домой, юрисконсульт Л., который договорился с Ч. вместе ехать домой, неожиданно, никому ничего не сказав, вышел из столовой и исчез, а оставшийся Ч. и В., поймав юрисконсульта, направились на Рижский вокзал, где В. должен был встретить приехавших в Москву родителей.

За несколько минут до прихода поезда, около 20 час. 30 мин., Ч. попрощался с В. и ушел с вокзала, а в 22 час. 05 мин. он оказался на перегоне Фили—Кунцево, где и попал под поезд.

Из показаний В. и К. выяснилось, что угощавший их в столовой юрисконсульт Л. хвастал, что успешно «выиграл» в суде какое-то уголовное дело, по которому какому-то врачу грозило суровое наказание, и что на полученный гонорар он угощает своих приятелей.

Допрошенный Л., подтвердив обстоятельства встречи с Ч., объяснил свое внезапное исчезновение из столовой тем, что почувствовал себя дурно после выпитой водки, и хотя действительно договорился с Ч. вместе ехать домой (Л. проживал в поселке Фили), но по упомянутым причинам ушел из столовой, не предупредив об этом Ч.

Относительно родственницы жены Ч. Клавы, выяснилось, что она после гибели Ч. встречалась с секретарем суда и спрашивала, как ей разыскать юрисконсульта Л., который, по ее объяснению, должен ей вернуть 2000 руб.

Допрошенная Клава после некоторого запирательства и очной ставки с секретарем суда рассказала, что в связи с осуждением одним из народных судов Московской области ее мужа Р. она просила судью Ч. рекомендовать ей хорошего адвоката. Ч. познакомил ее с юрисконсультом Л. и неким Эдиком, которые взялись за крупную сумму добиться в областном суде смягчения наказания ее мужу.

Однако несмотря на это, Московский областной суд приговор по делу Р. оставил в силе. Тогда Клава стала требовать возвращения отданных денег, часть получила обратно, а 2000 руб. ей не вернули. Считая Ч. ответственным за недобросовестное отношение юриконсультанта Л. и упомянутого Эдика, Клава неоднократно звонила Ч. с требованием воздействовать на рекомендованных ей юристов с тем, чтобы они вернули оставшуюся сумму денег. Больше того, Клава показала, что 3 декабря она, специально подкараулив Ч. в метро, когда он ехал на работу, сказала ему, что, если на следующий день, 4 декабря, деньги ей доставлены не будут, она обратится в соответствующие органы с официальной жалобой.

Судья Ч. обещал сделать все от него зависящее.

Между тем, как было установлено расследованием, юриконсультанта Л. в Москве ни 1, ни 2 декабря не было, он находился в командировке и переговорить с ним Ч. не мог.

Встретившись с юриконсультантом в столовой, Ч. не мог в присутствии посторонних лиц переговорить с ним по делу Р., но, по-видимому, дал понять, что Клава угрожает разоблачением, и условился переговорить более подробно при поездке домой.

Однако, как указывалось выше, юриконсультант Л. уклонился от этого разговора и внезапно, не предупредив Ч., ушел из столовой и уехал домой.

Зная, что 4 декабря к нему снова явится Клава, Ч. с Рижского вокзала отправился на электропоезде в Фили, где проживал юриконсультант Л.

Расследованием было установлено, что до квартиры юриконсультанта Л. можно проехать из Москвы трамваем, однако, по словам жены Ч., однажды они с мужем были в гостях у Л. и в этом случае ехали на электропоезде до станции Фили, затем шли значительный отрезок пути по железнодорожному полотну, а уже после этого сворачивали в поселок Фили.

Стало очевидным, что, направляясь на квартиру Л. именно этим путем в ночное время и снежную пургу, Ч., будучи в нетрезвом состоянии, прошел в сторону Кушцева мимо слабо обозначенной в снегу тропинки, ведущей в поселок Фили, но, обнаружив свою ошибку, повернул обратно по направлению к станции. Здесь он и попал под поезд № 43, шедший ему навстречу.

Этим, собственно говоря, и был исчерпан круг вопросов, относящихся к обстоятельствам гибели судьи Ч.

Однако содержание разговора юрисконсульта Л. в столовой, где он хвастался каким-то «выигранным» в суде уголовным делом по обвинению врача, а равно его роль и некоего Эдика в деле осужденного Р., послужили поводом для выделения материалов в отношении их в отдельное производство с целью расследования законности их действий.

При этом выяснилось, что оба они занимались подпольной адвокатурой, мошенническим способом получая право выступления в суде в качестве защитников по уголовным делам.

Обыском на квартире Л. были обнаружены выписки, сделанные им из уголовного дела по обвинению врача К., обвинявшегося по ч. 1 ст. 142 УК РСФСР.

Узнав о том, что врач К. привлечен к уголовной ответственности, юрисконсульт Л., как выяснилось, предложил ему услуги в качестве адвоката и, заручившись обманным путем доверенностью в местном железной дороге (согласно которой местком поручал Л. от имени профсоюза защиту интересов врача К. в суде), предъявил эту доверенность в суд, был допущен к участию в судебном разбирательстве, получив от врача К. за это 5 тыс. руб.

Таковыми же методами действовал и Эдик. Обстоятельства, связанные с установлением его личности, не лишены интереса. Его имя и фамилия, а также домашний телефон были обнаружены в записной книжке погибшего Ч. Телефон оказался принадлежащим П. Но к моменту расследования ни самой П., ни дома, где она проживала, уже не оказалось: она куда-то выехала, а дом был снесен.

Новое местожительство П. удалось установить. Было также установлено, что у нее в старой квартире в течение 2 лет проживал Эдуард В., выдававший себя за адвоката и имевший довольно значительную клиентуру. Приток этой клиентуры обеспечивался распространявшимися В. вымышленными сведениями о своих родственных или близких отношениях с видными судебными и прокурорскими работниками и обещаниями добиться желаемых для клиентов результатов. При этом от клиентов он также получал доверенности от имени профсоюзных организаций.

В. был задержан, причем у него не оказалось не только паспорта, но вообще каких-либо документов, удостоверяющих личность.

При помощи дактилографии удалось установить, что В. еще в 1948 году был осужден в Ташкенте как подпольный адвокат. Отбыв наказание, В. приехал в Москву, познакомился с гр-кой П. и продолжал здесь аналогичную преступную деятельность.

Таким путем ему удалось получить деньги с Горбачева, проживающего в Краснополянском районе Московской области, Бабина, Пасечниченко, Лопатенко и других, проживающих в Москве, а также от Клары по делу ее мужа Р. В ряде случаев, получая деньги от своих клиентов, В. скрывался. Мошенников Л. и В. предали суду, и они осуждены Московским областным судом.

---

*Следователь прокуратуры г. Кадиевка
Ворошиловградской области¹*

юрист 3-го класса

Э. Б. Межиковский

РАЗОБЛАЧЕНИЕ ШАЙКИ, ОБВОРОВЫВАВШЕЙ МАГАЗИНЫ

Рано утром 13 марта 1955 г. мне сообщили о краже, совершенной из промтоварного магазина № 21 Рубежанского смешторга, который расположен на окраине рабочего поселка Южная группа в г. Рубежное Ворошиловградской области.

Вместе с оперативными работниками милиции я немедленно прибыл на место происшествия и произвел тщательный осмотр. Магазин был расположен в одном здании с продуктовым магазином № 7. В подвале этого здания размещался холодильник продуктового магазина. Амбарные замки на входной двери холодильника были сорваны. В одной из холодильных камер имелся пролом в потолке, через который преступники проникли в магазин № 21. На месте пролома находились металлическая болванка и топор.

Присутствовавший при осмотре заведующий холодильником объяснил, что накануне топор лежал в соседней камере, а металлической болванки в холодильнике вообще раньше не было.

Судя по месту, где оказались эти предметы, и учитывая объяснения заведующего холодильником, можно было предположить, что этими предметами сорвали замки и сделали пролом в потолке.

В холодильнике были обнаружены шесть запасных воротничков к вискозным рубашкам, десять целлофановых

---

¹ В период, о котором идет речь в статье, ее автор работал в прокуратуре г. Рубежное Ворошиловградской области.

конвертов от рубашек, несколько ярлыков, которые, по-видимому, утеряли воры.

Обстановка места происшествия была тщательно зафиксирована в протоколе. Все обнаруженные предметы после детального осмотра и описания в протоколе мы изъяли. Из-за плохого освещения сфотографировать место происшествия не представилось возможным.

Составив протокол осмотра и приняв меры к производству инвентаризации, я организовал две группы из работников милиции и дал указание осмотреть близлежащий лес с целью обнаружения похищенного, преступников и, возможно, оставленных следов.

Осмотр леса производился в связи с тем, что через лес шла тропинка к берегу реки Северный Донец, по которой иногда ходили жители Пролетарска, расположенного на правом берегу реки. Кроме того, начался разлив, и я предположил, что преступники, не успев ночью перевезти на другой берег вещи, похищенные в магазине, могли спрятать их где-нибудь в лесу.

После осмотра места происшествия я допросил заведующего магазином № 21 и продавца этого же магазина. В своих показаниях они заявили, что из магазина похищено много шелковых тканей и готовой одежды на общую сумму примерно около 30 тыс. руб.

При допросах работников магазина мною в протоколе подробно были описаны цвет и качество похищенной ткани и готовой одежды. Это было необходимо для того, чтобы иметь возможность дать задание работникам милиции по розыску похищенного и установлению преступников. Тут же при допросах работников магазина было установлено, что холодильник недавно ремонтировали рабочие строительно-монтажного управления 5, а также там бывали шоферы и грузчики смешторга, доставлявшие товары.

К моменту окончания первоначальных допросов, которые производились на месте, возвратились обе группы работников милиции. Произведенный ими осмотр леса ничего не дал.

Возбудив дело, я принял его к производству и тут же наметил неотложные оперативно-розыскные действия, в том числе:

1. Немедленно поставить в известность близлежащие отделения милиции о характере похищенных товаров для

проверки возможных мест сбыта и задержание подозрительных лиц. По моему предположению в г. Рубежное преступники не станут реализовывать похищенное, но могут попытаться сделать это на рынках других близлежащих городов.

2. Проверить оперативным путем, нет ли среди лиц, производивших ремонт холодильника и доставлявших в него товары, таких, которые могли бы совершить кражу.

3. Поставить в известность о происшедшем работников милиции ближних железнодорожных станций, так как похищенные товары могли перевозиться поездами.

4. Наблюдать за переправой через Северный Донец.

17 марта 1955 г. работники милиции установили, что 15 марта при отправлении пригородного поезда с остановки Южная группа на подножки вагонов сели два неизвестных с двумя наполненными мешками. Один из этих пассажиров по настоянию проводницы Катрухиной вошел в вагон. Войдя в вагон, он все время старался прикрыть мешок ногами, а лицо закрывал поднятым воротником. Когда проводница Катрухина предложила ему взять билет, он, отвернув лицо, подал ей деньги. Поведение неизвестного вызвало подозрение у проводницы. Это подозрение усугубилось тем, что еще до полной остановки поезда на станции Несвитевичево (Пролетарск) неизвестный вместе со своим спутником соскочили с поезда. Оба они быстро скрылись в направлении Северного Донца. О своих подозрениях проводница Катрухина сообщила контролеру Квасникову.

Оперативным путем не удалось установить подозрительных лиц, которые могли бы совершить кражу, из числа рабочих, ремонтировавших холодильник и доставлявших в магазин товары.

Возникло предположение, что преступников нужно искать в Пролетарске. Этот вывод обосновывался следующими данными:

1. В результате разлива реки и отсутствия мостов преступники не могли унести с собой всех вещей (проверкой переправ было установлено, что подозрительные лица в этот период не переправлялись).

2. Проверка подозрительных лиц в г. Рубежное не дала положительных результатов.

3. Через два дня после кражи из поселка поездом выехали двое неизвестных с наполненными мешками, соскочившие с поезда у Пролетарска, причем поведение этих лиц было подозрительным.

В связи с этим было поручено работникам милиции произвести проверку подозрительных лиц в Пролетарске.

На допросе проводница Катрухина подробно описала внешность одного из неизвестных и заявила, что может опознать его.

18 марта в Пролетарске за хулиганство задержали Бондаренко и Колесникова. Внешность Бондаренко совпадала с внешностью, описанной Катрухиной.

На Бондаренко был серый коверкотовый пиджак спортивного фасона, а на Колесникове — новый шевиотовый темно-синий костюм, в кармане пиджака обнаружили вискозную рубашку в полоску. У обоих задержанных изъяли новые часы марки «Победа».

В связи с тем что все эти вещи, судя по описанию, походили на похищенные в магазине, они были предъявлены заведующей магазином № 21 Олейниковой, которая заявила, что такие же вещи похитили из магазина.

Катрухина опознала в Бондаренко того пассажира, который 15 марта ехал в пригородном поезде и соскочил, когда поезд подходил к станции Несвитевичево.

Вместе с Катрухиной в поезде находилась проводница Гнилицкая, которая также видела двух неизвестных, севших на подножки вагона.

Колесникова среди других арестованных предъявили Гнилицкой, которая его опознала и заявила, что именно он ехал на подножке вагона и тогда он был в той же фуфайке, в которой сейчас предъявлялся для опознания¹.

Колесников продолжал отрицать, что ехал в поезде, и заявил, что фуфайка не его и кому она принадлежит, он не знает.

Впоследствии фуфайку предъявили матери Колесникова, которая заявила, что эта фуфайка принадлежит ее сыну, и в подтверждение привела несколько индивидуаль-

---

¹ Опознание организовали работники милиции. Следует отметить, что они вообще принимали активное участие в установлении преступников, а также выполняли поручения по проведению отдельных следственных действий (Э. М.).

ных признаков, в частности, указала, что хлястик ею был зашит черными нитками.

19 марта я приступил к допросу Бондаренко и Колесникова. Оба они категорически отрицали причастность к хищению и говорили, что в поезде они не ехали.

По поводу опознания Бондаренко заявил, что работники милиции сначала его одного показали Катрухиной, а уже затем предъявили для опознания в числе других лиц. Изъятые у него пиджак и часы он купил на рынке в Ворошиловграде у неизвестных лиц, на деньги полученные при освобождении из лагеря в августе 1954 года. Их у него якобы было 4300 руб.

Колесников показал, что костюм и часы он купил на рынке в Ворошиловграде на деньги, которые выиграл в карты у не известных ему лиц. Рубашку купил в магазине.

Ни Бондаренко, ни Колесников нигде не работали.

Допросив Катрухину, я установил, что Бондаренко перед опознанием ей не показывали. Произведенная между нею и Бондаренко очная ставка ничего не дала. Он отрицал проезд в поезде, хотя Катрухина утверждала, что обознаться она не могла.

При сопоставлении изъятой у Колесникова рубашки с воротничками, найденными на месте происшествия, было видно, что они сходны по качеству материала и расцветке. Я еще раз допросил Колесникова. Во время допроса мною внезапно был задан ему вопрос: «Где запасной воротничок от рубашки?».

Колесников на миг смутился, не зная, что ответить, но затем сказал, что в магазине ему не дали запасного воротничка. Тогда я предъявил ему рубашку, запасной воротничок и зачитал часть протокола осмотра места происшествия, в котором говорилось об обнаруженных воротничках. Однако Колесников повторил свои показания о том, что в магазине ему не дали запасного воротничка, а затем вообще отказался давать показания и подписать протокол.

Имевшиеся в моем распоряжении данные подтверждали, что кража совершена Бондаренко и Колесниковым, но доказать их вину опознанием изъятых у них вещей было невозможно, ибо вещи не имели индивидуальных примет и их опознали по родовым признакам. На сделанный мною телеграфный запрос в лагерь, где содержался Бондаренко, администрация сообщила, что при

освобождении Бондаренко получил только 25 р. 95 к., гимнастерку, шаровары, ботинки, полупальто и пару белья.

Учитывая, что в магазине похитили много шелковых тканей, я решил, что преступники должны иметь связь с лицами, которые реализуют эти товары. Работникам милиции было поручено установить лиц, которые могли иметь связь с преступниками, в частности, из числа портних, и произвести у них обыски на предмет обнаружения похищенных товаров.

В связи с полученными милицией оперативными данными, 22 марта у портнихи Бутковской был сделан обыск. При обыске обнаружили серые коверкотовые брюки от костюма (пиджак от которых был изъят у Бондаренко при его задержании), вискозную рубашку в полоску, несколько кусков различных материалов.

Бутковская показала, что брюки и рубашку к ней принесла ее соседка Раиса Пистуненко 19 марта, сказав, что они принадлежат ее сожителю Бондаренко, и просила спрятать их. Кроме того, Бутковская показала, что с декабря 1954 года по март 1955 года сшила Раисе и ее сестре Лидии (сожительнице Колесникова) семь платьев из дорогих шелковых тканей. За работу они давали ей остатки материала по 1,5—1,7 м.

Было также установлено, что в счет долга 200 руб. соседке Спасской Лидия Пистуненко дала отрез крепжоржета в 3 м стоимостью 318 руб. Спасская подтвердила эти показания. Отрез был изъят, и в тот же день была арестована Раиса Пистуненко, а 27 марта — Лидия.

Они показали, что платья шили за свои деньги, а о кражах им ничего не известно.

Я взял справки о зарплате каждой из них. За время непродолжительной трудовой деятельности Раиса заработала 1050 и Лидия — 1200 руб., а одни только материалы на платья каждой стоили не менее 1200—1300 руб. На допросе я показал каждой из них несостоятельность их объяснений. Однако они утверждали, что материал покупали на свой заработок. В их показаниях было много противоречий о цене материалов и месте, где они их приобрели, хотя каждая из них в подтверждение своих слов ссылалась на другую. Проводить очные ставки я считал преждевременным. Раиса отрицала, что принесла к Бутковской брюки и рубашку Бондаренко. Очная ставка между ними ничего не изменила, как и очная ставка между

Спасской и Лидией по поводу отреза креп-жоржета, от-данного в счет долга.

В связи с тем что работники магазина часть вещей, изъятых у арестованных, не признали за вещи, похищенные из их магазина, у меня возникло предположение о том, не похищены ли они в каком-либо другом месте.

Поэтому мною для обозрения были истребованы дела о краже промтоваров из магазина № 17 орс треста «Лисичанскуголь», расположенного в г. Кременная, где в ночь с 15 на 16 декабря 1954 г. было похищено товаров на 79 397 р. 79 к., и из магазина № 26 того же орс, расположенного в Лисичанске, где похитили товаров на 51 701 руб.

2 апреля мне стало известно, что Лисичанской прокуратурой в Пролетарске у работников столовой № 18 того же орс изъяты при обысках девять отрезков, а также платья из шелковых тканей. Эти ткани продавали супруги Павлюченко — Валентина и Николай.

Заведующий магазином № 21 и заведующий магазином № 17 опознали ряд товаров, а часть товаров опознал заведующий магазином № 26. В связи с этим я объединил в одно производство дела о краже из магазинов № 17 и № 26 с делом о краже из магазина № 21.

Здесь мне хочется рассказать подробно о тактике допроса супругов Павлюченко, которая позволила получить важные доказательства, обеспечивавшие полное раскрытие ряда крупных хищений.

Николай Павлюченко был задержан. Его жена Валентина Павлюченко на допросах, произведенных следователем Лисичанской прокуратуры т. Лившицом, сначала отрицала продажу тканей, но после очных ставок с покупателями признала, что продала четыре отреза и что два отреза продал ее муж. Продажу еще трех отрезков она отрицала. На вопрос, где она взяла эти отрезки, Валентина заявила, что все шесть отрезков приобрела в магазинах в разное время и в связи с болезнью решила продать их.

Было ясно, что Павлюченко говорит неправду. Во-первых, она не имела материальной возможности приобрести такое количество отрезков; во-вторых, отрезки продавались значительно дешевле их стоимости и, наконец, в-третьих, было несколько отрезков, одинаковых по расцветке и качеству.

Николай Павлюченко категорически отрицал продажу отрезов. Очная ставка между супругами могла привести к тому, что Николай Павлюченко подтвердил бы показания жены и нового ничего не сказал бы, а он мог сказать много важного (так, по крайней мере, мне представлялось).

Было решено изобличить Николая в том, что он действительно, как показала жена, продал два отреза. Мы надеялись, что он, будучи изобличен в этом, признается и расскажет о своей преступной деятельности. С этой целью мы решили дать очную ставку супругам только по поводу продажи Николаем двух отрезов, не касаясь при этом вопроса об источнике приобретения этих отрезов. На вопрос, какие материалы и кому продал ее муж, Валентина ответила, что Николай продал два отреза за 500 руб. Прокофьевой. Наши надежды оправдались. Николай Павлюченко рассказал, что в течение декабря 1954 года — февраля 1955 года племянник его жены — Шестаков принес для продажи три партии отрезов: в конце декабря — восемнадцать отрезов, в середине января — двадцать отрезов и в феврале — девять отрезов, которые жена продала на рынке. Далее он показал, что 15 марта ночью двое неизвестных принесли к ним на квартиру и передали жене для продажи мешок вещей, в котором было одиннадцать отрезов шелковых тканей. Он признал, что продал из этих материалов три отреза Прокофьевой и еще два отреза — Кущевой.

Допрошенная впоследствии В. Павлюченко полностью подтвердила его показания и рассказала, что 15 марта вещи ей принесли Бондаренко и Колесников, сказав, что они похищены в г. Рубежное в поселке Южная группа. Павлюченко также назвала ряд лиц, которым она продавала материалы, а также указала, что сестры Пистуненко в декабре 1954 года за два раза передали ей для продажи восемь отрезов шелковых тканей.

Большая работа была проделана по проверке показаний Валентины Павлюченко.

В течение нескольких дней мы с работником милиции г. Демченко и В. Павлюченко ездили по Лисичанску и Пролетарску по указанным ею адресам и изымали отрезы, сшитые из них платья и куски раскроенного материала.

Таким образом, были изъяты сорок отрезов шелковых тканей, платья и крой платьев, из которых большая часть

была опознана работниками магазинов № 17, № 21 и № 26. Оставался ряд неопознанных материалов, о чем я сообщил в прокуратуру области и просил направить мне другие нераскрытые дела о кражах из магазинов области.

В деле о краже из магазина № 17 г. Кременная имелся фотографический снимок следа пальцев руки, оставленного на стекле, изъятом с места происшествия, пригодный для установления личности.

Работники Кременской милиции, зная, что преступление уже раскрыто, направили мне его. Согласно акту криминалистической экспертизы, обнаруженный на стекле след пальца руки оставлен указательным пальцем правой руки Бондаренко.

Необходимо отметить как серьезное упущение работников милиции и следователя прокуратуры Кременского района, в производстве которого находилось раньше это дело, что никто из них не обратился с соответствующим запросом в отдел уголовной регистрации управления милиции, больше того, не произвели дактилоскопическую экспертизу в декабре 1954 года, когда Кременская милиция задержала Бондаренко, Колесникова и Шестакова, подозревавшихся в краже из магазина № 17. Если бы это сделали вовремя, преступление давно было бы раскрыто и преступники не смогли бы совершить еще несколько крупных краж.

Собрав все доказательства, я приступил к подготовке допроса Бондаренко. Я решил начать именно с него, поскольку он являлся главарем шайки.

Допрашивая Бондаренко, я предъявлял ему доказательства по степени их вескости и убедительности. Записывая его показания, я затем предъявлял доказательства, опровергающие их. Так, после того как он показал, что купил пиджак и часы на рынке Ворошиловграда, я предъявил ему брюки от этого пиджака и рубашку, а затем огласил показания Бутковской. После того как он показал, что эти вещи купил на деньги, полученные при освобождении из лагеря, я предъявил ему телеграмму, из которой было видно, что он получил при освобождении только 25 р. 95 к., а не 4300 руб.

Такая тактика допроса подействовала на Бондаренко. Этот опытный преступник, умеющий быстро ориентироваться в обстановке, понял, что вокруг него замкнулась

«цепь доказательств». Он заколебался. В это время с ним нужно было просто поговорить, расположить его к себе и в нужный момент предъявить, наиболее веское доказательство — акт дактилоскопической экспертизы. К сожалению, мне помешали успешно закончить допрос.

Дело в том, что прокурор Кременского района направил мне еще одно дело — о краже товаров на 42 тыс. руб. из магазина Кабанского сельпо. Объективных данных о совершении этой кражи группой Бондаренко не было.

В то время как Бондаренко начал рассказывать мне о кражах из магазина № 21 и из магазинов № 26 и № 17, в кабинет, где производился допрос, зашел работник прокуратуры Кременского района. Не спросив у меня разрешения, он, как говорят «сходу», задал Бондаренко вопрос относительно кражи из магазина Кабанского сельпо. Бондаренко замкнулся и вообще отказался давать показания.

Так, в результате этого вмешательства сорвался тщательно подготовленный допрос.

В это время я получил дело о краже товаров из магазина № 26 Попаснянского смешторга, где было похищено товаров на сумму 32 742 р. 64 к.

Работники магазина № 26 Попаснянского смешторга опознали материалы, не опознанные работниками магазинов № 17 и № 26 орска «Лисичанскуголь» и № 21 смешторга.

При повторных обысках на квартире матери арестованных Лидии и Раисы Пистуненко были найдены еще три платья из материалов, похищенных в магазинах.

Я приступил вторично к допросу Бондаренко, и на этот раз он признался в хищениях из магазинов, которые совершил совместно с Колесниковым и Шестаковым. Пистуненко Лидия и Раиса, а также супруги Павлюченко занимались сбытом похищенного.

После Бондаренко признались и его соучастники.

Заканчивая, хочу рассказать об одном интересном для читателей «Следственной практики» эпизоде.

Из материалов дела было видно, что на квартире у матери арестованных Лидии и Раисы Пистуненко должны храниться платья, сшитые Бутковской из похищенных материалов. Я произвел обыск, но этих платьев не нашел. Через некоторое время я произвел вторичный обыск, но и он положительных результатов не дал. Тогда

я решил через некоторое время сделать еще один обыск, но изменить тактику. Мне показалось странным, что при моем приближении к дому в квартире начиналось какое-то движение и у окна все время стоял кто-то из родственников.

При третьем обыске я поступил так: когда шедший впереди меня работник милиции поднялся на ступеньки дома и открыл дверь в коридор, я остановился возле крыльца и сбоку наблюдал за окнами. Находившаяся в комнате у окна Люба Пистуненко (сестра Лидии и Раисы) меня не видела, а, услышав скрип открываемой двери, решила, что я вместе с работником милиции зашел в коридор. Она открыла форточку и выбросила в окно какой-то сверток. Я сразу же подозвал понятых, осмотрел сверток и при вскрытии его обнаружил два платья, которые искал столько времени. Они были завернуты в грязную тряпку и посыпаны мукой с тем, чтобы не привлекать к себе внимания.

Всего шайкой воров был причинен материальный ущерб государству на сумму 200 тыс. руб.

Выездной сессией областного суда преступники осуждены к суровой мере наказания.

Верховный Суд УССР приговор оставил в силе.

---

*Следователь прокуратуры
Велижанского района
Тюменской области
младший юрист
Н. И. Рубцов*

РАССЛЕДОВАНИЕ КРАЖИ СО ВЗЛОМОМ

Утром 10 марта 1956 г. в прокуратуру поступило сообщение о том, что в ночь с 9 на 10 марта совершена кража из магазинов Рыбкоопа № 1 и № 3. Я с работником милиции немедленно отправился на место происшествия для производства осмотра.

При этом нами было установлено, что магазины № 1 и № 3 находятся в одном здании, в смежных помещениях, разделенных капитальной стеной. Никаких следов около здания магазинов обнаружить не удалось, так как накануне ночью бушевала сильная метель и весь двор замело снегом.

Входная дверь каждого магазина была заперта на два замка. Замки при осмотре оказались без каких-либо повреждений. Дверь подсобного помещения магазина № 1, выходящая во двор, оказалась незапертой. В помещении магазина № 1 было обнаружено, что печной дымоход в потолочном проеме разобран на две трети его поперечника. В результате этого в потолке образовалось отверстие, позволяющее предположить, что через него преступник проник с чердака в магазин, а также наличием на стене около печки множества мазков грязи, размеры которых уменьшались от потолка к полу. Между стеной и печью на полу валялись куски сухой глины. На чистом полу магазина, который, как выяснилось, был вымыт вечером 9 марта, имелось несколько следов ног, форма которых позволяла предположить, что человек, оставивший их, был обут в валенках. Длина следов оказалась равной 25—26 см.

Помня о том, что иногда в таких случаях скрывается искусно выполненная инсценировка взлома, я при осмотре имел в виду такую возможность и в данном случае. Размеры следов ног небольшие, они оставлены, по-видимому, женщиной, — рассуждал я, а все продавцы магазинов № 1 и № 3 — женщины, — значит, версия об инсценировке взлома не исключается.

При дальнейшем осмотре на полу около печи были обнаружены осколки разбитой бутылки с этикеткой «Спирт питьевой». В горлышке бутылки сохранилась пробка с оттиском сургучной печати. За прилавком были найдены три окурка папирос «Беломорканал» с плоско размятыми концами мунштуков и несколько использованных спичек. По словам продавцов, в обстановке магазина существенных изменений не произошло. Было замечено лишь, что на витрине свалены три пачки папирос, а на прилавке в ряду бутылок со спиртом имеется промежуток, вмещающий четыре бутылки. Наружная дверь подсобного помещения магазина оказалась открытой.

В помещении магазина № 3 печной дымоход был полностью разобран и потолочный проем от него свободен.

Около печи находился ящик с папиросами, на ящике — тюк ваты, на вате — табурет, на котором лежали два отреза хлопчатобумажной ткани. На всех этих предметах и на полу около них имелся налет глинистой пыли. На полу за прилавком валялись окурки папиросы «Беломорканал» и спичечная коробочка с использованными спичками, заложенными за донышко коробочки.

На витрине лежали две открытые пустые коробочки из-под часов. В каждой коробочке находился паспорт на часы марки «Победа» и паспорт на золотой корпус для часов. Продавец заявил, что часы из этих коробочек похищены. В кассовом ящике было обнаружено 6500 руб. Это обстоятельство несколько поколебало мое предположение об инсценировке взлома. Осмотрев помещения магазинов, я поднялся на чердак, где обнаружил, что наружная чердачная дверь не заперта. В куче кирпичей и глины были найдены клещи и два окурка папирос «Беломорканал».

Осмотр места происшествия был закончен. Прежде всего нужно было решить, с чего начать поиски преступника или преступников. Не исключалось, что кража

совершена лицом или лицами, не проживающими в поселке. Выявив совместно с работником милиции лиц, прибывших накануне в поселок, мы побеседовали с гражданами, знающими этих лиц, и за подозрительными было установлено наблюдение.

Наряду с этим, изучив способ проникновения преступника в магазин, я пришел к убеждению, что при разборке печных труб он не мог не загрязнить сажей и глиной своей одежды. Обнаружение одежды, испачканной сажей и глиной, было одним из путей поисков преступника. Я придавал большое значение также и другому вопросу, кому принадлежат обнаруженные на месте происшествия клещи.

За двое суток усиленных поисков мы проверили ряд подозрительных лиц. На третий день нашелся свидетель, который сообщил, что предъявленные ему клещи он видел у Визбельса. Визбельс подтвердил, что клещи принадлежат ему, но несколько дней назад его знакомый Губин попросил их во временное пользование.

После допроса Визбельса был произведен обыск в квартире Губина, при котором мы изъяли принадлежащие ему фуфайку, голубую рубашку, рукавицы, шапку и валенки, запачканные глиной и каким-то черным веществом, похожим на сажу. Губин был задержан и допрошен. На вопрос, чем объяснить наличие следов сажи и глины на изъятой одежде, Губин ответил, что шапку, валенки и рукавицы он загрязнил на работе, а рубашку испачкал еще в конце февраля на лесозаготовках при распиливании стволов деревьев, поврежденных пожаром. Он сказал, что за испачканную рубашку его бранила жена и что в таком виде рубашка находилась с момента загрязнения до момента изъятия.

Что касается клещей, то он подтвердил, что взял их для временного пользования, но во время ремонта уборной у него их кто-то украл. Губин заявил, что к краже он не имеет никакого отношения, что 9 марта он в 9 часов вечера лег спать и проспал до утра. Однако состояние одежды, тревожное поведение Губина при обыске и допросе заставляли усомниться в правильности его показаний. Поэтому я немедленно приступил к их тщательной проверке.

Допрашивая Визбельса, который вместе с Губиным работал на лесозаготовках, я поинтересовался, имелась

ли по условиям работы в лесу возможность загрязнения одежды сажей. На мой вопрос Визбельс ответил отрицательно. Кроме того, Визбельс не помнил случая, чтобы Губин, будучи на лесозаготовках, носил голубую рубашку. Он обычно ходил в рубашке синего цвета. Вскоре была допрошена вернувшаяся из командировки жена Губина. Сначала я спросил ее, были ли у них в семье случаи ссор по поводу испачканных рубашек мужа. На это был дан отрицательный ответ. Жена Губина категорически утверждала, что перед ее поездкой в командировку голубая рубашка была чистой. Она это хорошо запомнила, так как сама хотела надеть ее под свитер, но раздумала, и рубашку надел муж.

На очной ставке с Губиным его жена, видя, что она изобличает мужа, пыталась несколько сгладить противоречия. Я решил прервать очную ставку. После этого Губина еще раз была допрошена. Она подтвердила свои показания, данные на первом допросе, и на возобновленной затем очной ставке с мужем их уже не меняла.

Допросив ученицу 7-го класса Веру Андрееву, я установил, что после отъезда жены в командировку Губин попросил Веру посидеть с его ребенком. Вера рассказала, что вечером 9 марта Губин куда-то ушел, сказав, что дома ночевать не будет и возвратился лишь в четвертом часу утра 10 марта. Уходя из дома вечером 9 марта, Губин был в фуфайке, шапке и валенках. Утверждение Губина, что 9 марта он лег спать в 9 часов вечера, опровергалось также показаниями учительницы Филипповой, заходившей в тот вечер в его квартиру.

При допросе Визбельса мною было установлено, что утром 10 марта Губин пришел к нему домой и принес с собой бутылку спирта, который они тут же выпили. Эту бутылку из-под спирта я изъясил у Визбельса. При осмотре на этикетке бутылки были обнаружены загрязнения, похожие на сажу. Это обстоятельство явилось еще одним косвенным доказательством по делу.

Характерна история с клещами, взятыми Губиным у Визбельса. Как выяснилось, в январе Губин попросил у Визбельса рубанок, пилу и клещи. Через некоторое время он возвратил рубанок. 12 марта, то есть уже после того как была совершена кража, Визбельс попросил Губина

вернуть оставшиеся у него инструменты. Но Губин возвратил лишь пилу, сказав в некотором замешательстве: «А клещи возьмешь как-нибудь потом».

Обращали на себя внимание сбивчивые показания Губина в отношении имевшейся у него суммы денег, которые противоречили показаниям Визбельса.

Губин показал, что 9 марта у него было 80 руб. Из них он истратил лишь сумму, равную стоимости четвертинки спирта.

Визбельс же рассказал, что, когда они выпили спирт, Губин сказал ему, что у него осталось всего 16 руб., но на следующий день — 10 марта Губин дал ему 26 руб.

Губин вначале подтвердил, что 9 марта у него остались 16 руб. Однако, видя, что его показания внутренние не увязаны, он заявил, что 16 руб. у него остались не 9, а 10 марта, после того как 10 руб. из 26 он дал Визбельсу.

Все это давало основание усомниться в правдивости показаний Губина.

По мере накопления косвенных доказательств, уличающих Губина, упорство его в отрицании своей вины постепенно ослабевало и в конце-концов было сломлено. Этому в немалой мере способствовали предъявленные Губину вещественные доказательства: загрязненная одежда, клещи, бутылка из-под спирта, изъятая у Визбельса, и, наконец, окурки и обгоревшие спички. Следует отметить, что Губин, куря на допросе, оставлял окурки с плоскоразмятыми концами мундштуков, а использованные спички закладывал за донышко коробки. Я обратил внимание Губина на совпадение признаков манеры курения, которые отразились на окурках и спичках, брошенных на месте преступления.

Под давлением собранных доказательств Губин признался в совершении кражи и указал на местонахождение похищенных им часов, которые были спрятаны в кусок хозяйственного мыла, лежавший на полке умывальника.

По поводу способа совершения кражи Губин показал следующее. По приставной лестнице он поднялся к чердачной двери здания магазинов и, воспользовавшись тем, что она не была заперта, проник на чердак. Затем он разобрал часть дымохода печи магазина № 1 и через отверстие, образовавшееся в потолке, пролез в магазин.

Забрав две бутылки спирта (одна при этом была им разбита), одну пачку папирос и не обнаружив денег, он попытался вылезть через то же отверстие, но не смог. Через дверь подсобного помещения магазина, оказавшуюся запертой лишь изнутри при помощи палки, Губин вышел во двор, вновь поднялся по лестнице на чердак, разобрал другой дымоход и проник в магазин № 3. Похитив там две пары золотых часов, он выбрался тем же путем.

Расследование по делу проведено в течение 13 дней.

Помощник транспортного прокурора

Печорской ж. д.

юрист 1-го класса

В. И. Васильев

КРАЖА ИЗ МАГАЗИНА

Утром 10 ноября 1955 г. следователю транспортной прокуратуры Мурашинского участка юристу 2-го класса Д. П. Шубину сообщили о том, что примерно в 20 часов 9 ноября 1955 г. была совершена кража из магазина орс-3 № 18, расположенного на разъезде Новый. Неизвестные преступники похитили материальные ценности примерно на 2959 руб. Прибыв совместно с оперативными работниками линейного отделения милиции на место происшествия, т. Шубин приступил к осмотру.

Магазин размещался в деревянном помещении, находившемся в 45 м от жилых зданий поселка Скрыбинского лесопункта, в 250 м от пассажирского здания разъезда Новый и в 350 м от стрелочного поста (см. рис. 1). Попасть в магазин можно было пройдя дощатый тамбур, наружная дверь которого оказалась открытой.

Навесной замок с закрытой скобой и выдернутым пробоем висел в дверной накладке двери тамбура. Замок наружных повреждений не имел. Несколько ниже отверстия от пробоя в двери был виден вдавленный след с характерными вмятинами, рисунок которых напоминал резьбу болта. Такой же след был обнаружен на двери тамбура, непосредственно ведущей в помещение магазина. В тамбуре на полу валялись два навесных замка.

У одного из них скоба была выдернута и изогнута. У второго — контрольного замка скоба была также открыта, но ни корпус замка, ни бумажка контроля видимых повреждений не имели.

При дальнейшем осмотре на прилавке, который перегородивал торговое помещение магазина, был обнаружен металлический крюк для изоляторов высоковольтной электрической сети. Крюк имел в длину 65 см, сече-

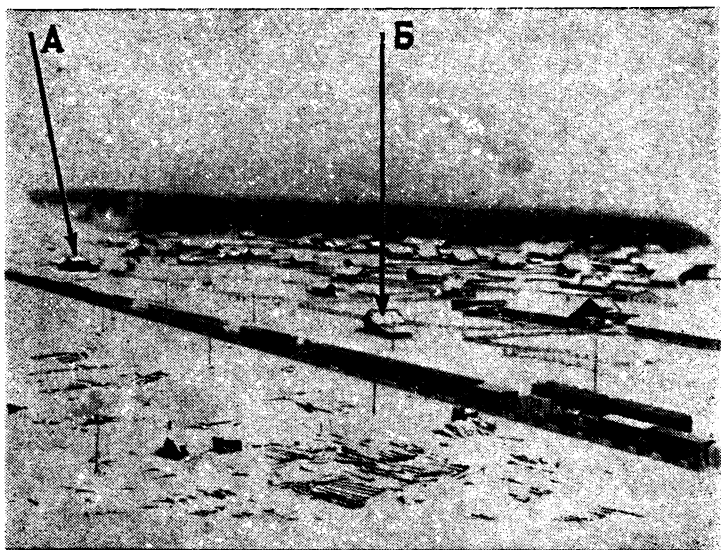

Рис. 1. Обзорный фотоснимок места происшествия. Стрелками указаны: а) здание разъезда Новый; б) магазин № 18

ние 22 мм, на одном конце крюка имелась винтовая нарезка.

Деревянный денежный ящик прилавка оказался выдвинутым, и в нем лежали 4 руб. купюрами по 1 руб.

Металлический денежный ящик стоял на полу за прилавком. Ящик был заперт и не имел видимых повреждений.

Присутствовавшая при осмотре заведующая магазином Мартьянова заявила, что среди оставшихся товаров она не находит трех дамских пальто, два из них темносиние и одно черное. Размеры — 48, 50 и 52. Отсутствовали также одно детское пальто темно-коричневого цвета и одна фуфайка. Что же касается обнаруженного на при-

лавке металлического крюка, то его, по словам Мартьяновой, раньше в магазине не было.

При осмотре окрестностей магазина, на снегу, в 2 м от здания, было обнаружено несколько следов обуви. У следов была отличительная особенность: в каблуках следа обуви имелись в середине углубления.

Первой обнаружила ограбление магазина дежурная по разъезду Гмызина. После сдачи дежурства, показала Гмызина, она, проходя мимо магазина, увидела, что дверь его открыта настежь и в магазине темно. Окликнув заведующую магазином Мартьянову и не получив ответа, Гмызина сразу же вышла на улицу. Недалеко от магазина Гмызина увидела идущего с дежурства стрелочника В. Кузнецова, которому рассказала о виденном. Больше никого около магазина она не встречала. Не заметила она и сторожа, который должен был находиться у магазина.

Стрелочник В. Кузнецов показал, что после сдачи дежурства, еще до встречи с Гмызиной, он примерно в 200 м от помещения дежурного по станции встретил двух неизвестных мужчин, один из которых, высокого роста, нес на плечах чем-то наполненный мешок.

Сменившая В. Кузнецова стрелочница Головкина показала, что она видела двух неизвестных мужчин, которые шли в сторону станции Альмеж, один из них нес на плечах мешок.

Головкина слышала, как тот, который нес мешок, обругал своего спутника, сказав при этом: «Напился пьяным, могли бы уехать...».

Допрошенный путеобходчик И. Кузнецов показал, что 10 ноября, примерно минут через 30 после полуночи, при обходе пути на перегоне Новый — Альмеж он встретил двух мужчин, шедших со стороны разъезда Новый в сторону станции Альмеж. Один из них нес большой мешок. При встрече человек, который был без мешка, спросил, далеко ли полустанок и как он называется. Отвечая, И. Кузнецов осветил неизвестного фонарем и хорошо разглядел его.

Сторож магазина Соболевская сообщила, что обычно она дежурить начинала с 20 часов, а 9 ноября по просьбе заведующей магазином Мартьяновой приняла дежурство на 2 часа раньше, то есть с 18 часов, и, продежурив примерно час, ушла домой, чтобы теплее одеться. Дома она

пробыла около часу, а когда вернулась к магазину, увидела толпу и узнала, что за время ее отсутствия кто-то обокрал магазин.

Заведующая магазином Мартьянова подтвердила показания Соболевской в той части, что Соболевская действительно приняла дежурство на 2 часа раньше обычного по ее просьбе, так как она, Мартьянова, собиралась идти в гости.

Кроме того, Мартьянова на вопрос, кто, по ее мнению, мог совершить кражу, показала, что 3 дня подряд — 7, 8 и 9 ноября в магазин приходили двое рабочих Скрябинского мехлесопункта и покупали то водку, то папиросы. 9 ноября перед самым закрытием магазина один из них пришел в магазин, чтобы купить хлеба, но так как хлеба в магазине в связи с окончанием торговли не было, Мартьянова ему отказала. Уходя из магазина, этот мужчина пригрозил ей: «Не дала хлеба... — этот хлеб тебе запомнится». Мартьянова также описала внешность этих людей.

На основании данных, полученных как в результате осмотра, так и допроса свидетелей, можно было предположить, что хищение совершили двое неизвестных, которые проникли в помещение магазина, взломав замки с помощью металлического крюка для изоляторов высоковольтной электросети. Совершив хищение, неизвестные ушли в сторону станции Альмеж.

Тов. Шубин поручил оперативным работникам милиции задержать предполагаемых преступников, а сам остался на разъезде Новый для более тщательного осмотра места происшествия.

Он сделал слепки со вдавленных следов, имевшихся на дверях магазина от выдергивания пробоя. Им были также сделаны три гипсовых слепка с наиболее четких следов обуви на снегу около магазина.

Продолжая осмотр окружающей местности, следователь обнаружил в 1,5 м от железнодорожного пути следы с тем же характерным признаком — углубление в середине каблука. И с этого следа был изготовлен гипсовый слепок. Вправо от железнодорожного пути, на снегу, была обнаружена дорожка неясных следов обуви двух человек. Идя по этим следам, т. Шубин на расстоянии 75 м от железной дороги обнаружил в снегу три картонные этикетки от одежды фабричного изготовления. Место обнаружения

этикеток было отмечено на плане и сфотографировано, а сами этикетки приобщены к делу в качестве вещественных доказательств. С наиболее четких следов на снегу около этикеток т. Шубин также изготовил гипсовые слепки.

От места, где были обнаружены этикетки, дорожка следов двух человек опять привела к линии железной дороги — в пункт, расположенный в 200 м от входного семафора разъезда Новый, и далее по линии железной дороги в сторону станции Альмеж. Путь следования предполагаемых преступников т. Шубин отметил на плане. Кроме того, он сделал ряд фотоснимков, чтобы показать взаиморасположение магазина и окружающих строений.

В 14 час. 20 мин. 11 ноября оперативные работники линейного отделения милиции, участвовавшие в расследовании описанного преступления, задержали на станции Альмеж рабочих Скрыбинского мехлесопункта Кочетыгова и Грешнова.

В этот же день одновременно с задержанием Кочетыгова и Грешнова начальник станции Альмеж Мачулин у багажного отделения станции нашел мешок, в котором оказались три дамских и одно детское пальто, причем ни на одном этикеток не имелось.

Осмотрев эти пальто и ознакомившись с текстом этикеток, обнаруженных следователем во время осмотра места происшествия, товаровед орс заявил, что указанные на этикетках данные соответствуют фасону, размеру и росту тех пальто, которые были найдены Мачулиным.

Задержанные на станции Альмеж Кочетыгов и Грешнов были предъявлены для опознания свидетелям.

Заведующая магазином Мартянова опознала их и указала, что это те самые люди, которые 7, 8 и 9 ноября заходили в магазин то за водкой, то за папиросами, а в Кочетыгове она признала того из них, который ей грозил.

Опознала их и Головкина, видевшая Кочетыгова и Грешнова, когда они проходили мимо стрелочного поста. Свидетель Головкина при опознании уточнила, что слова: «Напился пьяным, могли бы уехать...», были сказаны Кочетыговым Грешнову. Опознали Кочетыгова также путеобходчик И. Кузнецов и стрелочник В. Кузнецов.

Допрошенные Кочетыгов и Грешнов не отрицали того, что они заходили 9 ноября 1955 г. в магазин на разъезде

Новый. Однако они полностью отрицали какую-либо причастность к хищению и пытались доказать свое алиби.

В процессе следствия все объяснения, данные Кочетыговым и Грешновым, были опровергнуты. Кочетыгов на первом допросе после его задержания показал, что 9 ноября он купил пол-литра водки, выпил и лег спать. Проснувшись вечером, купил еще пол-литра водки, которую распил вдвоем с неизвестным мужчиной по имени Николай. Затем, решив уехать с места работы, вышел из общежития и направился по линии железной дороги на станцию Восток, дошел до какой-то станции и на вокзале стал ожидать пассажирский поезд до станции Котлас. Здесь же на вокзале встретил Грешнова, с которым ранее был знаком. Неожиданно к ним подошел милиционер и пригласил обоих в помещение дежурного по станции. Сюда же, в помещение дежурного по станции, кто-то принес мешок с вещами. Что это за мешок, он, Кочетыгов, не знает. Причины задержания он также понять не может.

Аналогичные показания дал и Грешнов, добавив, что он за период времени с 22 часов до часу ночи не мог идти пешком по перегону Новый — Альмеж, так как в это время ехал в пассажирском поезде, следовавшем в сторону Кирова.

Показания Грешнова были проверены. В результате выяснилось, что названный Грешновым поезд Котлас — Киров проследовал перегон в период с 21 час. 28 мин. до 21 час. 43 мин., то есть до 22 часов. Кроме того, показания Кочетыгова и Грешнова опровергались показаниями свидетеля Ботина, проживавшего вместе с Кочетыговым в общежитии. Ботин показал, что Кочетыгов и Грешнов вечером 9 ноября пригласили его пойти вместе с ними, но куда, не сказали. Так как он, Ботин, уже ложился спать, то идти с ними отказался, и Кочетыгов с Грешновым ушли вдвоем.

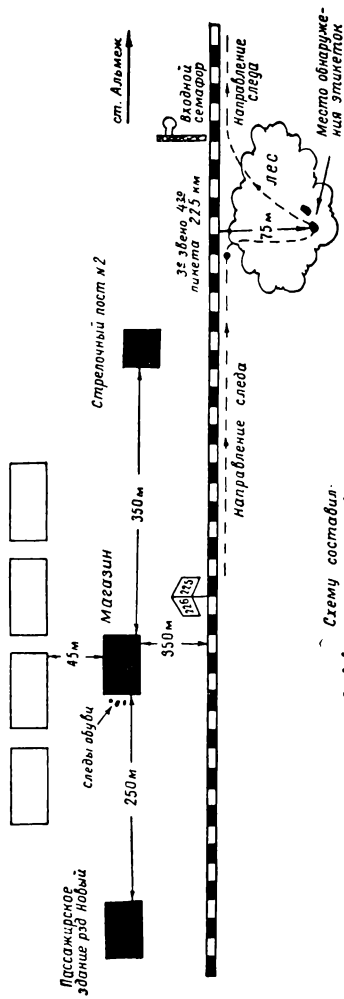
Для проверки показаний Кочетыгова и Грешнова мешок, в котором находились пальто, похищенные из магазина, был предъявлен заведующей магазином и лицам, проживающим в общежитии.

По ряду характерных особенностей один из проживавших совместно с Грешновым заявил, что этот мешок

а) С Х Е М А

к протоколу осмотра места происшествия от 10. XI 1955 г.

Поселок Скрыбинского лесопункта

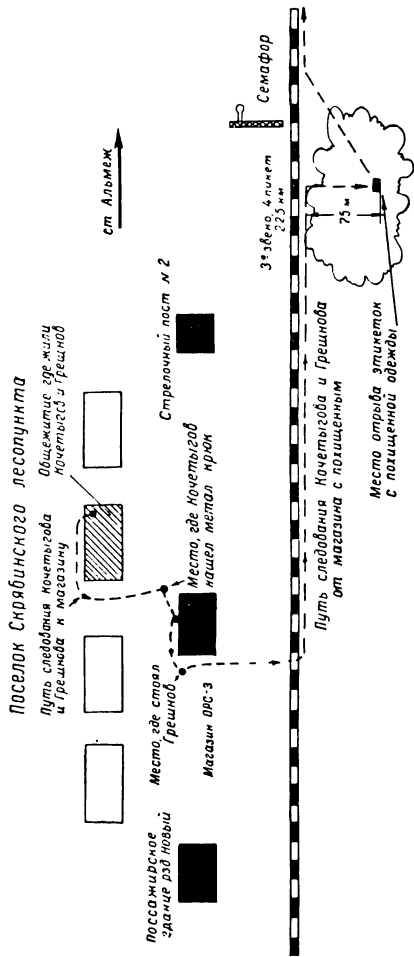

Схему составил:
 Следователь транспортной прокуратуры
 Мурашинского уч-на Лечорской ж.д. *Думков*

Поняты: {
 Мельник (Толстухин)
 Белов (Белов)
 Думков (Домаров)}

б) С Х Е М А

К протоколу от 15 ноября 1955 г. выхода на место со-
вершения кражи с обобщаемым Кочетыговым

15 ноября 1955 г
рзд Новь

Следователь: Душман (Шубин)

Поняты: { Душман (Белов)
Душман (Домаров)

Указывал на местность и пояснения давал Кочетыгов (Кочетыгов)

принадлежит Грешнову, который хранил в этом мешке свои личные вещи.

Наличие перечисленных доказательств привело к тому, что Кочетыгов, упорно отрицавший свое участие в хищении из магазина, изменил показания и собственноручно описал в протоколе допроса, как была совершена кража.

После совместной изрядной выпивки 9 ноября он и Грешнов договорились совершить кражу из магазина. Грешнов принес свой мешок, чтобы сложить туда похищенное. Выйдя после 18 часов из общежития, они пошли к магазину. По дороге Кочетыгов поднял с земли валявшийся около изгороди металлический крюк длиной около 60 см. Когда они подошли к магазину, никого поблизости не было. С помощью крюка Кочетыгов сорвал замки с дверей, и они оба вошли в помещение магазина. Грешнов влез на прилавок, снял висевшие пальто и положил их в мешок, который держал Кочетыгов. После этого Грешнов взял из ящика кассы сколько-то денег, и они вышли из магазина. Мешок с похищенным нес Кочетыгов. Сначала они шли по линии железной дороги. Затем, отойдя 300 метров в сторону, бросили мешок с вещами в кусты, а сами вернулись в общежитие. В общежитии Кочетыгов попросил у Ботина кирзовые сапоги и, пока переобувался, зашел Грешнов, с которым Кочетыгов вернулся на то место, где они бросили мешок с похищенными вещами.

Осмотрев пальто, они сорвали с них бирки и бросили на снег. Затем, взяв мешок с вещами, вышли на железнодорожную линию и пошли на станцию Альмеж. На перегоне Новый — Альмеж они встретили путеобходчика, у которого спросили, далеко ли до станции. Придя на станцию Альмеж, на перроне, около багажного отделения, оставили мешок с похищенными вещами. Здесь же, на перроне, его и Грешнова задержали работники милиции.

Двумя днями позже в совершении преступления соznался и Грешнов, который полностью подтвердил показания Кочетыгова, но заявил, что инициатором хищения был Кочетыгов.

Показания Кочетыгова и Грешнова надо было дополнительно проверить. Для этого т. Шубин выехал вместе

с Кочетыговым на место происшествия, где Кочетыгов в присутствии понятых повторил свои показания и указал путь следования.

Все показания Кочетыгова были зафиксированы протоколом, с приложением плана и фотоснимков.

Путь следования к магазину и обратно, а также места остановок, указанные Кочетыговым, полностью сов-

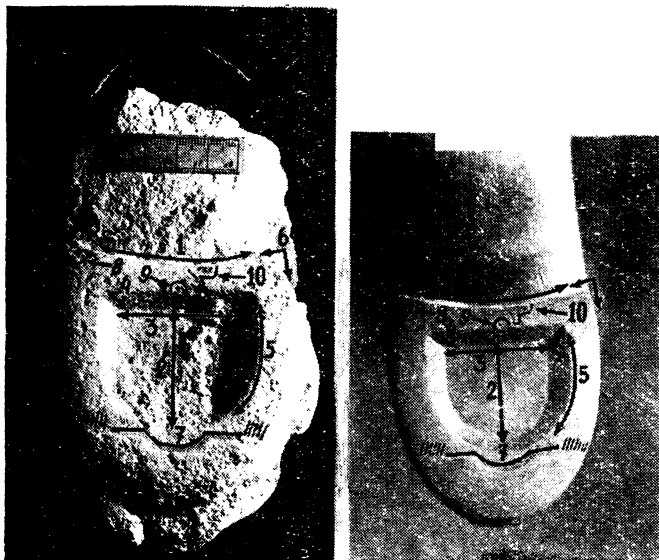

Рис. 2. Слепок следа обуви (слева) и подошва ботинка, изъятая у обвиняемого

падали с данными, полученными в результате осмотра места происшествия (см. схемы «а» и «б»). Однако следователь не ограничился этими доказательствами. Необходимо было получить результаты криминалистического исследования гипсовых слепков со следов обуви на снегу и пластилиновых слепков со вдавненных следов на дверях магазина.

На экспертизу были посланы гипсовые слепки со следов обуви, обувь, принадлежащая Кочетыгову и Грешнову, и та обувь, которая была на них в день кражи из магазина. Были посланы также слепки со вдавненных

следов на дверях магазина и металлический крюк, обнаруженный при осмотре места происшествия.

В результате сравнительного исследования эксперты дали категорическое заключение о том, что из шести гипсовых слепков, представленных на исследование, один сделан со следа, оставленного каблуком правого полуботинка, изъятого у Грешнова (см. рис. 2). Другие пять слепков со вдавленных следов обуви, возможно, оставлены каблуками правого и левого полуботинок, изъятых у Грешнова.

В результате исследования слепков со вдавленных следов на двери и металлического крюка эксперт пришел к выводу, что вдавленные следы на дверях магазина были образованы концом крюка, обнаруженного на прилавке магазина.

Таким образом, собранные следователем доказательства полностью изобличали Кочетыгова и Грешнова, и в дальнейшем их попытка изменить показания в судебном заседании оказалась безрезультатной.

Кочетыгов и Грешнов были приговорены к лишению свободы на длительные сроки.

---

*Прокурор Сортавальского района
Карельской АССР
юрист 1-го класса*

М. И. Павлов

ИЗОБЛИЧЕНИЕ ВОРОВ ПО ОСТАВЛЕННЫМ СЛЕДАМ

Утром 1 июня 1955 г. в прокуратуру Сортавальского района Карельской АССР поступило сообщение о краже товаро-материальных ценностей из магазина № 1 Керисюрского сельпо, расположенного в поселке Суистамо.

Получив это сообщение, я и оперативные работники милиции немедленно выехали на место происшествия¹.

До нашего приезда место происшествия охранялось участковым уполномоченным милиции.

Выяснив обстановку, при которой была обнаружена кража, мы приступили к осмотру места происшествия.

Магазин, где была совершена кража, представлял собой здание каркасно-засыпного типа и находился в центре поселка на расстоянии 42 м от шоссеной дороги. Фасад магазина обращен в сторону дороги. Против фасада (через дорогу) стоял дом сторожа магазина.

Здание, длиной около 21 м и шириной 3,75 м, опиралось на цементные столбы. Расстояние между землей и черным полом составляло 76 см. Промежутки между цементными столбами фундамента со стороны фасада были зашиты досками, с противоположной стороны здания промежутки между столбами фундамента зашиты не были, в силу чего имелся свободный доступ под здание

---

¹ В этот период автор статьи работал следователем прокуратуры Сортавальского района.

магазина. К этой стороне магазина почти вплотную примыкал кустарник, позволяющий незаметно подойти к магазину.

Пол магазина был двойной, а пространство между досками засыпано опилками. В 154 см от стенки здания, в полу, находилось отверстие (лаз) размером 50×45 см. При осмотре краев отверстия и досок, валявшихся около него, можно было прийти к выводу, что отверстие (лаз) проделано с помощью бурава. Земля под отверстием засыпана опилками.

В 150 см от отверстия, на земле под магазином, был обнаружен вдавленный след руки. Здесь же имелся след подошвы обуви. С этих следов были сделаны гипсовые слепки.

При осмотре местности около магазина, в 15 м от здания, был обнаружен вдавленный след каблука обуви с четкими очертаниями подковки и прорезей винтов, крепящих подковку к каблуку. С этого следа также был сделан гипсовый слепок. Дальнейшим осмотром места происшествия каких-либо следов, представлявших интерес для следствия, выявить не удалось.

По заявлению заведующей магазином Вечериной, из магазина было похищено около 900 руб. наличных денег, трое карманных часов марки «Молния», одни настольные часы, дамский костюм, мужские полуботинки, флакон одеколона «Красная Москва», три бутылки коньяку, одна бутылка «Московской водки», несколько бутылок «Померанцевой» и другие товары.

При допросе жителей поселка Суистамо было обращено внимание на то, что некоторые из жителей 31 мая после 11 часов вечера видели проходившими по поселку Кубеца, Михайлова и Чернышева, которые проживали в 6 км от поселка. Позже, в 12 часов ночи, Чернышев, насвистывая, проходил два раза по дороге мимо магазина. Еще позже, в 2 часа ночи, Чернышева заметил недалеко от поселка Суистамо шофер автомобиля, ехавшего в этот поселок.

При осмотре обуви Кубеца, Михайлова и Чернышева было установлено, что особенности каблука и подошвы сапога Михайлова имели сходство с особенностями в следах, оставленных на месте происшествия.

При допросе Михайлов показал, что 31 мая он совместно с Кубецом и Чернышевым вечером ходили в поселок Суистамо, но пробыли там недолго, а затем все трое на попутном автомобиле уехали на железнодорожную станцию Ляпясюрья, откуда пешком в четвертом часу утра вернулись домой.

То же самое на допросах подтвердил Кубец и Чернышев. При обыске на квартирах у всех троих не удалось обнаружить никаких вещей, похищенных из магазина.

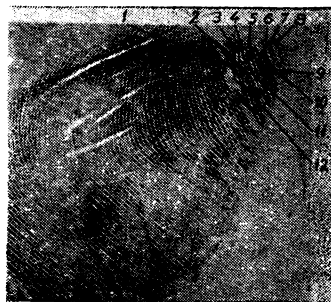

Рис. 1. Слева фотоснимок части гипсового слепка следа ладони, полученного со следа, обнаруженного на земле под магазином № 1 Керисюрского сельпо. Справа — фотоснимок отпечатка части следа ладони левой руки Михайлова. Стрелками и цифрами показаны совпадающие признаки строения папиллярных линий

Поскольку на месте происшествия был сделан гипсовый слепок следа руки и на слепке были видны папиллярные узоры, я сделал дактилоскопические отпечатки рук Кубца, Михайлова и Чернышева.

Гипсовые слепки следов обуви, руки и дактилокарты я направил на криминалистическую экспертизу.

Из заключения экспертизы следовало:

1. След на земле от ладони, обнаруженный под полом магазина № 1 в поселке Суистамо, оставлен ладонью левой руки Михайлова (рис. 1).

2. След подошвенной части обуви, обнаруженный там же, оставлен подошвой правого сапога, изъятого у Михайлова (рис. 2).

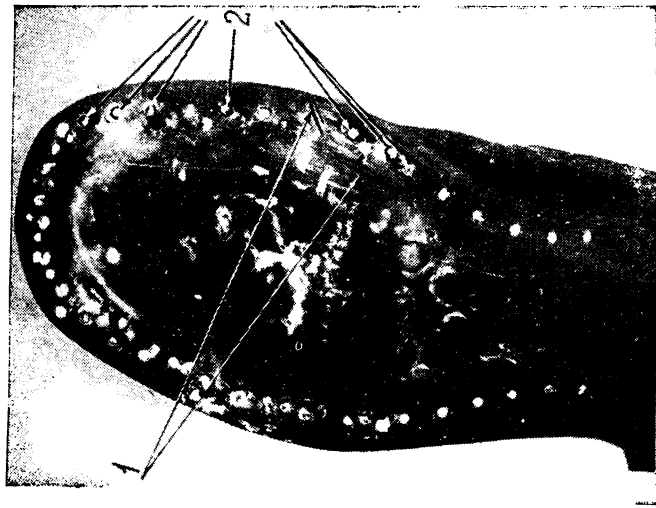
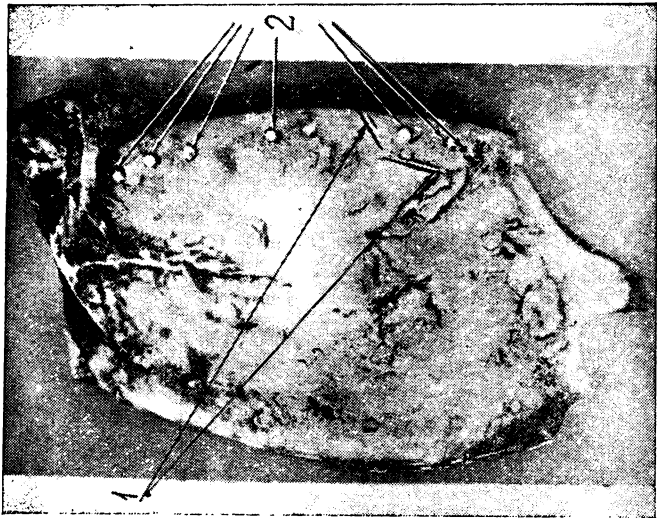

Рис. 2. Слева фотоснимок гипсового следа подметочной части подошвы обуви, полученного со следа, обнаруженного на земле под магазином № 1 Керисюрского сельпо. Справа — фотоснимок подошвы правого сапога, изъятая у Михайлова.
Стрелками показаны совпадающие признаки

3. След каблука обуви, обнаруженный на расстоянии 15 м от стены магазина № 1, оставлен каблуком правого сапога, изъятых у Михайлова (рис. 3).

Поскольку Михайлов, Кубец и Чернышев отрицали свое участие в хищении из магазина сельпо, то каждому из них в отдельности было предложено показать место,

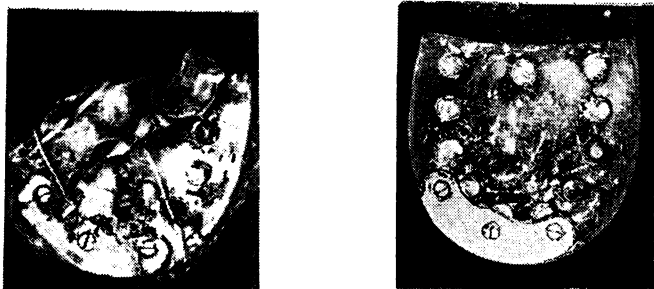

Рис. 3. Слева фотоснимок гипсового слепка каблука, полученного со следа, обнаруженного в 15 м от стены магазина № 1 Керисюрского сельпо.

Справа — фотоснимок каблука правого сапога, изъятых у Михайлова.

Стрелками показаны совпадающие признаки

где они садились на автомобиль, чтобы поехать на станцию Ляппясюрья, и место, где они сошли.

При производстве этого следственного действия Михайлов, Кубец и Чернышев показали разные места.

Под давлением собранных доказательств Кубец, Михайлов и Чернышев признали себя виновными. Они показали.

31 мая 1955 г., захватив с собой буров и два мешка, они пришли в поселок Суистамо с целью обворовать магазин сельпо. Пройдя по поселку, Кубец и Михайлов свернули в кусты и незаметно подошли к магазину, а Чернышев стал ходить по дороге и свистом подавать условные сигналы.

Проникнув под пол магазина, Михайлов сверлил буровым отверстием, а Кубец в щели между досками обшивки фундамента наблюдал за дорогой и домом сторожа магазина. Когда было высверлено 64 отверстия, Михайлов камнем выбил доски, а Кубец через образовавшееся в полу отверстие проник в магазин.

Похищенные товары Кубец передавал через отверстие Михайлову, который укладывал их в мешки.

Все похищенное Кубец и Михайлов отнесли за несколько километров в лес и спрятали в траншее.

Чернышев же, выполнив возложенные на него обязанности по наблюдению за дорогой и квартирой сторожа, отправился домой.

После допроса об обстоятельствах кражи из магазина Кубец и Михайлов показали место, где были спрятаны вещи.

Признание обвиняемых, кроме криминалистической экспертизы, подтверждалось и другими доказательствами.

В судебном заседании участники преступления подтвердили свои показания и были осуждены по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

---

*Следователь прокуратуры
Сталинского района
Риги Латвийской ССР
юрист 3-го класса*
Р. А. Васильева

РАССЛЕДОВАНИЕ ДЕЛА О ХИЩЕНИИ ТРИКОТАЖНОГО ПОЛОТНА

В рижскую милицию поступили сведения о том, что кладовщик красильного цеха фабрики «Сарканайс Ритс» Галунина занимается хищением трикотажного полотна. В связи с этим милиция организовала негласную проверку, которой было выяснено, что в квартире Галуниной находится похищенное с фабрики полотно.

Поскольку эти сведения были достаточно проверенными, милиция возбудила 4 марта 1954 г. уголовное дело и произвела в доме Галуниной обыск. При этом у Галуниной было обнаружено 42 отреза различного полотна, а также сшитые из него сорочки, белье и другие изделия.

При обыске были обнаружены также письма от различных лиц, проживающих в Горьковской области. Из писем было видно, что Галунина посылала этим лицам полотно и белье для реализации.

Одновременно с обыском была организована инвентаризация по кладовой, где работала Галунина. Инвентаризационная комиссия выявила недостачу 16 рулонов и излишки 48 рулонов материала разных сортов.

После инвентаризации новый кладовщик обратила внимание на торчащие за полками в кладовой концы материи. Это были концы, отрезанные от кусков трикотажного полотна. Некоторые из них были с трафаретами. Их изъяли и приобщили к делу.

Галунина на первых допросах в милиции заявила, что обнаруженные у нее куски полотна принадлежат ее сестре — Давыдовой и матери, но, где они их взяли, она не знает.

Галунину арестовали, и дело было направлено для дальнейшего расследования в прокуратуру города.

При изучении материалов дела у меня возникли следующие вопросы, которые необходимо было выяснить:

1. Похищала ли Галунина с фабрики полотно, и если да, то каким образом скрывала хищение?

2. Какой существовал порядок приема и отпуска полотна?

3. В какое время Галунина отлучалась с фабрики и проверяли ли ее в проходной?

4. Кому передавала Галунина в пошив похищенное полотно для шитья белья?

5. Поступает ли полотно, выработанное на фабрике «Сарканайс Ритс», в продажу?

Прежде всего я ознакомилась с инструкцией по материальному учету в красильном цехе, утвержденной директором фабрики. В инструкции указывалось, что материально-ответственное лицо при приеме или сдаче полотна обязано каждый поступающий рулон материала проверить, обратив внимание на состояние кромок на обоих его концах.

Полотно со срезанными концами без кромок или без паспорта не должно приниматься.

Допросом работников красильного цеха, а также других цехов, связанных с ним по производству, было установлено, что на обоих концах всех рулонов, поступающих в кладовую к Галуниной, имелись кромки с трафаретами. Галунина, отпуская рулоны из кладовой в закройный цех по весу, часто в накладных не указывала номер (трафарет) рулона, поставленный на его концах. Было выяснено также, что Галуниной за нарушение установленного порядка отпуска полотна в закройный цех объявлялся выговор. Однако и после этого, как было установлено ревизией, за период с ноября 1953 года по март 1954 года, она отпустила в закройный цех без указания в накладных трафарета 2098 рулонов полотна светлой раскраски, где трафарет был хорошо виден.

Из этого следовало, что Галунина почему-то заинтересована в том, чтобы в накладных не указывать номеров (трафаретов).

Кроме того, при инвентаризации было установлено, что в кладовой у 47 рулонов полотна концы с трафаретами отрезаны.

Таким образом, обнаружение в кладовой рулонов полотна, у которых отрезаны концы с трафаретами и самих концов полотна с трафаретами, а также отрезов полотна на квартире Галуниной указывали на способ хищения полотна, который применяла Галунина. Пользуясь тем, что в закройном цехе, куда отпускалось со склада полотно, наличие трафаретов на концах рулонов не проверялось, Галунина могла отрезать от рулонов куски размером от 60 см до 3,5 м, а в накладных на отпуск материала в цеха не указывать номеров отпущенных кусков.

Возник вопрос, не отрезаны ли концы полотна с трафаретами, обнаруженные на складе между досок, от тех отрезов полотна, которые нашли в доме Галуниной при обыске?

Я произвела осмотр концов полотна, обнаруженных в кладовой, и отрезов, обнаруженных при обыске. При этом были сделаны фотоснимки, на которых наглядно было видно совпадение линий среза. Присутствовавший при осмотре представитель фабрики обратил внимание на то, что эти концы полотна с трафаретами и отрезы сходны по сорту и расцветке.

Назначив техническую экспертизу, я получила от нее заключение о том, что 13 концов полотна, обнаруженных на складе, полностью совпадают по цвету, плотности и другим признакам с отрезами, изъятыми на квартире Галуниной, и выработаны фабрикой «Сарканайс Ритс».

Отрицая хищение, Галунина заявила, что концы с трафаретами, обнаруженные на складе, были спрятаны кладовщиком, работавшим до нее. Однако это опровергалось данными осмотра обнаруженных концов. Среди них были два конца от полотна желтоватого цвета, которое было выработано незадолго до ареста Галуниной в экспериментальном порядке и в количестве всего только двух рулонов. В период работы другого кладовщика такое полотно не вырабатывалось.

Кроме того, среди изъятых на складе концов оказался также конец от рулона шелкового полотна розового цвета. В документах было указано, что при получении рулона Галуниной на склад он имел вес 4,8 кг. При проверке же веса этого рулона во время инвентаризации, организованной вначале следствия, была установлена недостача 600 г. На одном конце этого рулона не оказалось

трафарета. Из письма сестры Галуниной, обнаруженного при обыске, было видно, что шелковое полотно розового цвета посылалось для реализации Прояевой, проживающей в Горьковской области.

Я допустила ошибку, не направив на криминалистическую экспертизу концы полотна и отрезки специально для установления совпадения их по линиям среза, ограничившись сделанными фотоснимками, иллюстрирующими совпадение линии среза. Тем не менее эти фотоснимки сыграли большую роль при рассмотрении дела в суде.

На одном из допросов Галунина заявила, что обнаруженные у нее дома при обыске отрезки материала и новые пошитые из него вещи были приобретены в магазинах.

Это объяснение нетрудно было опровергнуть, так как по моему запросу фабрика «Сарканайс Ритс» выдала справку о том, что изготавливаемый на фабрике материал в торговую сеть не поступает.

Необходимо было еще установить лицо, которому Галунина отдавала в пошив похищенный материал.

Допросив хозяйку квартиры, где проживала Галунина, я установила, что сестра Галуниной часто красила на кухне отрезки трикотажа, из которых знакомая им портниха Клава шила сестрам различные предметы. Галунина и ее сестра отрицали эти показания, в связи с чем передо мной возникла новая задача — найти эту Клаву.

Я решила выяснить круг знакомых Галуниной, которые, возможно, тоже шили вещи у этой же портнихи. Одна из них, по фамилии Кошкина, с которой Галунина раньше вместе работала, показала, что пальто ей шила портниха Клавдия Ивановна, адреса которой она не знает. При этом Кошкина показала, что у этой портнихи шила себе пальто ее знакомая Конева, которая, кажется, ездила к портнихе. Допросив Коневу, я узнала ориентировочные данные о местожительстве Клавдии Ивановны.

Портниха Клавдия Ивановна Чистякова оказалась дома. На интересующие меня вопросы она ответила, что Галунина никакого полотна ей не приносила. Тогда я произвела в квартире Чистяковой обыск и обнаружила вещи, сшитые из полотна, а также обрезки полотна синего и бордового цвета. Все это было мною изъято и направлено на техническую экспертизу, которая установила, что вещи, изъятые у Чистяковой, сшиты домашним способом из материала, выработанного фабрикой «Сарканайс Ритс».

Чистякова на допросе сначала заявила, что купила это полотно на рынке. Однако после тщательного допроса она призналась, что это полотно принесла ей Галунина для шитья белья и других вещей. Я поинтересовалась также и тем, от шитья каких вещей остались обрезки синего и бордового цвета.

Чистякова показала, что недавно сшила из материала Галуниной футболку цвета бордо и шаровары синего цвета. После шитья этих вещей и остались обнаруженные у нее обрезки.

Эти показания Чистяковой оказались важными еще и потому, что ранее при обыске у Галуниной были обнаружены эти вещи. Когда я предъявила шаровары и футболку в числе других вещей Чистяковой, она опознала среди них шаровары синего цвета и футболку цвета бордо и заявила, что сшила их по заказу Галуниной.

По моему отдельному требованию был произведен обыск у Юдиной, Гавриловой и Прояевой, проживавших в Горьковской области, у которых обнаружили и изъяли полотно и готовые вещи из него.

Указанные лица на допросах подтвердили, что сорочки, белье, отрезы полотна они покупали у сестры Галуниной — Давыдовой, которые она присылала в посылках или привозила сама. Об этом же свидетельствовала изъятая у них переписка с Галуниной, среди которой была записка следующего содержания, вложенная в одну из посылок:

«3 рубашки лучшие	по 25 руб.
4 нешитых	» по 20 руб.
4 шитые	» по 20 руб.
13 шт. и Юдиным	— 2 шт. »

Так как миновать контролеров в проходной будке Галунина не могла, надо было установить, каким же образом ей удавалось выносить похищенное полотно с фабрики. Не исключалось, что Галунина имела в проходной будке соучастника. Однако детальная проверка этого не подтвердила.

Работа на фабрике производилась в три смены. Контролеры в проходной будке всегда находились только в момент прихода и ухода рабочих. С 1 часу до 3 часов дня, а иногда и с 10 до 12 часов контролеров в проходной не было.

Таким образом, Галунина могла воспользоваться этим обстоятельством и выходить из фабрики, когда контролеры отсутствовали. По показаниям работниц красильного цеха, Галунина пользовалась обеденным перерывом не в обычное для всего цеха время, а позднее — с 1 часа до 3 часов дня.

В конце следствия Галунина, продолжая отрицать хищение, выдвинула еще одно объяснение, заявив, что взяла всего 5 кг материала различных расцветок из отходов, которые можно было свободно проносить через проходную. Однако и это было опровергнуто. Следствием было установлено, что отходы полотна были длиной не более 35 см, тогда как дома у Галуниной изъяты отрезки длиной до 3,5 м.

Дополнительная техническая экспертиза дала заключение, что из всех изъятых дома у Галуниной отрезков полотна только два являются браком.

Несмотря на собранные по делу доказательства, полностью изобличающие Галунину в хищении, она и в суде продолжала отрицать свою вину.

Народный суд Ленинского района Риги признал хищение доказанным и приговорил Галунину к соответствующему наказанию.

---

*Следователь прокуратуры
Краснозаводского района
Харькова*

юрист 3-го класса

М. Я. Щедров

УМЫШЛЕННО СОЗДАВАЕМАЯ ПЕРЕСОРТИЦА — ИСТОЧНИК ХИЩЕНИЙ

Работниками Харьковского ОБХСС был задержан автомобиль в связи с имевшимися оперативными данными о том, что на нем перевозятся похищенные из пекарни № 12 хлебобулочные изделия. Однако накладная, по которой они перевозились, не вызвала сомнений. В ней имелся один малозначительный на первый взгляд дефект — не было отмечено время вывоза изделий из пекарни.

После проверки накладной автомобиль был отпущен и продолжал свой рейс к магазину № 48, которому предназначалась продукция пекарни.

Спустя 8 часов этот же автомобиль вторично задержали. При этом установили, что на нем перевозятся булочные изделия по той же накладной и в том же количестве.

ОБХСС возбудил уголовное дело.

Факт двукратного вывоза продукции по одной и той же накладной давал основание предположить, что имеет место хищение булочных изделий.

Перед следствием встала задача установить, какое количество продукции похищено, за счет каких источников и как сбывалось похищенное.

Первоначальные следственные действия осуществила милиция.

Данные, которыми располагали работники милиции, указывали на то, что в хищении булочных изделий принимали участие ряд работников хлебопекарни № 12 и магазина № 48.

Как в хлебопекарне, так и в магазине сразу же назначили инвентаризацию и произвели обыск, который для дела ничего не дал.

Обыск произвели также и на квартирах некоторых работников пекарни и магазина, которые, по имевшимся данным, являлись участниками хищения и у них могли быть обнаружены документы, относящиеся к преступлению, и ценности.

При обыске на квартире кладовщика-бракера склада хлебопекарни Слепущенко обнаружили пять сберегательных книжек на сумму около 20 тыс. руб., штампы пекарни и в большом количестве различные бланки спецификации производственных отчетов. У другого кладовщика-бракера — Антиповой под швейной машиной нашли завернутые в бумагу 12 500 руб., сберегательную книжку на 5196 руб., бланки ордеров на выпуск готовых изделий, дубликаты к ним и ряд других бланков и документов.

Аналогичные результаты дали обыски и у некоторых других лиц.

Обыском у кладовщика склада сырья хлебопекарни № 12 Килимовой обнаружили значительное количество продуктов того ассортимента, который имелся на складе: какао, сгущенное молоко, вино, коньяк, спирт, яйца, изюм, топленое масло, варенье. Количество продуктов, оказавшихся у Килимовой, указывало на то, что они не могли быть приобретены для текущих нужд.

Килимова показала, что по сговору с мастерами смен пекарни — Полуляховым, Губиным и Самохваловым она систематически недодавала им сырья, создавая излишки продуктов, которые затем похищались.

Кладовщики-бракеры пекарни Слепущенко, Антипова, Куприянова, мастера Полуляхов, Губин, Самохвалов, экспедиторы магазина Захаваев и Юрченко признали свое участие в хищении и рассказали о способах хищения, а также о том, как скрывали похищенное.

Из их показаний вытекало, что мастера смен Полуляхов, Губин и Самохвалов, ведавшие изготовлением булочных изделий, часть сырья, предназначенного для изготовления более дешевых булочных изделий (булочная мелочь, сайки и др.), использовали для изготовления более дорогих булочек. Качество этих изделий, естественно, при этом снижалось.

Выход готовой продукции показывался в отчетах не тот, который фактически имел место, а тот, который соответствовал нормам выхода согласно количеству полученного сырья, предназначенного для изготовления более дешевых булочных изделий.

Кладовщики-бракеры по своей отчетности также приходовали булочки не в количестве, поступившем к ним в склад, а в количестве и ассортименте, соответствовавшем нормам выхода. В частности, более дорогие булочные изделия приходовались в меньшем количестве, чем фактически поступало, а более дешевые — с завышением. В результате на складе готовых изделий систематически образовывались излишки более дорогой продукции и недостача более дешевой.

Эта недостача по складу готовой продукции покрывалась кладовщиками-бракерами пекарни путем выписки на эти изделия накладных, по которым фактически отпущались более дорогие изделия.

В результате излишнего получения более дорогой продукции вместо более дешевой, указанной в накладных, в магазине № 48 образовывались суммарные излишки, составлявшие разницу в стоимости между дорогими и дешевыми изделиями. Эта разница работниками магазина изымалась из выручки и распределялась между участниками хищений.

Таким образом, одним из способов создания излишков продукции, предназначенной для хищения, являлась умышленная пересортица при изготовлении булочек.

Другим источником хищения были излишки, которые образовывались за счет «экономии» сырья и сверхнормативных выходов булочных изделий. Эти излишки без учета передавались в склад готовой продукции, откуда также без учета вывозились в магазин № 48 для реализации.

Маскировка хищений при доставке продукции в магазин и отчетности пекарни производилась, как это установлено допросами, следующими тремя способами:

1. Путем двукратного вывоза изделий по одной и той же накладной.

2. Путем указания в накладных вывозимого количества продукции с последующим исправлением этого количества и веса в сторону уменьшения подчистками или

проставлением запятой перед последней цифрой этих показателей.

3. Путем указания в накладных фактически вывозимого количества продукции с последующим аннулированием этой накладной и выпиской вместо нее другой накладной, но уже на меньшее количество продукции.

Полученные данные необходимо было проверить и найти им подтверждение, тем более, что некоторые из обвиняемых в дальнейшем отказались от своих показаний и категорически отрицали свою виновность.

Инвентаризация показала, что в магазине № 48 были излишки булочных изделий, что подтверждало показания экспедиторов магазина о доставке ими продукции дважды по одним и тем же накладным.

Для проверки правильности списания сырья и учета готовой продукции мною была организована ревизия.

Тщательно осмотрев документы на реализацию готовой продукции, в частности накладные, счета и квитанции (как в пекарне, так и в магазине), я обнаружил, что во многих накладных не указано время вывоза продукции.

В ряде накладных при внимательном их осмотре мною были обнаружены подчистки и исправления текста и цифр, причем некоторые из них написаны разными по оттенку цвета карандашами.

Накладные, вызывавшие сомнение в правильности их реквизитов и имевшие следы подчисток и исправлений, я изъял и направил на криминалистическую экспертизу. Она установила, что во многих накладных сделаны исправления первоначально стоявших там цифр отпущенной продукции, а также цифр, указывавших время вывоза, причем криминалистической экспертизе в ряде случаев удалось установить, какие именно цифры были проставлены ранее и какой был текст.

Так, во всех трех экземплярах накладной № 015369 указывалось время вывоза — 6 час. 20 мин. Однако сразу же бросалось в глаза, что цифра «6» написана другим карандашом и по ранее стертой цифре.

Криминалистическая экспертиза установила, что на месте цифры «6» ранее стояла цифра «23».

Сопоставив это обстоятельство с тем, что предыдущая накладная № 015368 была выписана в 18 час. 00 мин., а последующие накладные № 015370 в 23 час. 20 мин., № 015371, 015373 выписаны соответственно в 23 час.

30 мин., 5 час. 00 мин., 6 час. 00 мин., можно было сделать вывод, что в данном случае время вывоза продукции по накладной № 015369 в 6 час. 20 мин. указано неверно и что продукция по данной накладной вывозилась дважды — в 23 час. 20 мин. и в 6 час. 20 мин. следующего дня, однако дата документа не была исправлена, что также подтверждало наличие подлога (рис. 1). Об этом свидетельствовали и ряд других накладных, а также акт задержания работниками милиции автомобиля, доставлявшего дважды продукцию по одной и той же накладной.

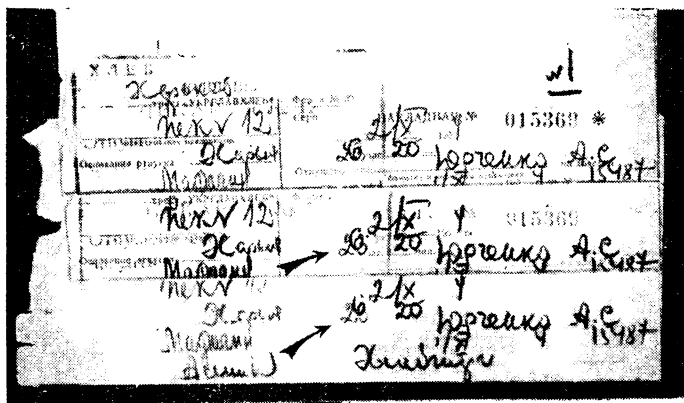

Рис. 1. Цифра, указывающая часы и минуты «6 час. 20 мин.», стоит на месте, где раньше была другая цифра—«23 час.»

То, что исправление цифр, обозначавших вывезенную продукцию, производилось как путем подчисток, так и путем проставления запятой перед последней цифрой количества и веса вывезенной продукции, также подтверждалось осмотром и экспертизой документов.

Так, например, по накладной № 012066 значилось, что кладовщик Слепущенко отпустил магазину № 48 через экспедитора магазина Захаваева 100 штук любительских булок, причем в показателях количества и веса перед последней цифрой были проставлены запятые.

Между тем экспертиза установила, что запятые проставлены не одновременно с написанием текста. Это видно из самой накладной № 012066. Все три экземпляра ука-

31

ВХЛЕБ № _____ Форма № 32
Серия ВЕ

НАКЛАДНАЯ № 012066 *
34/а 1954 г.

Отпущено через Заводская с/п А по доверенности
номер на эту дату от 574 1954 г. за № 1106
№ _____
с расчетом через расч. № _____ в _____ обл. Госбанка

Цена	Время выхода на печку	Средняя влажность усушки (%)	Кол-во	Вес в (кг)	Сумма
1.42	20 ³⁰		1000	290	142
1.42	20 ³⁰		1000	290	142

Сумма 284

1.42 20³⁰ 1000 29 142 ✓
 0.72 11¹⁰ 1000 120 182 ✓
 с/п заводская

100 140 574

Исполнитель: Заводская с/п А
 Подпись: М. М. М.

М. П. ГОСБАНКА

Рис. 2. На накладной № 012066 и двух копиях к ней ясно видно, что запятая после «0» в графах «количество» и «вес» проставлена в накладной не одновременно с выпиской ее, а позже, вследствие чего на копиях запятая имеет наплыв на цифру

занного документа выписывались одновременно, а запятая в них оказалась в разных местах (рис. 2).

Таким образом, по накладной № 012066 фактически вывезли из пекарни и доставили в магазин 1000 штук любительских булок, а уже после в накладной уменьшили количество вывезенных булок на 900 штук путем проставления запятой. Это обстоятельство подтверждали и некоторые из обвиняемых. Аналогичные подлоги оказались и в ряде других накладных.

Для проверки показаний о сверхнормативной выпечке булочных изделий и создании таким путем резерва для хищения была организована контрольная выпечка булочных изделий. Оказалось, что, действительно, можно изготовить больше булочек, чем предусмотрено нормами.

Полученную при контрольной выпечке продукцию подвергли в специальной лаборатории анализу, которым было установлено ее полное соответствие стандарту и рецептуре.

Чтобы проверить имевшиеся данные о втором способе создания излишков готовой продукции за счет недовложения сырья и тем самым нарушения рецептуры, я назначил технологическую экспертизу.

Экспертизе для наиболее полного исследования материалов, помимо имевшейся продукции, были представлены истребованные мною из лабораторий анализа булочных изделий, выпекаемых в пекарне № 12.

Изучением этих анализов и исследованием готовой продукции экспертиза установила, что в булочные изделия, систематически не докладывался сахар и жиры, которые служили сырьем для изготовления более дорогой продукции и частично, как показала Килимова, похищались ею совместно с мастерами и заведующей пекарней Макаренко.

Таким образом, расследование установило, что в пекарне № 12 и в магазине № 48 на протяжении длительного периода времени действовала организованная группа, расхищавшая булочные изделия.

В состав группы расхитителей входили кладовщики-бракеры склада готовых изделий пекарни Слепущенко, Антипова и Куприянова, мастера по выпечке булочных изделий этой же пекарни Полуляхов, Губин и Самохвалов, заведующая пекарней Макаренко, заведующая магазином № 48 Чудновец, ее заместитель Рохман, продавец мага-

зина Левинзон, экспедиторы магазина Захаваев и Юрченко, а также кладовщик склада сырья пекарни Килимова.

Вина всех обвиняемых, привлеченных по данному делу, в инкриминируемых им преступлениях была полностью доказана, и все они были преданы суду по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Ущерб в сумме около 50 000 руб. полностью возмещен обнаруженными при обыске наличными деньгами и ценностями.

Суд приговорил всех обвиняемых к различным срокам наказания с конфискацией имущества.

Приговор вступил в законную силу.

---

*Старший следователь прокуратуры
Тимирязевского района Москвы
юрист 2-го класса*

Р. М. Фрадкин

РАССЛЕДОВАНИЕ ХИЩЕНИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Расследование дел о преступлениях, связанных с завышением объемов ремонтно-строительных работ, имеет свои особенности. На некоторых из них я и хочу остановиться в настоящей статье, посвященной описанию расследованного мною дела о злоупотреблениях прораба Пахомова.

Пахомов производил различные ремонтно-строительные работы на объектах московской конторы Главхимснаба, выступая вначале в роли прораба ремонтно-строительной конторы (РСК) Люберецкого горжилуправления (ГЖУ), а впоследствии прораба дачно-строительного кооператива (ДСК) «Летчик-испытатель».

Произведенной заказчиком выборочной проверкой по одному из этих объектов — Бутырскому складу было установлено завышение Паховым в актах-процентовках формы № 2¹ стоимости работ на 63 613 р. 50 к. Это послужило основанием для возбуждения уголовного дела по признакам ст. 109 УК РСФСР.

Я решил с самого начала расширить рамки расследования и, не ограничиваясь исследованием деятельности

---

¹ Акты-процентовки по форме № 2 составляются и подписываются заказчиком (в данном случае представителями Московской конторы Главхимснаба) и подрядчиком (в данном случае одно время Люберецким ГЖУ, а потом ДСК «Летчик-испытатель»). Такие акты обычно составляются на месте по выполнению всех работ объекта или их части. В них указываются точное и подробное наименование выполненных работ, расценки, единицы измерения, количество и стоимость выполненных работ.

Пахомова только по Бутырскому складу, проверить также его работу на других строительных объектах. С этой целью была назначена ревизия. Причем в состав ревизоров были включены опытные инженеры-строители.

Тактика расследования аналогичных дел свидетельствует о том, что проводимые по инициативе хозяйственных организаций ревизии, проверяющие объем и стоимость выполненных работ, в ряде случаев страдают серьезными недостатками, обесценивающими их результаты. Иногда ревизия проводится неполно, выборочным порядком, в отсутствие заинтересованных лиц, вследствие чего нет никакой гарантии, что она выявит действительный объем выполненных работ. Все это приводит к необходимости назначения повторной ревизии.

Чтобы обеспечить направленность в работе ревизоров, я с самого начала сообщил им, какие вопросы в первую очередь интересуют следствие, а именно:

1. Соответствуют ли указанные в актах-процентовках формы № 2 объем и стоимость работ работам, фактически выполненным на всех объектах московской конторы Главхимсбыта.

2. Соответствуют ли фактически произведенные работы нарядам¹, выданным рабочим.

По каждому объекту ревизоры проводили проверку отдельно. В ревизии обязательно участвовали представитель заказчика — московской конторы Главхимсбыта и прораб Пахомов. Последний на месте давал ревизорам объяснения, показывал, какие работы и в каких объемах выполнены. Здесь же проводились сравнения с документами, в частности с актами-процентовками и нарядами.

В ряде случаев Пахомов признавал, что некоторые работы, указанные в документах, фактически не выполнялись.

Все это фиксировалось актами, составленными на месте, по каждому объекту в отдельности, подписывались

---

¹ Наряды на производство выполненных работ составляются либо нарядчиком, либо специально выделенным для этого компетентным лицом. В них должно содержаться подробное описание работ, которые должны быть выполнены, и условия их производства, ссылки на основные нормы и расценки, а также дата начала и окончания работ и данные о фактическом их исполнении. К наряду должен быть приложен табель с указанием фамилий рабочих, производивших работы, их разрядов и количества часов, проработанных каждым из них (Р. Ф.).

они ревизорами, представителями заказчика и Пахомовым. В случае необходимости к акту прилагался план объекта. При несогласии с актом Пахомов здесь же излагал в письменной форме свои возражения, которые тут же проверялись ревизорами.

Подобная организация работы ревизоров обеспечила сведение до минимума спорных вопросов и позволила закончить дело без технической экспертизы. В суде при рассмотрении дела из-за этого никаких осложнений не возникло.

С самого начала работы ревизоров я установил с ними тесный контакт. По мере проверки отдельных объектов ревизоры передавали мне законченные акты и я имел возможность проводить необходимые следственные действия, не ожидая окончания всей работы ревизоров. По ходу следствия я конкретизировал те вопросы, которые должны были быть выяснены в процессе ревизии.

Наряду с проверкой выполненных работ в натуре была организована проверка документов. Считаю, что ограничиваться проверкой документов только ревизорами нельзя, я лично также занялся изучением документации. Это помогло успешному расследованию дела.

Вскоре выяснилось, что сметы на ремонтно-строительные работы¹ составлялись неправильно, авторами их в большинстве случаев были представитель подрядчика — Пахомов или частные лица. Расценки применялись самые высокие — расценки первой группы строек, хотя РСК Люберецкого ГЖУ относилась к стройкам группы первой «а», а ДСК «Летчик-испытатель» — к четвертой группе.

Процентки составлялись самим Пахомовым и им же подписывались от имени подрядчика. Наряды и таблицы к ним составлял и подписывал также Пахомов. Он нередко расписывался как лицо, выдавшее наряд, а также и за бригадира-исполнителя работ, и за лицо, принимавшее работы. Распределение денежных сумм между рабочими

---

¹ Сметы должны составляться специалистами, как правило, сметчиками. Они должны быть проверены и утверждены вышестоящей организацией. В них конкретно описываются отдельные виды подлежащих выполнению работ, их объем, стоимость. Указывается, на основании каких существующих расценок они составлены. Особо выделяется стоимость рабочей силы и материалов.

производилось Пахомовым не всегда в соответствии с фактической долей их участия в выполнении работ по тому или иному наряду.

Было выявлено несоответствие некоторых нарядов актам-проценткам. В нарядах применялись завышенные расценки, в них включались работы, даже не значащиеся в процентках, одни и те же работы указывались по несколько раз.

Например, побелку стен приравняли к клеевой окраске, то есть вместо 26 коп. за квадратный метр выплачивали 4 р. 81 к. (завышение в 18 раз). В другом случае в наряде писали, что произведена смена полов. Это включало: разборку и настил их, и в то же время отдельно указывали, что произведена еще разборка полов.

Результаты изучения документов, а также начавшие поступать ко мне данные ревизии о значительном завышении объема и стоимости работ давали возможность предполагать, что Пахомов совершал все эти нарушения не случайно, а в целях расхищения государственных средств. При этом наиболее вероятными могли быть два способа: 1) включение в наряды и в авансовые и расчетно-платежные ведомости¹ подставных лиц с последующим изъятием выписанных на их имя денег путем подлогов и 2) выписка на имя отдельных рабочих больших сумм, чем им причиталось за их работу, с последующим изъятием у них этих денег.

Проверить эти версии можно было, лишь ознакомившись с подлинными документами. С этой целью я изъясал сметы, акты-процентки формы № 2, наряды и таблицы к ним, авансовые и платежные ведомости вместе с доверенностями.

Денежных документов оказалось так много, что сплошная проверка исключалась. Нужно было по каким-то признакам выявить наиболее сомнительные из них, после чего проверить реальное выполнение определенным лицом работ, которые значились по этим документам, и фактическую выплату ему денег.

Я стал тщательно изучать денежные документы и наряды, служившие основанием для выписки денег.

Просматривая документы, я обратил внимание на фа-

---

¹ В авансовых и расчетно-платежных ведомостях фиксируется начисление и выплата заработной платы.

милию Корольков, которая фигурировала в большом количестве нарядов. Корольков значился исполнителем работ, вследствие чего ему выплатили крупные денежные суммы. Бросалось в глаза, что этот же самый Корольков неоднократно получал деньги по доверенностям других лиц.

Среди документов оказались доверенности на имя прораба Пахомова, выданные от имени рабочих Горшкова, Антонова и все того же Королькова.

В результате внимательного изучения этих доверенностей удалось установить, что, во-первых, подписи Горшкова и Антонова вызывают сомнение (на разных доверенностях они не походили друг на друга); во-вторых, все доверенности были заверены печатью одного и того же домоуправления № 10 Октябрьского района Москвы; в-третьих, от имени управдома доверенности в одних случаях были заверены все тем же Корольковым, а в других — неразборчивыми подписями.

Подобрав все платежные ведомости и наряды с табелями, я все же решил не приступать сразу к допросу Королькова, Горшкова и Антонова, а предварительно проверить, выполняли ли они в действительности те работы, за которые им выплатили деньги. Поэтому я стал искать наряды, в которых указывалось бы, что кто-либо из упомянутых лиц работал вместе с другими рабочими. Через них я намеревался проверить, действительно ли Корольков, Горшков и Антонов выполняли приписываемые им работы. Такие наряды я нашел. По ним я установил рабочих Симакова и Егорова, которых и вызвал на допрос.

Готовясь к допросу, я, в частности, выяснил, что Егоров проживает в одном доме с Корольковым и Горшковым.

Допрос Симакова я начал не с предъявления ему документов, а с общего вопроса, какие работы он выполнял в описываемый период времени, кто именно с ним вместе работал. Симаков рассказал мне о своих работах и, в частности, сообщил, что в это время производил ремонт помещения московской конторы Главхимснаба. Именно этот объект меня интересовал, и я попросил уточнить, кто именно принимал участие в ремонте конторы. Симаков пояснил, что ремонт он производил вместе со своим сыном, работавшим без оформления. Больше никто участия в этой работе не принимал. Нарядов на выполнение ремонта Пахомов ему не показывал.

После ознакомления с предъявленными ему нарядами Симаков заявил, что Горшков в работах участия не принимал.

В то же время Симаков сообщил, что за свою работу и работу сына он деньги получил полностью и, таким образом, начисленные Горшкову 2236 р. 98 к. являются припиской. Эту сумму в кассе получил лично Пахомов по доверенности, выданной от имени Горшкова.

Сын Симакова полностью подтвердил показания отца.

Рабочий Егоров показал, что давно знает Пахомова, который раньше проживал с ним в одном доме домоуправления № 10 Октябрьского района. Знает он и Горшкова, работающего плотником домоуправления № 10, и Королькова, являющегося заместителем управдома. Ни Горшков, ни Корольков никогда с ним вместе и, насколько ему известно, вообще не работали на объектах Главхимснаба. Корольков даже не имеет ремонтно-строительной специальности, а рабочего Антонова он не знает.

Егоров рассказал, что однажды при нем Пахомов предлагал плотнику Горшкову принять участие в работах на объекте Главхимснаба, но тот отказался. Вскоре Пахомов просил передать Горшкову, чтобы он пришел получить деньги. Он выполнил просьбу Пахомова, но Горшков отказался идти получать деньги, заявив, что они ему не полагаются, так как он никакой работы у Пахомова не выполнял.

После этого я тут же вызвал к себе Горшкова и Королькова и допросил их. Необходимо отметить, что в подобных случаях не следует откладывать допросы, чтобы не дать возможности вызываемым лицам общаться с уже допрошенными свидетелями.

Горшков показал, что действительно Пахомов предложил ему принять участие в работах, которые производились от имени какой-то организации. Он согласился, написал заявление в ДСК «Летчик-испытатель» и передал его Пахомову. Впоследствии тот сказал ему, что не успел оформить его на эту работу и, таким образом, от ДСК «Летчик-испытатель» он не работал, никаких денег там не получал, доверенности Пахомову не давал. Правда, как-то Пахомов попросил его поехать получить, как он ему сказал, начисленные ему деньги, но Горшков за деньгами не поехал, ибо никаких работ не производил. По ознакомлению с предъявленными платежными ведомо-

стями, а также доверенностями, написанными от его имени, Горшков заявил, что расписки от его имени в этих документах подложные.

Горшков показал также, что заместитель управдома Корольков никакой строительной специальности не имеет и никогда в работах на строительных объектах участия не принимал. Корольков, как показал Горшков, знает Пахомова уже давно, ибо последний ранее проживал в домах домоуправления № 10. Сам Горшков не раз видел Пахомова вместе с Корольковым в нетрезвом состоянии.

При допросе Королькова я использовал уже имевшиеся у меня документы и показания свидетелей. Корольков признал, что, работая заместителем управдома, он по предложению Пахомова оформился по совместительству на работу сначала в РСК Люберецкого горжилуправления, а потом в ДСК «Летчик-испытатель». Предполагалось, что он будет работать от этих организаций на объектах московской конторы Главхимснаба. На деле же никаких работ на указанных объектах он не производил и даже не был там. По просьбе Пахомова он по ведомостям получал начисляемые ему денежные суммы и полностью все их передавал Пахомову. На получение ряда сумм он давал от своего имени доверенности Пахомову. Кроме того, по просьбе Пахомова он получал по доверенностям, сфабрикованным Пахомовым, деньги за какого-то Антонова и их также передавал Пахомову. Корольков признал, что он заверял печатью домоуправления № 10 и подписывал либо своей фамилией, либо вымышленной ряд доверенностей, составляемых Пахомовым от имени Горшкова и Антонова.

Корольков утверждал, что из денег, начисляемых ему и которые он передавал Пахомову, последний каждый раз давал ему по 50, 75, 100 руб. и лишь раза два три — по 150 руб.

В процессе дальнейшего расследования такими же методами был вскрыт и ряд других случаев присвоения Пахомовым денежных сумм с участием либо без участия Королькова.

Уличенный собранными доказательствами — документами, показаниями Королькова, Горшкова, Егорова, Симакова и других, а также проведенной по делу графической экспертизой, Пахомов сознался в совершенных им преступлениях. Он рассказал, что Королькова и Горшко-

ва включал в наряды как исполнителей работ, хотя никаких работ они не производили. Королькову он выплачивал каждый раз не по 50—100 руб., как говорил тот, а по 100—200 руб. Включал он в наряды и вымышленных лиц, вроде Антонова; деньги от имени этих лиц получали по подложным доверенностям или он сам, или Корольков.

Давая показания о мотивах совершения преступления, Пахомов отрицал корыстную заинтересованность и заявил, что деньги, передаваемые ему Корольковым, а также и суммы, получаемые им самим путем подлогов, он выплачивал различным, официально не зачисленным на работу, специалистам.

После того как это объяснение было опровергнуто, Пахомов выдвинул новую версию, что деньги, добываемые преступным путем, он передавал в виде взяток бухгалтеру ДСК «Летчик-испытатель» и начальнику РСК Люберецкого ГЖУ. Однако эти его объяснения оказались клеветническими.

Ревизия выявила, что Пахомов завысил стоимость работ по заработной плате на объектах московской конторы Главхимснаба на 70 752 руб. В частности, соответствующее завышение было установлено на тех объектах, по поводу которых следствие установило приписки на имя Королькова, Горшкова, Антонова.

Хищение денежных средств Пахомовым было доказано в сумме 20 664 руб., в том числе при соучастии Королькова в сумме 16 092 руб.

Остальные суммы переплат по заработной плате были связаны с тем, что, как говорилось выше, Пахомов применял завышенные расценки и благодаря этому переплачивал рабочим значительные суммы. Ему это понадобилось для создания условий, благоприятствующих хищениям, так как он имел возможность присваивать часть сумм, выписанных как заработная плата, не уменьшая нормального заработка рабочих. При завышенных расценках описанные выше приписки «мертвых душ» в нарядах не препятствовали получению рабочими, реально выполнявшими работу, довольно высоких заработков.

Возможно, что Пахомов применял распространенный в подобных случаях способ вымогательства денег у рабочих, которым выплачивались завышенные суммы, но мне это установить не удалось.

К концу следствия Пахомов в инкриминированных ему злоупотреблениях и в хищении денежных средств полностью признал себя виновным. Признал себя виновным в соучастии хищения денежных средств и Корольков.

Народный суд 1-го участка Тимирязевского района Москвы осудил Пахомова по ст. 109 УК РСФСР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к 15 годам лишения свободы, Королькова — к 10 годам лишения свободы.

Приговор оставлен в силе московским городским судом.

---

*Следователь по особо важным делам
Прокуратуры БССР
младший советник юстиции
Н. В. Станисевич*

ОРГАНИЗОВАННОЕ ХИЩЕНИЕ, СОВЕРШЕННОЕ ПРИ УЧАСТИИ РАБОТНИКОВ ПРОМАРТЕЛИ И МАГАЗИНА

В процессе расследования одного дела о хищении в системе Минского промторга были получены сведения о том, что в совершаемых хищениях участвуют некоторые работники промартели инвалидов имени Гастелло. Нам стало известно, что из артели расхитители получают алюминиевые горшки, а затем после их реализации уничтожают накладные, а деньги присваивают. Однако о конкретных случаях реализации товаров нам известно не было. Проверяя достоверность полученных сведений, я в первую очередь поставил себе задачу выяснить, в какие торговые точки Минска артель направляла алюминиевые горшки. С этой целью по инициативе прокуратуры ревизор Белорусского металлопромсоюза и старший контролер Министерства госконтроля БССР произвели проверку операций артели по реализации готовой продукции.

Проверяя бухгалтерские записи по расчетам с покупателями за 1954 год, ревизоры обнаружили, что 12 февраля 1954 г. старший бухгалтер артели Андропова списала с подотчета заведующего складом Каплана алюминиевые горшки на сумму 11 641 руб., как отпущенные Минскому промторгу по накладной № 368. Однако счет на оплату этих горшков промторгу не выставлялся и оплата их не производилась. В числе дебиторов Минский промторг по данным бухгалтерии артели также не значился. Оказалось, что ни доверенности на получение горшков, ни пропуска на право вывоза этой партии товара в делах артели нет, тогда как в этот же день артель от-

правила в магазин № 33 Минского промторга по накладной № 369 такие же алюминиевые горшки на сумму 5341 руб., и эта операция была оформлена надлежащими документами. Полученные данные подтверждали имеющиеся сведения о бездокументном списании товаров в артели.

Поскольку эти материалы не были связаны с расследуемым делом, я выделил их в особое производство и приступил к расследованию.

Через вышестоящую организацию промкооперации ревизорам было дано задание произвести документальную ревизию в артели. По поводу же выявленного факта бездокументного списания товаров я допросил упомянутых выше Каплана и Андронову. Каплан показал, что товар на указанные суммы он отпустил, но, кому именно, не помнит. Андропова заявила, что счет получателю товара она не выставила по ошибке. Списание же со склада товаров на 11 641 руб. она произвела согласно первичным документам, но, кто и при каких обстоятельствах уничтожил эти документы, она объяснить не может.

Для того чтобы проверить эти показания, необходимо было выяснить, какие магазины промторга и в каком количестве получали в феврале 1954 года алюминиевые горшки. С этой целью было решено осмотреть журнал регистрации доверенностей в промторге и выяснить, кому выдавались в этот месяц доверенности на получение товаров из артели имени Гастелло. Осмотром журнала было установлено, что 8 февраля 1954 г. промторгом выдана доверенность № 471 на получение товаров из артели имени Гастелло заместителю заведующего магазином № 33 Кузьмину. Согласно этой доверенности, судя по данным промторга, по накладной № 369 от 12 февраля 1954 г. Кузьмин получил из артели алюминиевые горшки на 5341 руб. Эти горшки по магазину № 33 оприходованы, а Андроновой был выставлен промторгу счет, который последним оплачен. Что касается доверенности на получение товаров на сумму 11 641 руб., якобы отпущенных из артели в тот же день по накладной № 368, то выдача такой доверенности в промторге не значилась. Кроме магазина № 33, алюминиевые горшки, изготавливаемые артелью имени Гастелло, за проверяемый период поступали и в другие магазины Минского промторга.

В процессе расследования проверялись и эти магазины, но преступные связи установлены только между работниками магазина № 33 и артели.

Таким образом, встречная проверка показала, что между данными о списании горшков в расход по артели имени Гастелло и данными промторга о поступлении этой продукции имеются расхождения на сумму 11 641 руб. С целью выяснения причин такого расхождения я поставил вопрос перед ревизором о производстве взаимосверки расчетов промторга с артелью. Артель с магазином никаких расчетов не производила, а расчеты были только с промторгом. В магазине № 33 велся только суммарный учет. В то же время я решил изучить порядок отпуска товаров артелью, осмотреть первичную документацию на реализацию алюминиевых горшков и в первую очередь изъять и осмотреть пропуска на вывоз готовой продукции со склада артели.

В архивных документах артели я разыскал журнал регистрации пропусков за 1953—1955 гг. на право вывоза товаров со склада артели. При осмотре журнала мною было установлено, что 12 февраля 1954 г. зарегистрирован не один, а два пропуска на вывоз товаров для промторга по накладным № 368 и 369. Расписался в получении этих пропусков Кузьмин. Ознакомившись с существовавшим в артели порядком вывоза товаров, я установил, что пропуска выписываются старшим бухгалтером артели по предъявлению накладной. К каждой накладной, по которой отпущен товар, должен быть пропуск. По исследуемому нами эпизоду пропусков было зарегистрировано два, а накладная магазином № 33 оприходована одна. Счет бухгалтерия артели выставила только по одной накладной № 369. Это обстоятельство требовало дополнительного исследования, и я решил проверить третьи экземпляры накладных, которые должны были храниться у заведующего складом артели. Как оказалось, эти экземпляры накладных находились на складе в хаотическом состоянии. С помощью ревизоров накладные, валявшиеся на складе, были приведены в порядок, и после тщательного их просмотра нам удалось обнаружить третьи экземпляры накладных № 368 и 369 от 12 февраля 1954 г. на отпуск магазину № 33 через Кузьмина алюминиевых горшков на сумму 11641 руб. и 5431 руб.

Изъяв и приобщив к делу эти экземпляры накладных, я решил проверить все операции, связанные с отпуском артелью товаров магазину № 33 за все время работы Андроновой. Этому решению предшествовало то, что Андропова, принимавшая участие в ревизии и раньше других узнавшая о выявленном факте отпуска товаров по накладной № 368, пыталась скрыться. Однако ее задержали на вокзале при посадке в вагон поезда дальнего следования. В связи с этим и было решено проверить факты отпуска продукции артели в торговую сеть за все время работы Андроновой, то есть с 1945 года. Однако проверка была произведена только за 1951—1954 гг., так как за предыдущие годы первичные документы в артели не сохранились.

В процессе проверки было установлено значительное число фактов бездокументного списания товаров со складов артели имени Гастелло. Так, согласно мемориальному ордеру № 29 за апрель 1951 года и накопительной ведомости сданных на инкассо документов, составленных Андроновой, списано по накладной № 698 от 9 апреля 1951 г. с подотчета заведующего складом Якобсона как выданные магазину № 33 по доверенности промторга № 2236 алюминиевых горшков на 11 226 руб. Указанной накладной № 698 на отпуск горшков, счета, доверенности промторга и пропуска на вывоз товара со склада в делах бухгалтерии артели не оказалось.

В промторге мною была изъята фиктивная накладная за тем же № 698 и датой 9 апреля 1951 г. на сумму 3526 руб. На эту сумму оприходованы товары по магазину № 33 и Андроновой выставлен счет к оплате торгу. Разница в сумме 7700 руб. ими была похищена (11 226 руб.—3526 руб.=7700 руб.). Таким же путем списывались товары в расход и в 1952, 1953 и 1954 гг.

Всего за четыре года, как установила ревизия, списали алюминиевых горшков без оправдательных документов на 122 683 руб. Факт бездокументного списания товаров в расход по артели имени Гастелло, установленный в процессе следствия и подтвержденный актом ревизии, явился ключом к раскрытию организованных хищений, совершенных указанными работниками артели совместно с некоторыми работниками торговой системы.

Обнаруженные третьи экземпляры накладных и зарегистрированные в книге лишние пропуска на вывоз

товаров позволили выдвинуть версию о том, что хищение совершалось путем уничтожения первых двух экземпляров накладных и изъятия денег, вырученных от реализации товаров, не оприходованных по магазину № 33.

Произведенная проверка движения алюминиевых горшков по магазину № 33 подтвердила эту версию, так как при инвентаризациях в магазине № 33 систематически обнаруживались излишки алюминиевых горшков.

Например, по акту инвентаризации на 1 января 1953 г. значилось в остатке 15-литровых алюминиевых горшков — 100 штук и 8-литровых — 50 штук. Несмотря на то что с января по 1 марта 1953 г. поступления горшков в магазин не было, по акту инвентаризации на 1 марта числилось в остатке 120 штук 15-литровых горшков и 200 штук 8-литровых. Излишки горшков против документированного прихода с учетом документированного расхода (включая отпуск по безналичному расчету) были установлены также за период с 27 июня 1951 г. по 1 октября 1951 г. на 2401 р. 35 к. За период с 12 октября по 21 декабря 1952 г. на 244 р. 80 к., за период с 22 декабря 1952 г. по 28 августа 1953 г. на 2270 руб. и т. д. Всего путем количественной выборки движения товаров по магазину № 33 удалось установить, что в отдельные инвентаризационные периоды в наличии имелись излишки алюминиевых горшков против поступления, не считая реализации их за наличный расчет в количестве до 416 штук на сумму более 8 тыс. руб.

Допрошенный по этому поводу бывший заведующий магазином № 33 Барановский, будучи изобличен указанными документальными данными, сознался в хищении и рассказал о том, каким путем они совместно с Андроновой в течение ряда лет уничтожали накладные на получение горшков, а вырученные от их продажи деньги присваивали.

«...Весной 1951 года, — показал Барановский, — по доверенности промторга я получал в артели имени Гастелло алюминиевые горшки. Примерно на второй день ко мне в магазин пришла старший бухгалтер артели Андропова. Она принесла с собой два экземпляра накладной и предложила уничтожить ее, а взамен выписать другую накладную в трех экземплярах за тем же номером и

датой, но на меньшее количество. Я согласился, изъять из выручки разницу между стоимостью продукции по первой и второй накладным и две трети этой суммы отдал Андроновой, а остальное оставил себе. После этого мы уничтожили накладные еще в двух случаях. Всего было похищено около 18 тыс. руб., из которых мне досталось около 5—6 тыс. руб., а остальные Андроновой...»

Из показаний Барановского стало также известно, каким путем изымались деньги из выручки магазина № 33.

По существующим правилам, препроводительную ведомость на сдачу выручки инкассатору должны подписывать заведующий магазином и кассир. В магазине № 33 деньги инкассатору часто сдавал сам заведующий магазином. В дни получения и продажи алюминиевых горшков Барановский изымал из выручки часть денег, а ведомость пересоставлял, подделывая в ней подпись кассира.

Путем проверки движения выручки по магазину № 33 было установлено, что в дни получения и реализации через магазин похищенных товаров сдача выручки в банк резко падала.

С целью сокрытия изъятия части выручки из кассы магазина Барановский уничтожил кассовую книгу.

Изъятые фиктивные накладные были предъявлены ранее работавшим заведующим складом артели имени Гастелло — Якобсону, Беркман и другим, которые заявили, что эти накладные являются фиктивными, а их подписи на них подделаны. Графическая экспертиза подтвердила это обстоятельство.

Таким образом, было установлено, что Андронova, пользуясь бесконтрольностью и попустительством со стороны председателя артели имени Гастелло Толочко, по договоренности с заведующим магазином № 33 Барановским и его заместителем Кузьминым, систематически расхищала кооперативные средства. Всего на протяжении 1951—1954 гг. преступники похитили 122 683 руб.

За счет каких же средств совершалось хищение и каким путем оно скрывалось по бухгалтерскому учету? Ведь, если сумма 122 683 руб. похищена, то в артели на эту же сумму должна быть недостача или дебиторская задолженность? Однако никакой недостачи или дебиторской задолженности по артели не было...

Путем допроса работников артели имени Гастелло и ознакомления с системой бухгалтерского учета следствие

установило, что с целью сокрытия хищений Андропова запутала бухгалтерский учет и отчетность по реализации готовой продукции. Пропуска на вывоз товаров со склада не подписывались материально-ответственными лицами, и в них не указывалось количество вывозимого товара.

В нарушение положения о бухгалтерском учете в артелях и реализации готовой продукции Андропова ввела так называемые накопительные ведомости произвольной формы, в которых номера счетов и сумму стоимости отпущенного товара не указывала, а отмечала лишь номера накладных склада и количество отпущенных торговым организациям товаров.

Бухгалтерские проводки на списание готовых изделий с подотчета заведующих складом Андропова составляла не на основе итоговых данных по журналу отгрузки и реализации готовой продукции, а согласно накопительным ведомостям, составленным по расходным накладным склада, которые в ряде случаев не соответствовали счетам, предъявленным торговым организациям за отпущенные им товары. В случаях когда накладные не заменялись, а уничтожались, счета вообще не выписывались. Стоимость расхищенных товаров Андропова периодически относила и списывала за счет уменьшения прибыли артели. Пропуска на вывоз товара, сдаваемые сторожами, не сохранялись и к расходным накладным не приобщались.

Производившиеся документальные ревизии артели не вскрывали указанных выше фактов. Как выяснилось в процессе расследования, ревизии артели производились не штатными работниками вышестоящей инстанции, а ревизорами, выполнявшими ревизии по трудовым соглашениям, которые не выявляли нарушений порядка учета и совершаемых хищений.

В целях устранения причин, способствовавших хищениям, в соответствующие организации Белорусской республики были сделаны представления.

Андропова, Барановский и другие участники преступной группы осуждены Верховным Судом БССР по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. и ст. 196¹ УК БССР¹ к разным срокам лишения свободы.

---

¹ Соответствует ст. 109 УК РСФСР.

*Старший следователь прокуратуры
Молодечненской области*

юрист 1-го класса

Р. И. Иванов

ТЩАТЕЛЬНАЯ РЕВИЗИЯ В СОЧЕТАНИИ С ИЗУЧЕНИЕМ ДОКУМЕНТОВ СПОСОБСТВОВАЛА РАСКРЫТИЮ КРУПНОГО ХИЩЕНИЯ СРЕДСТВ

В марте 1955 года в процессе ревизии магазина хозяйственных товаров Лужского сельпо при его передаче другому заведующему была вскрыта недостача товароматериальных ценностей на 153 тыс. руб. Хотя ревизия не была полностью закончена, прокурор района в связи с выявленной недостачей возбудил уголовное дело. Уже на этой стадии ревизии стало очевидным, что при инвентаризации товаров и их переоценке имели место приписки в ведомости товаров, которых фактически не было в наличии, и завышение цен на инвентаризируемые товары.

На квартире у заведующей магазином Протас был произведен тщательный обыск, позволивший обнаружить ряд доверенностей различных организаций на получение товаров из магазина и среди них четыре чистых бланка доверенностей с печатью Лужского сельпо и подписью старшего бухгалтера сельпо Виняцкого. Кроме того, у нее же при обыске был обнаружен и изъят лист переоценочной ведомости товаров, но без указания даты и без заголовка.

Приступив к расследованию, я установил, что Протас работала в качестве заведующей магазином хозяйственных товаров с 15 июля 1952 г. В магазине ежеквартально проводились инвентаризации. В отдельных случаях проводились и внеплановые инвентаризации, но крупных недостач никогда не устанавливалось. Самая большая сумма недостачи, которая была выявлена за все время,

составляла 1600 руб. Из бухгалтерии я изъясил и просмотрел все акты ранее проведенных инвентаризаций.

В результате осмотра актов было установлено, что они оформлялись с грубым нарушением инструкции о порядке проведения инвентаризации ценностей. В частности, не подсчитывались итоги количества товарных единиц по страницам актов, исправления в количестве товаров не оговаривались, акты подписывались не всеми членами инвентаризационных комиссий. Допросив последних, я установил, что большинство инвентаризаций фактически проводили сами работники бухгалтерии сельпо или райпотребсоюза. Для формы при этом присутствовали члены инвентаризационных комиссий, в числе которых были малограмотные и неопытные работники, как, например, дезинфектор сельской больницы, конюх сельпо и т. п.

При инвентаризациях товары полностью не пересчитывались. Количество и вес товаров записывались в акты со слов Протас. Наличие грубых нарушений в оформлении документов инвентаризаций, а также обнаружение крупной недостачи товаро-материальных ценностей при передаче магазина давали основание полагать, что эта недостача возникла давно, но инвентаризациями не вскрыта. Для проверки этого предположения ревизоры проанализировали движение основных товаров по магазину в период от инвентаризации на 1 июля 1953 г. по 9 сентября 1953 г., то есть по день последующей инвентаризации. Анализом составленных ведомостей количественного учета поступления и расхода товаров за указанный период было установлено, что остаток по отдельным группам товаров в магазине на 9 сентября 1953 г. увеличен на 47 259 руб. Такие же увеличения имели место и при последующих инвентаризациях. Ревизия установила, что по инвентаризации остатков товаров на 1 января 1955 г. эти остатки были увеличены минимум на 100 тыс. руб.

Протас, не оспаривая выявленной суммы недостачи и признавая правильность выведенных по инвентаризации результатов, дала показания о способе сокрытия расхищенных сумм, а также указала нескольких соучастников хищения.

Она показала, что при инвентаризации на 9 сентября 1953 г. бывшим товароведом райпотребсоюза Астаповичем (позднее он был избран председателем этого же сельпо) была выявлена недостача товароматериальных ценностей

свыше чем на 20 тыс. руб., но по ее просьбе он скрыл это путем дописки товаров на недостающую сумму в акт инвентаризации. Астапович получил от нее 5 тыс. руб., которые по предложению Протас использовал для погашения недостачи, возникшей у него в магазине сельпо в тот период, когда он работал товароведом и неполностью доставлял в магазин получаемые товары.

Показание Протас нашло частичное подтверждение: при анализе с помощью ревизора документов по движению товаров в период работы Астаповича в должности товароведа было установлено, что у него действительно имелась недостача почти 5 тыс. руб., которую он затем погасил.

Этот факт подтверждал показания Протас и одновременно с этим изобличал Астаповича, отрицавшего правдивость ее показаний.

При обыске в квартире Протас вместе с другими документами, как указано выше, была обнаружена переоценочная ведомость товаров без заголовка и указания даты.

Следовало установить, не имеет ли какого-нибудь отношения этот документ к скрытому хищению товароматериальных ценностей. Мне было известно, что переоценка товаров в период работы Протас заведующей магазином проводилась на 1 апреля 1953 г. и на 1 апреля 1954 г. Поэтому, изъяв из бухгалтерии сельпо акты переоценки товаров на указанные даты, я совместно с ревизорами произвел тщательное сличение обнаруженной при обыске ведомости с переоценочными ведомостями товаров в магазине на 1 апреля 1953 г. и на 1 апреля 1954 г. При сличении оказалось, что подобная переоценочная ведомость имеется при акте переоценки товаров на 1 апреля 1954 г. Однако в ведомости, обнаруженной в квартире Протас, записано чайников электрических — 94 штуки, а в акте переоценки товаров, изъятом из бухгалтерии сельпо, записано чайников электрических 294 штуки, то есть на 200 штук больше.

Председатель комиссии по проведению переоценки товаров на 1 апреля 1954 г. Стома на допросе показал, что акт переоценки товаров он подписывал дважды: один раз после составления его в магазине, а второй раз по просьбе Протас значительно позже. Это дало основание полагать, что мною из дел бухгалтерии сельпо изъят не

первичный акт, составленный комиссией в магазине, а переписанный с увеличенным количеством товаров. Стома также показал, что, подписывая второй акт переоценки товаров, он не сверял его с актом, который подписал ранее.

Для проверки факта переписки акта и увеличения количества товаров ревизору было поручено составить ведомость движения товаров за период от предыдущей инвентаризации до 1 апреля 1954 г. Это дало возможность установить, что в акте переоценки увеличено количество товаров, подлежащих переоценке в связи со снижением цен, на 191 тыс. руб. и соответственно уменьшено на такую же сумму товаров, не подлежащих переоценке. В результате такой операции сумма переоценки товаров в магазине увеличилась на 24 тыс. руб. В виду того что райфо возместило разницу от переоценки товаров из госбюджета, бухгалтерия сельпо в свою очередь списала с подотчета Протас эту сумму, и на эту сумму уменьшился книжный остаток товаров. Фактически же товары в магазине остались и были проданы. Это наводило на мысль, что в оформлении фиктивной операции по излишнему списанию суммы уценки товаров на 24 тыс. руб. вместе с Протас должен был участвовать кто-либо из работников бухгалтерии сельпо, а также из числа членов комиссии по переоценке товаров.

Протас признала, что фиктивную операцию с допиской в акт товаров, подлежащих переоценке, за счет товаров, не подлежащих переоценке, с целью хищения суммы уценки рекомендовал ей сделать старший бухгалтер сельпо Виняцкий. Протас показала также, что первичный акт переоценки, написанный в магазине комиссией, она, по указанию Виняцкого, переписывала вместе с членом комиссии Домбровской. Из присвоенных таким образом 24 тыс. руб. она передала Виняцкому денег и товаров на 12 тыс. руб., а 2 тыс. руб. Домбровской. Остальные 10 тыс. руб. взяла себе.

В подтверждение своего показания Протас сообщила, что в бухгалтерии сельпо должен быть первичный акт переоценки, составленный комиссией, который они после переоценки не уничтожили. Произведенным обыском в бухгалтерии сельпо удалось найти четыре страницы первичного акта переоценки.

Допрошенные работники бухгалтерии сельпо показали, что таксировку акта переоценки по магазину, где работала

Протас, проводил сам старший бухгалтер сельпо Виняцкий, тогда как по всем другим магазинам эту работу он поручал счетоводам сельпо.

Так как Протас показала, что присвоенную сумму в 24 тыс. руб. она изъяла из выручки магазина не сразу, а в течение некоторого времени после проведения переоценки, то для проверки этого обстоятельства был проведен анализ сдачи выручки из магазина в кассу сельпо. Этот анализ показал, что сумма выручки по магазину после 1 апреля 1954 г. резко уменьшилась.

Тщательно просматривая в бухгалтерии сельпо товарные отчеты заведующей магазином Протас, я обратил внимание на счет-фактуру № 214 от 28 июня 1954 г. По этому счету Протас якобы сдала на базу райпотребсоюза 800 кг хозяйственного мыла на сумму 4100 руб. Этот счет-фактура вызывал сомнение в его товарности, так как у Протас не было необходимости сдавать на базу такое большое количество мыла. При другом отчете Протас я обнаружил счет-фактуру № 1387 от 24 августа 1954 г. на обратное получение с базы в магазин мыла хозяйственного 800 кг на сумму 4100 руб.

Допрошенная по поводу этих документов Протас показала, что они бестоварные и были выписаны для сокрытия недостачи на 1 июля 1954 г. Для проверки этого показания ревизор составил ведомость движения мыла в магазине хозяйственных товаров за период от предыдущей инвентаризации до 28 июня 1954 г. Ревизией было установлено, что на 28 июня 1954 г. в магазине не могло быть более 225 кг хозяйственного мыла на сумму 949 руб., а, следовательно, фактура № 214 является действительно бестоварной. Указанная фактура была оформлена Астаповичем, работавшим в это время уже председателем сельпо, что в свою очередь подтверждало преступную связь Астаповича с Протас и с заведующим базой райпотребсоюза Сивко.

Изучением приходных и расходных документов был также обнаружен счет-фактура на отпуск из магазина на базу райпотребсоюза разных товаров на сумму 10 880 руб. Количественным анализом отдельных видов товаров, значившихся в этом счете-фактуре, устанавливалось, что такие товары вообще в магазин не поступали, а значит, и сдавать их на базу Протас не могла.

Насколько важно тщательно изучать и осматривать

документы по делам о хищении, можно наглядно показать на примере с одной накладной, обнаружение которой помогло подтвердить преступную связь Протас с председателем Плисского райпотребсоюза Дубовским, который отрицал факты получения от Протас продуктов и вещей. Просматривая документы, приложенные к отчетам Протас, я обнаружил расходную накладную на отпуск в чайную райпотребсоюза 53 кг польской колбасы. Было совершенно непонятно, каким образом магазин хозяйственных товаров мог отпустить колбасу, которая по документам в магазин никогда не поступала. Расследуя этот факт, я установил, что, используя деньги из выручки магазина, Протас закупала скот для сельпо. Никакого учета закупленного скота не велось, акты на убой скота не оформлялись. По указанию Дубовского, закупленные на кооперативные средства кабан и коровы были забиты, и из их мяса Протас организовала изготовление около 120 кг колбасы, часть которой (около 70 кг) передала жене Дубовского, а 53 кг отпустила в чайную райпотребсоюза.

Допрошенные свидетели, изготовлявшие колбасу, показали, что в их присутствии Протас передала колбасу жене Дубовского.

Изобличенная показаниями свидетелей и накладной на отпуск колбасы в чайную, Протас подробно рассказала о преступной связи с Дубовским. Оказалось, что о наличии крупной растраты в хозяйственном магазине Дубовский знал уже с сентября 1954 года и всячески помогал Протас скрывать растрату путем переброски товаров из ее магазина в другие торговые точки райпотребсоюза с завышенными ценами. Дубовский систематически пьянствовал у Протас, получал от нее водку, мясо, каракуль, коврики и другие вещи, которые Протас для него закупала. Тратила Протас деньги и на свои нужды.

Кропотливая работа с документами помогла достаточно полно изобличить в хищении кооперативных средств и старшего бухгалтера сельпо Виняцкого. Из бухгалтерских документов было видно, что Виняцкий сам несколько раз получал товары на базах Полоцка. Такой необходимости в условиях Лужского сельпо не было. В Полоцк был командирован ревизор для сверки накладных на товары, оприходованные сельпо, с накладными баз, по которым товары получал сам Виняцкий.

Надо отметить, что в бухгалтерии имелся акт сверки

расчетов сельпо с базами, но этот акт вызывал сомнение, потому что эту сверку расчетов делал сам Виняцкий.

При встречной сверке накладных было установлено, что некоторые из товаров, полученные на Полоцкой базе для сельпо, Виняцкий в склад сельпо не сдал, а присвоил, что лишний раз подтверждало участие Виняцкого в хищении денежных средств и товаров. Это говорило о том, что в акте сверки имелись записи, не соответствовавшие действительности.

Таким образом, в результате тщательного изучения обнаруженных документов и проверки их с помощью ревизии, а также следственным путем была установлена общая сумма расхищенных кооперативных средств в 211 тыс. руб.

Протас, Виняцкий, Дубовский, Астапович и другие лица, способствовавшие своими действиями и бездействиями растрате, были преданы суду и осуждены.

---

*Следователь транспортной прокуратуры
Основянского участка Южной ж. д.*

юрист 3-го класса

И. Н. Барышев

ИНСЦЕНИРОВКА ОГРАБЛЕНИЯ ВАГОНА-ЛАВКИ

В транспортную прокуратуру Основянского участка Южной ж. д. поступил материал ревизии магазина № 3 на станции Основа, из которого усматривалось, что у заведующего магазином Сылкина за период с 21 июня по 3 октября установлена недостача товаро-материальных ценностей на общую сумму 11 137 руб.

В своих письменных объяснениях начальнику орс Сылкин, подтверждая правильность выводов произведенной ревизии, объяснял образование недостачи своей халатностью.

По материалам ревизии магазина № 3 было возбуждено уголовное дело по признакам ст. 99 УК УССР (халатное отношение к служебным обязанностям).

Сылкин, допрошенный по факту недостачи, показал, что деньги или товары могли присвоить ранее работавшая заведующей отделом магазина Глазкова и ученица продавца Александрова. В подтверждение своих предположений Сылкин заявил, что Глазкова вскоре после увольнения из орс приобрела автомобиль «Победа», а у Александровой он однажды обнаружил спрятанную банку крема стоимостью в 5 руб.

Показания Сылкина в этой части не нашли своего подтверждения. Допросом свидетелей было установлено, что муж Глазковой — по специальности шофер, действительно приобрел автомобиль, только не новую «Победу», как об этом показывал Сылкин, а подержанный автомобиль марки «Москвич» за 4 тыс. руб. Основную часть стоимости автомобиля Глазков позаимствовал у родственников, которые это подтвердили. Александрова показала, что банку

крема для лица она брала с разрешения Сылкина. Отбрав для себя некоторые товары, в том числе и банку крема, она сама передала их Сылкину для упаковки. Сылкин разрешил Алексановой деньги за товары принести после обеденного перерыва. Все свидетели характеризовали Глазкову и Александову только с положительной стороны.

Из допроса свидетелей и в результате проверки личного дела Сылкина стало известно, что он работает на разных должностях в торговой системе с 1926 года. Работу магазина он знает хорошо и при получении и отпуске товаров всегда их тщательно проверяет. Не случалось в магазине и хищений товаров посторонними лицами.

Вместе с тем было установлено, что Сылкин живет явно не по средствам. Он и его сожительница Тисленко систематически пьянствовали, что подтверждалось показаниями многочисленных свидетелей. Сылкин часто появлялся на работе в нетрезвом виде. Имел место случай, когда Сылкин заснул пьяный в помещении магазина и не открывал его на стук продавцов. Прибывшие по вызову работники милиции взломали дверь магазина и обнаружили Сылкина, спавшего на полу среди полученного товара.

Продавец магазина Глазкова, сменившая ее Чумаченко и Александрова показали, что Сылкин неоднократно брал из выручки продавцов по 500—600 руб. (кассового аппарата в магазине не было) якобы на приобретение для магазина инвентаря. Забрав деньги, Сылкин не появлялся на работе по два-три дня. Инвентарь, он не приобретал и деньги не возвращал. Сылкин не отрицал, что неоднократно брал из выручки по 500—600 руб. на приобретение инвентаря, но, так как инвентарь приобрести не удалось, деньги он якобы сдавал вместе с выручкой магазина.

Главный бухгалтер орсса Сапожников показал, что Сылкин не имел права брать из выручки деньги для приобретения инвентаря без разрешения руководства орсса. Такого разрешения Сылкин не получал. Кроме того, у Сылкина отсутствовала необходимость в приобретении инвентаря на такую большую сумму. За все время работы в магазине Сылкин приобрел инвентаря всего на 60 руб. (плакаты и деревянные метры).

В целях обнаружения ценностей, принадлежащих Сылкину, у его сестры — Босенко был произведен обыск,

причем, в старых книгах удалось найти два письма, которые Босенко писала родственникам, но забыла отправить. Из писем усматривалось, что Сылкин дал своей сожительнице Тисленко из кассы магазина 1000 руб. для погашения совершенной ею растраты по ларьку № 343 Харьковского промторга.

Проверка показала, что у Тисленко в июле, действительно, выявили недостачу в 1052 руб. Эту сумму она возместила.

Продавец магазина Чумаченко сообщила, что принимая мануфактурно-обувной отдел от Глазковой, она слышала от нее, что Сылкин завышал остатки товаров при инвентаризации, скрывая тем самым недостачу товарно-материальных ценностей. Глазкова подтвердила показания Чумаченко.

Для проверки указанного обстоятельства была назначена судебнобухгалтерская экспертиза.

Подтвердив наличие недостачи по магазину в 11 137 руб., экспертиза, располагая лишь данными суммарного учета, не смогла ответить на вопрос о том, когда именно образовалась недостача товаров и не было ли приписок товара при очередных инвентаризациях.

Стало очевидно, что необходимо восстановить количественный учет по магазину. Такое задание и получили от меня ревизоры орс.

Количественный учет удалось восстановить путем анализа движения товара по отдельным наименованиям. Собрав все накладные Сылкина, приложенные к его товарным отчетам, ревизоры проследили движение каждого из товаров по инвентаризационным периодам.

В результате оказалось, что Сылкин систематически завышал остатки товаров и тем самым скрывал имевшуюся недостачу.

Так, например, сатин по 11 р. 60 к. на 1 апреля имелся в количестве 80 м на сумму 928 руб. За период до следующей инвентаризации — 21 апреля (того же года) поступление сатина не отмечено. Однако в инвентаризационной ведомости на 21 апреля показан остаток сатина 238,1 м на сумму 2761 р. 36 к. Если считать, что за инвентаризационный период ни одного метра сатина не продали, то и в этом случае Сылкин приписал 158,1 м сатина на общую сумму 1833 р. 36 к.

Судебнобухгалтерская экспертиза подтвердила, что у Глазковой на момент передачи ей мануфактурно-обувного отдела 21 апреля недостача отсутствовала.

Всего же таким образом Сылкин завысил остатки товаров на 11 425 руб., чем была завуалирована недостача товаров на такую же сумму.

Сылкин, ознакомленный с доказательствами, собранными по делу, признал себя виновным в том, что систематически изымал деньги из выручки на собственные нужды, а образовавшуюся недостачу товаро-материальных ценностей скрывал путем завышения фактического наличия товаров при очередных инвентаризациях.

Собранных по делу доказательств было достаточно для окончания расследования. Однако я не считал возможным это сделать. Дело в том, что в характеристике, имевшейся в личном деле Сылкина, выданной орсом Белгородского отделения Южной ж. д., где он до декабря 1952 года заведовал вагоном-лавкой, приводился пример халатного отношения Сылкина к работе: в 1952 году неизвестные лица, воспользовавшись его небрежностью, ограбили вагон-лавку, забрав 50 тыс. руб.

Я решил проверить, возбуждалось ли уголовное дело об ограблении вагона-лавки. Оказалось, что следствие вели работники линейного и дорожного отделов МГБ (позже отделы милиции) в течение семи месяцев, но, так как преступники обнаружены не были, с санкции прокурора Белгородского участка Южной ж. д. дело прекратили.

Дело об ограблении вагона-лавки было возбуждено по устному заявлению Сылкина. Несмотря на то что следствие отвергло версию об ограблении лавки неизвестными лицами, а, напротив, собрало доказательства, дававшие основание предполагать, что ограбление инсценировал Сылкин в целях сокрытия хищения, дело все же прекратили. Впоследствии дело возобновлялось и прекращалось несколько раз.

В материалах прекращенного дела имелось несколько протоколов допроса Сылкина.

Сылкин показал, что 28 декабря 1952 г. во время стоянки вагона-лавки на станции Крейда Южной ж. д., когда он возвращался от дежурного по станции, в 18 час., на него напали неизвестные лица. Открыв дверь тамбура, Сылкин, по его показаниям, хотел открыть вторую дверь в жилое помещение вагона-лавки, но в этот момент кто-то

сзади нанес ему удар по голове с правой стороны. Он потерял сознание, а когда пришел в себя, то оказался связанным и лежащим на полу — туловищем в жилом помещении вагона-лавки, а ногами в тамбуре. После этого он якобы кричал и призывал на помощь, однако никто на его зов не пришел. Примерно через час к вагону-лавке подошел подросток Яструбенко, которому Сылкин крикнул, что его связали, а вагон-лавку ограбили. Сылкин попросил сообщить об этом начальнику станции Гончаренко. Яструбенко так и сделал, и начальник станции немедленно прибежал к вагону-лавке. Не заходя в вагон, он спросил Сылкина, что с ним произошло. На это последний ответил: «Я убитый, спасай меня». Гончаренко спросил Сылкина, один ли он в вагоне, на что Сылкин ответил утвердительно. Гончаренко вошел в вагон и развязал Сылкину руки и ноги. После этого Сылкин предложил Гончаренко войти в торговое помещение вагона и посмотреть, что взяли преступники. Гончаренко отказался это сделать и вызвал работников милиции.

В своих показаниях Сылкин утверждал, что грабители похитили выручку, находившуюся в двух коробках от обуви; третью коробку с выручкой, в которой было 12 031 руб., преступники не взяли.

Следует отметить, что в момент возбуждения дела в 1952 году работники милиции проделали большую работу для обнаружения преступников. Лавку и окружающую местность несколько раз сфотографировали, составили план места происшествия и протокол его осмотра. Привели служебную собаку, опросили всех очевидцев происшествия.

Вместе с тем уже в начальной стадии расследования работники милиции допустили ошибку, которая отрицательно сказалась на его результатах. В связи с тем, что дознанием по делу Сылкина занималось несколько сотрудников милиции, они при оформлении материалов не сохранили важные вещественные доказательства.

После тщательного изучения материалов прекращенного дела и проверки некоторых деталей мы поставили вопрос перед Транспортным прокурором Южной ж. д. об отмене постановления о прекращении данного дела, так как установили, что по делу не был проверен ряд фактов, имеющих важное значение. Постановление о прекращении дела прокурор дороги отменил.

Ознакомившись с делом, я совместно с прокурором участка составил план следственных действий. Для расследования я выехал в Белгород, а затем на станцию Крейда.

Прежде всего путем допроса свидетелей — жителей станции Крейда, я решил восстановить обстановку, при которой, по словам Сылкина, произошло ограбление.

Свидетели показали, что вагон-лавка в момент ограбления стояла неподалеку от помещения станции Крейда и в 5 м от весовой будки, в которой проживала семья стрелочника Желтоножко. На таком же расстоянии от вагона-лавки находился склад лесоматериалов, охранявшийся сторожем Покроевым. Поблизости находился стрелочный пост, где дежурил стрелочник Четвериков.

28 декабря 1952 г. было воскресенье, и молодежь стационного поселка гуляла на привокзальной площади в нескольких метрах от вагона-лавки. Это делало неправдоподобными показания Сылкина о том, что никто в течение часа не слышал, как он призывал на помощь.

Допрошенные в качестве свидетелей супруги Желтоножко, стрелочник Четвериков, сторож Покроев и ряд других лиц показали, что не видели кого-либо, кто бы подходил к вагону-лавке вечером 28 декабря, кроме Сылкина. Супруги Желтоножко показали, что в тот вечер они были дома, но никакого крика Сылкина не слышали, а собака около дома не лаяла (по словам хозяина, она никого из посторонних лиц к дому без лая подпустить не могла).

Собранные данные исключали ограбление вагона-лавки неизвестными преступниками. Но это еще не значило, что мы уже доказали инсценировку ограбления вагона-лавки с целью сокрытия, имевшейся у Сылкина растраты. Прежде всего следовало выяснить, могла ли 28 декабря в вагоне-лавке быть выручка в 62 031 руб. Эта сумма складывалась из оставшихся после ограбления 12 031 руб. и недостачи товарно-материальных ценностей на 50 тыс. руб., которая была установлена инвентаризацией на 31 декабря. Сылкин утверждал, что именно в этом объеме похищена выручка.

Исследование я начал с восстановления количественного учета. В результате оказалось, что Сылкин систематически завышал количество товаров при инвентаризациях так же, как и по магазину № 3. Так, количество

ткани «вуаль» в инвентаризационной ведомости от 13 ноября 1952 г. он завысил на 165,5 м на сумму 1356 р. 25 к. Всего же Сылкин по вагону-лавке завысил фактический остаток товара на 9671 р. 49 к., чем скрыл недостачу товарно-материальных ценностей на ту же сумму.

Собранные следствием данные подтверждали виновность Сылкина.

1. Сылкин никогда ранее не торговал в лавке один без продавца Чумаченко. За несколько дней до «ограбления» Сылкин, без ведома руководства орска и без каких-либо к тому причин, предоставил ей отпуск с 22 по 28 декабря. Проверкой было установлено, что Чумаченко отпуск не полагался и сам Сылкин отпуск предоставить ей не имел права.

2. Выручку по вагону-лавке полагалось сдавать ежедневно. Однако в нарушение установленного порядка Сылкин с 22 по 28 декабря 1952 г. не сдавал выручку.

3. Судебно-медицинская экспертиза 29 декабря 1952 г. дала заключение, что «на лобно-височной части головы Сылкина с правой стороны на волосистой части имелся незначительный поверхностный кровоподтек размером 2×1,5 см, и это дает основание полагать, что удар, вызвавший этот кровоподтек, не мог привести к потере сознания, тем более что, по объяснениям самого Сылкина, в момент нанесения удара поврежденное место закрывала шапка-ушанка».

4. Следственным экспериментом, проведенным 30 декабря 1952 г. на станции Крейда, и заключением судебно-медицинской экспертизы было установлено, что в тех условиях, о которых говорил Сылкин, нанести ему удар (в узком тамбуре) в правую лобно-височную часть головы такой силы, что он мог бы потерять сознание, практически невозможно.

5. Начальник станции Крейда Гончаренко, первый явившийся на место происшествия, показал, что руки Сылкина были связаны за спиной прорезиненным ремнем настолько слабо, что он, Гончаренко, свободно вынул их из петли, не разрывая ремня. Ноги Сылкина связаны были так, что узел находился на передней поверхности и их легко можно было освободить, не развязывая ремня.

В процессе следствия я установил, что Сылкин 7 февраля 1952 г. во время стоянки вагона-лавки во дворе материального склада станции Белгород так не пытался

инсценировать ограбление. Он пришел ночью, сорвал с дверей пломбы и ушел, а, явившись через два-три дня, заявил, что из вагона-лавки похитили ценности. Лишь меры, принятые работниками милиции, не дали ему возможность реализовать свое намерение.

Милиция сразу же допросила сторожа и других лиц, которые видели, что пломбы сорвал Сылкин. Его предупредили, что в случае недостачи он будет нести уголовную ответственность. Проведенная после этого ревизия недостачи не установила.

Собранные воедино косвенные доказательства подтверждали виновность Сылкина в инсценировании ограбления с целью сокрытия хищения¹.

Линейный Транспортный суд Южной ж. д. признал Сылкина виновным в хищении 11 425 руб. и в совершенном в 1952 году хищении 59 129 руб. и приговорил его к 10 годам лишения свободы.

Киевский окружной Транспортный суд приговор оставил в силе.

---

¹ Расследование дела было закончено старшим следователем прокуратуры Южной ж. д. т. Корженевским.

---

*Прокурор следственного отдела
прокуратуры Армянской ССР*

Г. А. Петросян

ХИЩЕНИЯ, СКРЫТЫЕ ФИКТИВНЫМИ БУХГАЛТЕРСКИМИ ПРОВОДКАМИ

28 июня 1954 г. управление милиции Еревана получило анонимное письмо о том, что заведующий-продавец магазина № 1 промкомбината Сталинского района Еревана Оганесян в своем отчете за май месяц 1954 года указал, что по счету-фактуре № 142 от 14 мая 1954 г. списаны в расход товары на сумму 22 205 руб., как якобы отпущенные Ереванскому кожзаводу по предъявленной от имени последнего доверенности, и что сумма счета 22 205 руб. была перечислена банком на расчетный счет магазина по инкассовому поручению.

Произведенная на этом основании первоначальная оперативная проверка установила, что в указанном счете значились отпущенными следующие промышленные товары: брюки 200 штук, куртки 200 штук и простыни 10 штук. Таких товаров во вверенном Оганесяну магазине не было. При дальнейшей проверке выяснилось, что счета № 142 в делах кожзавода не имеется, а товары, указанные в нем, заводом не получены. Перечисленную же сумму заместитель главного бухгалтера кожзавода Калантарян показал как дебиторскую задолженность промкомбината.

Вышеуказанными проверками был установлен факт присвоения. Такая же сумма значилась списанной со счета магазина № 1, то есть со счета Оганесяна, за якобы отпущенные магазином кожзаводу товары по безналичному расчету.

В этой стадии следствие по делу поручили старшему следователю прокуратуры Еревана т. Карапетяну. Следо-

ватель поставил вопрос о назначении ревизии для проверки взаимных расчетов промкомбината и кожзавода.

Сверка расчетов выявила, что в течение 1953 и 1954 гг. в таком же порядке кожзаводом было перечислено на расчетный счет промкомбината всего 225 тыс. руб.

Подробно ознакомившись с добытыми материалами, и, в частности, с материалами первоначального расследования, следователь Карапетян составил подробный план следствия, в котором были выдвинуты следующие основные вопросы, подлежащие выяснению:

1. По каким счетам и сколько всего денег было перечислено со счета кожзавода на счет промкомбината?

2. Были ли получены кожзаводом товары, указанные в счетах, или нет?

3. Какими документами оформлены перечисленные суммы? Имеются ли соответствующие документы на кожзаводе и в банке?

Расследуя дело в соответствии с этим планом, следователь выяснил следующее.

Оганесян в течение 1950 и 1951 гг. работал в должности заведующего-продавца магазина № 1. Но в тот период магазин принадлежал Ереванскому горснабу, после ликвидации которого он был передан промкомбинату.

Следователь, предполагая, что Оганесян ранее тоже мог совершать аналогичные преступления, организовал бухгалтерскую ревизию для проверки деятельности Оганесяна за все годы его работы. Одновременно т. Карапетян изъясил из банка все документы и счета, касающиеся операций между кожзаводом, промкомбинатом и горснабом, и передал их в распоряжение ревизоров, поручив им выяснить правильность оформления этих документов. Бухгалтерская проверка производилась одновременно по документам трех учреждений — ликвидированного горснаба, промкомбината и кожзавода.

Проверка показала, что сумма в таком же порядке, перечисленная кожзаводом горснабу, составляет 186 723 руб., а сумма, перечисленная тем же заводом промкомбинату, составляет не 225 тыс. руб., как ранее было известно, а 416 тыс. руб., то есть на 191 тыс. руб. больше.

Таким образом, было установлено, что кожзавод перечислил на счет магазина № 1, директором которого был Оганесян, за период времени с 1950 по 1954 гг. свыше

600 тыс. руб. Эта сумма полностью значилась списанной с подотчетного счета Оганесяна, но кожзавод по его счетам никаких товаров не получал.

На предварительном следствии как Оганесян, так и заместитель главного бухгалтера кожзавода Қалантарян признали незаконность совершенных операций, но отрицали присвоение ими денег. Оганесян объяснил, что указанные в счетах товары были фактически отпущены кожзаводу. Қалантарян же заявил, что все указанные суммы он перечислял под угрозами Оганесяна.

Следователь поставил перед ревизорами, проверявшими документацию в промкомбинате, задачу выяснить, имел ли Оганесян в магазине в дни составления счетов-фактур выписанные им кожзаводу товары или не имел и мог ли он выписанные товары фактически отпустить кожзаводу.

Проверкой было установлено, что магазин большинство товаров этих наименований не имел и не получал. Следовательно, Оганесян не мог отпустить кожзаводу указанные в счетах товары. Наряду с этим ревизоры получили задание проверить ежедневную и ежемесячную сумму выручки магазина как за те месяцы, когда по счетам выписывались товары кожзаводу, а также и за те месяцы, когда товары по счетам не выписывались.

Разрешение этого вопроса имело для дела решающее значение. Выяснилось, что за те месяцы, когда счета не выписывались, средняя месячная выручка составляла 50—60 тыс. руб., а в те месяцы, когда счета выписывались, она составляла 1—2 тыс. руб. Это обстоятельство свидетельствовало о том, что товары, которые указывались в счетах как отпущенные кожзаводу, фактически были реализованы в магазине, а выручка присвоена.

В таком же порядке ревизоры проверили и горснаб. Аналогичная картина была установлена и здесь.

Суммы товаров, реализованных по перечислениям и за наличные деньги, выражались в следующих цифрах: выручка за октябрь 1951 года наличными составила 3150 руб., а по перечислениям — 87 975 руб. Выручка за ноябрь — декабрь того же года наличными составила 300 руб., а по перечислениям — 87 673 руб.

В первом квартале 1952 года выручка наличными составляла 2 300 руб., а по перечислениям — 125 615 руб.

За те же месяцы, когда перечислений не было, выручка наличными составляла 60 тыс. руб.

Каким же образом Калантарян скрывал указанные в счетах присвоенные суммы?

Прежде всего он выписывал подложные счета об отпуске товаров, на которых собственноручно делал фиктивные отметки о получении товара, и подделывал на доверенностях подпись лица, на чье имя была выписана доверенность.

Имея большой опыт бухгалтерской работы, Калантарян (он много лет работал на кожзаводе в качестве главного бухгалтера) весьма ловко скрывал свои махинации. Следует отметить, что он не оставил в делах кожзавода ни одного документа, послужившего основанием для оформления, а оформление производил на основании банковских выписок, показывая меньшие суммы, чем на самом деле списывались, и вуалировал их в месячных индексах, оборотных ведомостях и балансе.

Калантарян, не довольствуясь тем, что не оставлял в бухгалтерских делах ни одного документа, при обработке-разноске банковских сумм части этих сумм дал правильное оформление, отнеся на балансовый шифр № 089 «счет поставщиков», но затем по проводке кредитовал на балансовый шифр № 181 (на счет реализации) и дебитовал на шифр № 093 (налог с оборота финансовых органов). Таким путем он и скрыл факты присвоения денег.

В течение 1950—1954 гг. Калантарян совершил следующие противозаконные оформления:

422 491 р. 16 к. оформил по счету доходов завода,

81 213 р. 70 к. оформил по счету кредиторской задолженности,

36 тыс. руб. оформил по счету повышения себестоимости,

41 704 р. 67 к. оформил по счету общезаводских расходов,

22 205 руб. Калантарян показал как дебиторскую задолженность промкомбината.

Таким образом, заведующий-продавец магазина промкомбината Оганесян и заместитель главного бухгалтера кожзавода Калантарян путем указанных преступных комбинаций из государственных средств присвоили всего 603 614 р. 53 к. Благоприятные условия для этого создали

старшие бухгалтеры промкомбината Аразян, Манташян и бухгалтер Чибухчян, которые обязаны были наблюдать за деятельностью магазина Оганесяна, и, в частности, за своевременным внесением ежедневной выручки магазина в кассу, но по халатности этого не делали. Так, например, Калантарян и Оганесян за период работы Аразян присвоили по шести счетам 274 815 руб., за время работы Манташяна они присвоили по пяти счетам 116 880 руб., а за время работы Чибухчяна по десяти счетам присвоили 367 575 руб.

Калантарян и Оганесян полностью сознались в совершенных ими преступлениях.

Верховный Суд Армянской ССР приговорил преступников к строгому наказанию.

---

*Прокурор-криминалист прокуратуры
Саратовской области*

младший советник юстиции

П. И. Медведев

ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПИСЬМА ДОЛЖНЫ БЫТЬ ДЕЙСТВЕННЫМИ

Информационные письма являются ценным методическим пособием. Они помогают следователям и прокурорам лучше изучить способы совершения различных преступлений, помогают усвоить методику их расследования, а также содействуют обмену опытом применения научно-технических средств с целью выявления следов и использования вещественных доказательств.

Однако не всегда информационно-методические письма дают ожидаемые практические результаты.

Это объясняется тем, что некоторые прокуроры и следователи, прочитав такое письмо и удовлетворив свое любопытство, этим и ограничиваются. Между тем, и это совершенно очевидно, все без исключения прокуроры и следователи обязаны рассматривать информационные письма как директиву к действию. Каждый прокурор и следователь отлично знают, каким образом лучше всего использовать данные, содержащиеся в письме, и где могут быть обнаружены те преступления, о которых идет в нем речь.

Именно в этих случаях прокуроры и следователи могут и должны проявить инициативу. Конечно, при крайней необходимости следственные отделы могут специально потребовать от местных работников организации особой проверки с целью обнаружения преступлений, совершаемых по способу, описанному в данном письме. В этих исключительных случаях можно даже устанавливать сроки осуществления таких проверок.

Практика работы прокуратуры Саратовской области показывает, какую пользу может принести инициативное использование информационных писем.

В мае 1956 года прокуратура Ершовского района установила, что заведующий базой Ершовского райпотребсоюза Белугин при продаже колхозам, МТС и совхозам цемента отпускал по накладным без взвешивания каждый куль цемента за 50 кг. Фактически же при взвешивании этого цемента на местах — в колхозах, МТС и совхозах вес кулей оказывался от 34 до 43 кг. «Сэкономленный» таким путем цемент в количестве 68 т Белугин затем продал за наличный расчет гражданам и разным организациям, а деньги в сумме 25 586 руб. присвоил.

Зная о том, что цемент отпускается из многих торговых баз райпотребсоюзов и горторгов, следственный отдел прокуратуры Саратовской области разослал прокурорам районов и следователям соответствующее информационно-методическое письмо.

Было предложено проверить, не отпускается ли в их районе с баз и складов цемент без взвешивания, и установить, не имело ли место в связи с этим хищение цемента и денежных средств аналогичным способом.

Для проведения этой работы прокурорам был установлен определенный срок.

В связи с проверкой удалось вскрыть ряд новых преступлений. К уголовной ответственности были привлечены и осуждены за обвешивание покупателей, хищение цемента и денежных средств кладовщик склада Свердловского сельпо Ершовского района Белоглазов и кладовщик склада Энгельского горторга Боголей.

Кроме того, проверка позволила выявить большие излишки цемента на других складах и базах.

Так, при реализации пяти вагонов цемента заведующим базой Базарно-Карабулакского райпотребсоюза Прохоровым был создан излишек цемента в количестве 205 ц за счет обвешивания. При продаже 3482,5 ц цемента в кулях без взвешивания заведующий базой Татищевского района создал излишек в 43,4 ц.

Обнаруженные благодаря вмешательству прокуратуры излишки цемента были оприходованы.

Вскрыты также многочисленные факты отпуска цемента с баз в кулях без взвешивания и в других районах — Федоровском, Балаковском и др.

Но в связи с тем что отпущенный цемент на момент проверки многими потребителями был уже израсходован, не представилось возможным установить, сколько цемента недоставало в кулях. Однако ряд заведующих баз за нарушение порядка отпуска цемента получили административные взыскания.

В облпотребсоюз прокуратура области направила представление с указанием на необходимость запрещения отпуска цемента в кулях без взвешивания. Облпотребсоюз согласился с представлением и дал на места указания о продаже цемента только по весу.

Таким образом, в результате выполнения нашего задания по информационному письму было возбуждено два уголовных дела. По двум базам за счет обвешивания оказалось в излишке 248,4 ц цемента, который был оприходован.

Можно привести и другие примеры подобного рода. Так, например, П. В. Соболев и его двоюродный брат И. И. Соболев, неоднократно в прошлом судимые, заключили с колхозом «Чапаевец» Чапаевского района кабальный договор о поставке ими колхозу леса из Марийской АССР. На имя П. В. Соболева в Марийском отделении госбанка колхозом был открыт счет. Соболевы как частные предприниматели закупали лес в Юринском районе Марийской АССР по 60—70 руб. за 1 куб. м, а продавали колхозу по 180 руб. Кроме того, ими составлено 274 фиктивных документа на выплату денег якобы за заготовку и погрузку леса. Всего ими присвоено денежных средств за счет указанного колхоза 160 тыс. руб. Следствие по этому делу вел старший следователь областной прокуратуры г. Прохоров. При обыске у П. В. Соболева он изъясил на 39 тыс. руб. облигаций 3%-ного внутреннего выигрышного займа и 26 614 руб. наличными, у И. И. Соболева — 2819 руб. Соболевы осуждены к лишению свободы.

Предполагая, что подобные факты могут иметь место и в других районах, прокуратура области разослала соответствующее информационно-методическое письмо. Одновременно следственный отдел предложил прокурорам районов проверить в колхозах и совхозах порядок закупки леса. Для проверки был установлен определенный срок.

Оказалось, что для колхоза «Красный боец» Пугачевского района лес закупал в Марийской АССР родственник

Соболевых — Ф. И. Соболев. Он составил ряд фиктивных документов на трелевку, вывозку леса и погрузку его в вагоны на 218 тыс. руб.

Для колхозов имени Сталина и имени Буденного Пугачевского района лес заготавливал в Марийской АССР частный предприниматель Глунцов, составивший фиктивные документы на сумму более чем 70 тыс. руб.

Таким образом, в результате организованной по заданию следственного отдела проверки было возбуждено два уголовных дела, привлеченные по которым преступники, как установило следствие, похитили крупные суммы денежных средств.

Итогом наших двух информационно-методических писем явилось раскрытие четырех новых преступлений. Кроме того, в процессе проверки порядка отпуска цемента и заготовки леса была проделана большая профилактическая работа по предотвращению дальнейших преступлений.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

РАССЛЕДОВАНИЕ УБИЙСТВА «ПО СВЕЖИМ СЛЕДАМ»

Старший следователь прокуратуры Киева т. Вольниченко сообщает о проведенном им расследовании убийства.

6 февраля 1956 г. около шести часов утра в Киеве на Павловской улице около забора обнаружили зимнее мужское пальто, сильно испачканное кровью.

В карманах пальто оказалось несколько почтовых квитанций на имя Капитоненко.

В час дня того же 6 февраля в районе Аскольдовой могилы был обнаружен труп человека. Он лежал в глубокой балке. На трупе не было пальто и головного убора. На голове трупа, в затылочной части, имелись повреждения, проникающие в черепную полость. Одежда на трупе, а также голова и руки были обильно испачканы кровью, но вокруг трупа следы крови отсутствовали. От края дороги, на почти отвесном склоне балки, до трупа ясно виднелись следы скольжения.

По предварительному заключению судебно-медицинского эксперта, повреждения на голове трупа причинены тупым твердым предметом, и смерть наступила 18—20 часов назад, то есть в середине дня 5 февраля. В карманах одежды трупа имелись письма и справки на имя Сергея Прохоровича Капитоненко.

Обстановка на месте обнаружения трупа свидетельствовала о том, что труп Капитоненко сюда откуда-то доставили.

Уголовный розыск установил, что Капитоненко многим своим знакомым жаловался на то, что его приятель Бон-

даренко должен ему 12 тыс. руб., но не хочет их возвращать.

Допросом ряда свидетелей, выявленных милицией, было установлено, что в последний раз Капитоненко видели 5 февраля на улице Володарского. На этой же улице в доме № 21 проживал тот самый Бондаренко, который якобы был должен Капитоненко 12 тыс. руб.

Как выяснилось из допроса свидетелей, во второй половине дня 5 февраля Бондаренко и его жена куда-то неожиданно уехали на принадлежащей им «Победе» и вернулись домой, когда уже стемнело. Работники милиции установили также, что днем 5 февраля Капитоненко подошел к дверям квартиры Бондаренко, позвонил, ему открыли дверь, и он вошел в квартиру. 5 февраля жена Бондаренко — Екатерина вывешивала во дворе для просушки после стирки парусиновый чехол с сиденья автомашины и суконные брюки мужа.

Одна из версий, возникших в результате анализа собранных оперативных данных, заключалась в том, что Бондаренко убил Капитоненко из корыстных побуждений.

Было решено произвести обыск в квартире и гараже Бондаренко. Однако к этому времени Бондаренко и его жены дома не оказалось, и обыск производился в присутствии их совершеннолетнего сына.

При обыске в нескольких местах на полу и стене гаража были обнаружены темно-бурые пятна. В щелях между досками пола оказались потеки жидкости красного цвета.

Проба этих пятен перекисью водорода, произведенная тут же, дала положительные результаты.

При осмотре «Победы», принадлежавшей Бондаренко, следователь обратил внимание на то, что багажник машины тщательно вымыт, и по всей видимости, совсем недавно.

Однако в гнездах шурупов, которыми крепится полка багажника, было обнаружено несколько маленьких кусочков льда розового цвета.

Все собранные при обыске вещественные доказательства со следами крови в тот же день поступили на исследование для определения видовой и групповой принадлежности крови.

После обыска за квартирой Бондаренко установили

наблюдение, и вечером того же дня задержали Екатерину Бондаренко.

Допрошенная, она заявила, что Капитоненко приходил к ним в последний раз 1 февраля. Бондаренко категорически отрицала, что она стирала чехол с сиденья автомашины и шерстяные брюки мужа. Следы, обнаруженные в гараже, по ее словам, появились после того, как там резали кур. Бондаренко также отрицала, что между ними и Капитоненко существовали какие-либо денежные взаимоотношения.

Через два дня в Киеве был задержан и Федор Бондаренко.

Экспертиза следов, обнаруженных в гараже и автомобиле, показала, что это кровь человека и относится к первой группе, то есть к той же группе, что и кровь убитого Капитоненко. В то же время кровь Бондаренко, его жены и их сына относилась ко второй группе.

Под давлением собранных по делу доказательств Бондаренко сознался в убийстве Капитоненко из корыстных побуждений. Бондаренко рассказал, что когда Капитоненко зашел к нему в гараж, он убил его ударом корпуса мины. Спрятав труп в багажник, он вместе с женой отвезли его на склоны Днепра и там бросили в балку.

На обратном пути, уже подъезжая к дому, Бондаренко вспомнил, что в машине осталось пальто убитого, и выбросил его на улице Павловской.

ИЗУЧЕНИЕ ПЫЖЕЙ ПОМОГЛО ИЗОБЛИЧИТЬ УБИЙЦУ

Старший следователь прокуратуры Великолукской области т. С и д о р е н к о сообщает о случае, когда правильно проведенный следователем т. Ш у б и к осмотр места происшествия и вещественных доказательств позволил установить убийцу.

Вблизи деревни Великая Нива Ильинского района 16 мая обнаружили труп колхозника Романовского. Осмотром на теле убитого было обнаружено несколько следов огнестрельных ранений. Около трупа находились топор, пила и несколько отпиленных от бревна чурок.

После осмотра трупа произвели тщательный осмотр местности. На расстоянии 30 м от трупа был обнаружен пыж, сделанный из куска газетного листа, на нем можно

было прочесть текст: «Творчество художников. Ленинград. 26 (корр. «Правды»)» и с другой стороны: «Университетский городок. Минск, 26 (корр. «Правды»)».

На расстоянии 4 м от пыжа, в болоте, были обнаружены мелкие кусочки пыжа, на которых видны остатки заголовка газеты «Правда».

Еще несколько дальше на месте, откуда по предположению следователя был сделан выстрел, обнаружили еще один клочок газеты, служивший пыжом, размером 7×6 см, где также можно было прочитать обрывки текста.

Следователь выяснил у собравшихся, кто из членов колхоза, имеющих охотничьи ружья, выписывает «Правду». Оказалось, что ее выписывает только председатель колхоза Терещенков.

Следователь направился в дом, где проживал Терещенков, для обыска. Здесь он обнаружил охотничье двуствольное ружье, девять заряженных патронов к нему, шесть стреляных гильз, шесть обрывков газеты «Правда», заготовленных для использования в качестве пыжей.

Следователь сравнил пыжи, находившиеся в заряженных патронах, с пыжами, обнаруженными на месте происшествия. Сопоставив куски газеты по линиям разрыва, он пришел к выводу, что эти куски ранее составляли одно целое.

В дальнейшем криминалистическая экспертиза полностью подтвердила этот вывод следователя.

Осмотром ружей, принадлежащих охотникам деревни, где жил Терещенков, и окрестных деревень было установлено, что стрельба из этих ружей накануне убийства Романовского не производилась. Следы недавнего выстрела были обнаружены лишь при осмотре ружья Терещенкова.

В процессе дальнейшего расследования было установлено, что Терещенков, превышая свои полномочия, неоднократно на совещаниях бригадиров колхоза, на заседаниях правления колхоза и в разговорах с колхозниками и бригадирами требовал, чтобы около копен сена, у штабелей бревен они ставили капканы. Он также угрожал, что будет стрелять в тех, кого застанет при расхищении колхозного имущества.

Следствием было установлено, что в ночь на 16 мая

Терещенков из принадлежащего ему двуствольного охотничьего ружья убил Романовского, отправившегося поздно вечером в лес для похищения заготовленного колхозного леса.

РАСКРЫТИЕ КРУПНОЙ КРАЖИ ДЕНЕГ

Прокурор следственного отдела прокуратуры Ивановской области т. Кольчугин описывает случай, когда правильная оценка показаний помогла выявить участников кражи крупной суммы денег (102 тыс. руб.) из кассы фабрики «Солидарность».

Осмотр места происшествия совместно с работниками милиции проводил следователь Шуйской городской прокуратуры т. Рожков.

Помещение кассы размещалось вместе с бухгалтерией на втором этаже здания конторы фабрики, а похищенные деньги, полученные накануне для выдачи заработной платы рабочим, хранились в сейфе. Следов взлома на входных дверях в бухгалтерию и замке сейфа не обнаружили. К входной двери изнутри был придвинут массивный канцелярский стол, препятствовавший входу в помещение.

Форточки двух окон этого помещения к моменту осмотра оказались открытыми. Из опроса работников бухгалтерии выяснилось, что вечером накануне происшествия обе форточки на ночь были закрыты. Одно из этих окон выходило на крышу кухни столовой, другое — в сторону строящегося цеха.

Экспертным исследованием ключей и замков, изъятых при осмотре места происшествия, устанавливалось, что замки от бухгалтерии и от сейфа следов взлома или применения подобранных ключей не имеют.

Возникло предположение, что кражу денег совершила Голицина. Эта версия была тем более основательной, что ключи от сейфа Голицина имела всегда при себе. Кроме того, как показали на допросах главный бухгалтер и работники охраны, Голицина накануне кражи не просила об усиленной охране кассы; ранее в таких случаях она предупреждала соответствующих работников о необходимости бдительно охранять кассу.

При обыске в доме Голициной под радиоприемником обнаружили 2 тыс. руб. сторублевыми купюрами.

До обыска Голицина утверждала, что у нее в доме никаких денег нет.

На допросе Голицына созналась в том, что деньги из сейфа кассы похитила она. Чтобы никто не зашел, она загородила канцелярским столом входную дверь в бухгалтерию, затем, взяв мешок с деньгами, вылезла в форточку на фабричный двор, где и спрятала большую часть денег. Остальные деньги она спрятала под сейф для того, чтобы взять их оттуда позднее.

Показания Голицыной были проверены. На указанном Голицыной месте, во дворе фабрики, денег не обнаружили. Выяснилось, что тяжелый стол, которым оказался забаррикадированным вход в бухгалтерию, Голицина не могла вообще сама сдвинуть с места. Во время проверки ее показаний Голицина не рискнула вылезти через форточку, которая была на высоте 4 м от пола. Под сейфом среди старых бумаг обнаружили 7800 руб. После этого Голицына призналась, что совершила кражу совместно со слесарем Рогожиным, у которого и должна находиться остальная часть денег.

Рогожин признал свое участие в краже денег и рассказал, что мешок с деньгами он выкинул через форточку. Сам же он через форточку другого окна вылез на крышу столовой, откуда спустился на землю и забрал мешок с деньгами.

При обыске у отца Рогожина в сарае были обнаружены 66 116 руб., которые были зарыты в землю.

За умелое расследование т. Рожкову приказом прокурора Ивановской области объявлена благодарность.

РАСКРЫТИЕ ОРГАНИЗОВАННОГО ХИЩЕНИЯ ПО ЗАЯВЛЕНИЮ ТРУДЯЩЕГОСЯ

Помощник прокурора Ждановского района Ижевска т. Синельников сообщает о расследовании организованного хищения государственных средств, вскрытого по заявлению электромонтера треста «Электромонтаж» Елгашина.

В своем заявлении Елгашин указывал, что начальник монтажного участка Соболев издает фиктивные распоряжения, на основании которых в штат зачисляются вымышленные лица.

После соответствующей проверки прокурор района возбудил уголовное дело, расследование которого поручил следователю прокуратуры Ждановского района т. Иванову, предложив т. Синельникову оказать ему необходимую помощь.

Выяснилось, что, зачисляя в штат временных или постоянных рабочих, начальник участка Соболев или старший прораб Аношкин издавали по этому поводу распоряжения. Один экземпляр распоряжения хранился в наряде на участке, а второй — высылался в отдел кадров монтажного управления. На основании этого документа начальник монтажного управления издавал приказы о зачислении названных в распоряжении лиц.

Соболев часто практиковал и временное зачисление рабочих других предприятий Ижевска, для которых производилась та или иная работа, как командированных этими предприятиями. В этих случаях в отдел кадров управления высылалось только распоряжение по участку, а приказа по предприятию, направлявшему рабочих, отдел кадров не требовал.

Это обстоятельство и использовали преступники в своих корыстных целях.

Оформление документов на заработную плату на участке Соболева производилось следующим образом.

Старший прораб Аношкин составлял акты процентов, в которых отражался объем выполненных работ. Эти акты заверялись представителями заказчика, после чего направлялись в финансовый отдел монтажного управления, который предъявлял в банк счета заказчиком, а последние их оплачивали.

В свою очередь прораб участка Касьянов составлял рабочие наряды на выполнение рабочими побригадно всех работ, увязывая их с объемом, который значился в актах-процентовках. Эти наряды поступали в бухгалтерию монтажного управления, на основании которых составлялась платежная ведомость для выплаты рабочим заработной платы.

Отдел кадров подтверждал, что лица, названные в ведомости, действительно числятся рабочими участка, после чего ведомость высылалась на участки. Поскольку здесь кассира не было, Соболев сам выдавал заработную плату рабочим, после чего ведомость с оправдательными

документами и своим авансовым отчетом возвращал в бухгалтерию управления.

Допросом лиц, которые фиктивно были зачислены на работу, выяснилось, что никаких работ на участке они не производили и денег не получали. Графическая экспертиза дала категорическое заключение, что подписи этих лиц в платежных ведомостях выполнены не ими.

Соболев, Аношкин и Касьянов таким способом похитили более 23 тыс. руб. Этот ущерб был полностью возмещен за счет имущества преступников.

ХИЩЕНИЕ МОЛОКА В КОЛХОЗЕ

Следователь Кантского района Фрунзенской области т. Стукалова сообщает о раскрытом ею способе хищения и сбыте молочных продуктов в колхозе имени Куйбышева.

Дело, о котором идет речь, возникло в связи с результатами ревизии, которая обнаружила недостачу молока за 1954 и 1955 гг. в количестве 35 285 кг.

Выясняя причины недостачи молока, следователь тщательно проверил все возникшие версии. Так, работники животноводческой фермы Изюмский и Ахматов высказали предположение, что недостача вызвана тем, что молоко давали телятам сверх установленной нормы.

Проверяя эту версию, следователь с участием ревизора осмотрел все ведомости расхода молока на телят. В результате было установлено, что молоко списывалось даже в большем количестве, чем фактически расходовалось. В частности, в отдельных случаях списание молока на выпой телятам производилось до их рождения и после их падежа.

Затем следователь решил проверить правильность сдачи молока на приемный пункт в счет поставок и государственных закупок. В связи с этим подверглись осмотру более 200 квитанций о сдаче молока на пункт колхозами и отдельными гражданами, ведомости по расчетам с молокодатчиками. Следователь допросил отдельных граждан, фамилии которых значились в квитанциях в качестве сдатчиков молока. В результате было установлено, что в квитанциях и ведомостях указаны фамилии людей, которые фактически не проживали в указанных селах, а если и проживали, то не имели коров и молока не сдавали,

или, если сдавали молоко, то в значительно меньшем количестве, чем указано в ведомостях.

Расписки сдатчиков молока в получении денег оказались поддельными.

Изобличенный в подлогах, заведующий приемным пунктом Деревянко показал, что по сговору с работниками фермы колхоза имени Куйбышева Ахматовым и Изюмским он при получении молока в квитанциях уменьшал его количество, а за счет созданного таким путем резерва выписывал бестоварные квитанции на вымышленных лиц. Деньги, причитавшиеся к выплате по этим бестоварным квитанциям, делились между участниками хищения.

Всего таким путем они похитили 25 650 руб.

Ущерб на указанную сумму был возмещен путем наложения ареста на имущество обвиняемых.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Важность изучения способов совершения преступлений, присущая нескольким уголовным делам — В. В. Желтов	3
Убийца изобличен по пальцевому отпечатку — К. М. Самохвалова	13
Действия следователя в сочтании с оперативной работой милиции — А. Б. Саксонов	21
Преступление раскрыто по следам протектора — И. Н. Шевченко	27
Мой опыт расследования дела об убийстве и покушении на изнасилование — Ю. Н. Дьяков	39
Как была доказана невиновность Агавердиевых — А. Р. Алиев	46
Дело об убийстве Патлаченко — В. Н. Юрга	54
Расследование необоснованно прекращенного дела привело к изобличению преступника — В. Г. Манюхин	59
Косвенные доказательства изобличили убийцу — Б. П. Дубейковский	67
Всестороннее расследование транспортного происшествия — Л. А. Мариупольский	74
Разоблачение шайки, обворовывавшей магазины — Э. Б. Межиковский	85
Расследование кражи со взломом — Н. И. Рубцов	96
Кража из магазина — В. И. Васильев	102
Изобличение воров по оставленным следам — М. И. Павлов	113
Расследование дела о хищении трикотажного полотна — Р. А. Васильева	119
Умышленно создаваемая пересортица — источник хищений — М. Я. Щедров	125

Расследование хищений при производстве строительных работ — Р. М. Ф рад ки н	131
Организованное хищение, совершенное при участии работников промартеля и магазина — Н. В. Ст а н и л е в и ч	142
Тщательная ревизия в сочетании с изучением документов способствовала раскрытию крупного хищения средств — Р. И. И в а н о в	149
Инсценировка ограбления вагона-лавки — И. Н. Б а р ы ш е в	156
Хищения, скрытые фиктивными бухгалтерскими проводками — Г. А. П е т р о с я н	164
Информационно-методические письма должны быть действительными — П. И. М е д в е д е в	169
Краткие сообщения	173
